

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЧИТАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ
ТОМСКА И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

УДК 002.2(571.16)“19/20”

ББК 81+80

Ч69

Авторы:

И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева, В.А. Есипова, Т.П. Карташова,

Е.А. Макарова, Е.И. Тулякова

Ч69 Читатель и читательские практики Томска и Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) / И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева, В.А. Есипова [и др.]. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. – 308 с.

ISBN 978-5-94621-911-2

В монографии рассмотрены основные тенденции формирования коллективных и индивидуальных читательских практик жителей Томска и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Освещены малоизученные страницы истории становления провинциальной читательской аудитории рубежа веков: читательские интересы томских горожан, интеллигенции и чиновничества, специфика детского чтения и особенности читательских практик сибирского крестьянства, формирование студенческой субкультуры чтения и вопросы цензурного регулирования. Особое внимание уделено различным аспектам взаимосвязи читательских практик с региональным литературным процессом. Представлен уникальный архивный материал из фондов Научной библиотеки Томского государственного университета, Томского областного краеведческого музея, Государственного архива Томской области, часть из которого впервые вводится в научный оборот.

Для историков, филологов, музейных и библиотечных работников, специалистов в области книгоиздания и книгораспространения, а также всех, кто интересуется историей культуры Томска и Сибири.

УДК 002.2(571.16)“19/20”

ББК 81+80

ISBN 978-5-94621-911-2

© Томский государственный университет, 2020

© Айзикова И.А., Воробьева Т.Л., Есипова В.А.,

Карташова Т.П., Макарова Е.А., Тулякова Е.И., 2020

Содержание

Предисловие (<i>В.А. Есипова</i>)	5
Глава 1. ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА ТОМСКА И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	8
1.1. Общая характеристика региональной читательской аудитории конца XIX – начала XX в. (<i>Т.Л. Воробьёва</i>)	8
1.2. Вопросы управления чтением в Томске и Томской губернии	16
1.2.1. Законодательные и регулятивные аспекты управления чтением (<i>В.А. Есипова, Т.П. Карташова</i>)	16
1.2.2. Регуляция детского и юношеского чтения в учебных заведениях г. Томска (<i>Е.И. Тулякова</i>)	29
Глава 2. ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ ТОМСКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.	40
2.1. Томский чиновник А.М. Горохов как читатель (<i>В.А. Есипова</i>)	40
2.2. Круг чтения томской интеллигенции (на материале книжной коллекции Г.К. Тюменцева) (<i>И.А. Айзикова</i>)	66
2.3. «Записная книжка с различными стихотворениями разных авторов» Н.И. Наумова как отражение читательских интересов владельца (1900–1901) (<i>И.А. Айзикова</i>)	125
2.4. Молодежные читательские практики Томска на рубеже веков (<i>Т.Л. Воробьёва</i>)	142
Глава 3. СЕЛЬСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.	153
3.1. Сельский читатель Томской губернии. Создание инфраструктуры чтения и эволюция читательских практик сельского населения (<i>Т.П. Карташова</i>)	153
3.2. Читательские интересы и практики старообрядцев (<i>В.А. Есипова</i>)	175
3.3. Технические аспекты создания книги и читательское поведение (<i>В.А. Есипова</i>)	195

Глава 4. ДЕТСКОЕ И ЮНОШЕСКОЕ ЧТЕНИЕ В ТОМСКЕ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.	
(<i>Е.И. Тулякова</i>)	209
4.1. Круг детского домашнего чтения	209
4.2. Детское книгоиздание в Томске в конце XIX – начале XX в. как способ формирования читателя (на примере учебной книги)	218
Глава 5. ТОМСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.	229
5.1. Литературно-художественный сборник как форма актуализации читательских интересов (<i>Е.А. Макарова</i>)	229
5.2. «Дуновение декаданса», или томская литературная критика начала XX в. о новейших литературных течениях (<i>Т.П. Карташова</i>)	252
5.3. Самодельные школьные журналы (<i>В.А. Есипова, Т.П. Карташова</i>)	268
5.4. Своеобразие сибирского «ученического сборника» (<i>Е.А. Макарова</i>)	280
Заключение (<i>Т.Л. Воробьёва</i>)	298

Предисловие

Формирование провинциальной читательской аудитории в Российской империи конца XIX – начала XX в. остается не до конца изученным процессом, хотя внимание ему уделяется достаточно давно. Хорошо известен целый ряд работ по читателеведению и социологии чтения, начиная с работ А.И. Рейтблата, ставших уже классическими. Однако до сих пор часть аспектов этого сложного процесса все еще не освещена, что и вызвало появление настоящей монографии; в частности, это касается Сибири как одного из отдаленных регионов Российской империи. Очевидно, что охватить все аспекты заявленной проблемы в рамках одной книги не представляется возможным. Поэтому авторский коллектив решил сосредоточиться на отдельных вопросах, являющихся, с нашей точки зрения, ключевыми. Кроме того, особое внимание было уделено процессам и фактам, еще не ставшим предметом интереса исследователей.

Книга разделена на пять глав, первая из которых посвящена общей характеристике проблемы. Прежде всего, приступая к рассмотрению заявленной темы, необходимо было ответить на вопрос о распространении грамотности: следовало выяснить, какой могла быть читательская аудитория в принципе, кто потенциально мог являться читателем. Первая глава также рассматривает внешние по отношению к читателю аспекты – законодательные и регулятивные. Здесь обсуждаются проблемы цензурного регулирования, в особенности в их региональном аспекте, правоприменительная практика в этой области. Отдельное внимание уделено вопросам регуляции детского чтения в силу специфики этой части аудитории.

Последующие главы монографии посвящены непосредственно рассмотрению читательских практик Томска и Томской губернии в последней трети XIX – начале XX в. Вторая глава освещает чита-

тельские практики томских горожан, образованной публики, интеллигенции. В качестве примеров рассмотрено читательское поведение и интересы томского чиновника А.М. Горохова, директора Алексеевского реального училища Г.К. Тюменцева и видного представителя сибирского областничества, писателя Н.И. Наумова. Также исследовано чтение студентов как особой группы читателей.

Совершенно специфичны читательские практики сельского жителя Томской губернии – именно этому посвящена третья глава книги. Особое внимание уделено созданию инфраструктуры чтения на селе. Отдельно рассмотрены читательские интересы и практики старообрядческого населения губернии, поскольку они формировались и функционировали по своим собственным законам. Здесь говорится и о таком аспекте, как техника создания книги и возможности ее влияния на читательское поведение; этот вопрос рассмотрен на примере гектографированных изданий, а также различных техник украшения старообрядческой рукописи.

Особой частью читательской аудитории являлись дети и юношество; для них были характерны собственные читательские практики, которым посвящена четвертая глава монографии. В ней рассмотрено детское чтение, уделено внимание становлению учебной книги в Томске как специфической части читательского репертуара.

Пятая глава посвящена томскому читателю и различным аспектам регионального литературного процесса конца XIX – начала XX в. Одной из форм реализации местного литературного процесса являлись составление и публикация литературно-художественных сборников – пусть и не всегда в сибирских издательствах. Объединенные сибирской тематикой, эти сборники предоставляли читателю возможность ознакомиться с творчеством целого ряда местных авторов, часто открывали новые имена. Важным является и вопрос о том, каким именно образом читатель получал информацию о текущем положении в отечественной литературе. Одним из таких каналов информации, безусловно, являлась литературная критика: публиковавшиеся в сибирской периодике статьи и заметки соответствующего жанра отражали и оценивали наиболее заметные явления общерусского литературного

процесса. Однако эти публикации имели не только информативную функцию, но и очевидную функцию отбора, помогали читателю ориентироваться, формировали его литературный вкус.

Отдельный интерес представляет такой вопрос, как читательское творчество; здесь оно рассмотрено как особый вид читательских практик, позволяющий реконструировать не только круг чтения, но и реакцию на прочитанный текст. Этот малоизученный вопрос был исследован на примере самостоятельных школьных журналов Томска.

Таким образом, в монографии рассматривается широкий круг проблем, связанных с формированием читательских практик обширнейшей провинции Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. Авторы надеются, что книга будет востребована не только специалистами в области истории литературы, читателеведения и социологии чтения, но и всеми, кто интересуется историей культуры Томска и Сибири.

Глава 1. ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА ТОМСКА И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

1.1. Общая характеристика региональной читательской аудитории конца XIX – начала XX в.

В конце XIX – начале XX в. на территории г. Томска и Томской губернии, как и на территории европейской части России, происходит **трансформация читательских практик** и появляется **массовый читатель**. Однако начало этого процесса восходит к первой трети XIX в. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

К середине XIX в. **читательскую аудиторию** в стране исследователи оценивают примерно в 1 млн человек. По уровню образования эта аудитория состояла из следующих групп:

– люди, имеющие или получающие высшее образование, владеющие иностранными языками; сюда же следует отнести и тех, кто получил хорошее домашнее образование, среди них было немало женщин. Таких читателей к середине XIX в. было порядка 30–40 тыс.;

– лица, имеющие или получающие среднее образование, домашнее образование и самоучки. Исследователи оценивают эту группу примерно в 200–250 тыс. человек;

– лица, окончившие начальную школу или учащиеся в ней, владеющие техническим навыком чтения. Их численность особенно трудно поддается учету: по примерной оценке ученых, она составляла 400–500 тыс. чел.

Реформы 1860–1870-х гг. изменили эту структуру читательской аудитории, в первую очередь за счет роста числа «низовых читателей» – крестьянства и городского населения: фабричных рабочих, мелкого купечества, мещан и т.д.

В развитии этих процессов определяющую роль сыграли два основных фактора: во-первых, переход к товарному хозяйству и связанным с ним правовым отношениям, когда многие столкнулись с необходимостью знания законов, регулярного знакомства с торговой, рыночной информацией; во-вторых, ломка социальных отношений, которая привела к разрушению старой картины мира, что также способствовало обращению к печатному слову.

Увеличение читающей аудитории было вызвано, прежде всего, ростом числа учащихся. К концу XIX в. численность студентов составляла 15,2 тыс., а учащихся средней школы – до 220 тыс. человек. Существенно расширилась сеть школ для крестьян (воскресных, школ Министерства народного просвещения, армейских, церковно-приходских, школ в имениях и т.д.). Кроме этого, значительную роль сыграл рост населения городов. С 1863 по 1897 г. численность городского населения в России увеличилась с 6,1 млн человек до 12 млн, при этом сельское население возросло за тот же период лишь в 1,5 раза.

Среди активно читающих групп населения во второй половине XIX в. можно выделить ученых и литераторов, учащуюся молодежь и помещиков. Существенно возросла численность и такой активно читающей группы, как провинциальная интеллигенция (учителя, врачи, ветеринары, агрономы и т.д.), особую группу представляли священнослужители и их семьи. Наряду с душеполезной и служебной литературой духовенство активно читало светскую книгу и периодику.

Крестьянство стало приобщаться к светской книге после реформы 1864 г. В сельской местности была создана сеть земских начальных школ, где учили читать не по-церковнославянски, а по-русски, причем осмысленно. Развивалось отходничество, росло число земских библиотек.

Проведение военной реформы и появление льготы, предоставляемой грамотным военнослужащим, очень сильно мотивировало мужское население на получение образования.

Важнейшим фактором формирования читательской аудитории начала XX в. стало стремительное развитие книгоиздательского и книготоргового бизнеса. По количеству печатной продукции на душу населения в 1912 г. Россия занимала третье место после Германии и

Японии. Появление специальных изданий для народной аудитории и удешевление книги сделали ее доступной для массового потребления.

Библиотечный «бум» и развитие внешкольных форм образования, таких как народные чтения, воскресные школы и общедоступные библиотеки, еще больше приблизило книгу к массовому читателю.

На начало XX в. в России было записано в городские библиотеки порядка 26 млн читателей, в сельские – около 3 млн. По оценкам исследователей, читательская аудитория составляла около 1/10 части населения страны.

Ключевое положение занимала группа читателей из привилегированных слоев общества и образованной публики. Они не только составляли основу читательской аудитории, но и часто определяли степень, формы, репертуар обеспечения книгой других слоев населения. Среди «низовой» читательской аудитории были представлены: рабочие – «вполне интеллигентные» (по выражению Н.А. Рубакина); мещане и часть учащихся – в целом эта группа имела невысокий уровень образования; «народный» читатель (крестьяне, мигранты из деревни, проживающие в городе) – уровень образования был еще ниже.

Во второй половине XIX в. изменение читательской аудитории и ее потребностей в чтении было характерно для всей страны, но в условиях различных регионов процесс формирования нового читателя обретал своеобразные черты.

В Сибири в целом и в Томской губернии в частности наблюдалась своя специфика. Действительно, по данным Первой Всеобщей переписи 1897 г. в Томской губернии проживали 1 927 679 человек, из них только 6,6% – в городах (с. V–VI)¹. Среди жителей имелось много переселенцев: в целом их процент составлял 33,5%, а в городах – 44,3% (с. IX–X). Данные по грамотности по губернии в целом показывают, что число грамотных среди мужчин составляло не более 16,5%, среди женщин – 4,28%. В городах этот процент был выше: 46,02% и 26,22% соответственно (с. XX–XXI). Статистики отмечают,

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. / под ред. К.А. Тройницкого. [СПб.], 1904. Вып. 79: Томская губерния. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000180712>

что наиболее грамотными являлись представители возрастных групп от 10 до 40 лет у мужчин и от 10 до 30 лет у женщин. Интересно распределение грамотных по вероисповеданию: наибольший процент грамотных отмечен среди протестантов (69%), православные находились лишь на четвертом месте (10%) (с. XXI).

Степень грамотности по сословиям распределялась следующим образом. Наиболее грамотными являлись представители дворянства (78,94% мужчин и 68,98% женщин) и духовенства (80,11% мужчин и 67,21% женщин): как видно, разница между уровнем грамотности мужчин и женщин в обоих случаях не являлась существенной. Иначе выглядела ситуация среди почетных граждан и купцов: здесь грамотными являлись 40% мужчин и всего 19,65% женщин. Еще меньше грамотных наблюдалось среди крестьян и казаков: 14,6% мужчин и 2,4% женщин. Наконец, инородческое население было практически неграмотным: среди мужчин было лишь 5% грамотных, а среди женщин – менее 2% (с. XXI–XXII).

Более подробно материалы по грамотности сельского населения Сибири исследовали К.Е. Зверева и В.А. Зверев¹. По их наблюдениям, уровень грамотности в Сибири в целом был ниже, чем в европейской части России, при этом в Восточной Сибири он был выше, чем в Западной. Последний факт исследователи объясняют тем, что в Восточной Сибири была выше доля мужчин в населении (а они были в целом более грамотны, чем женщины), более высокой являлась концентрация сельского населения при большем его тяготении к крупным торговым и транспортным путям. Кроме того, традиционно здесь же преимущественно размещались политические ссыльные, занимавшиеся в Сибири активной просветительской деятельностью.

Исследователями также был проведен сопоставительный анализ уровня грамотности различных слоев сельского населения в связи с уровнем их материального достатка. Помимо понятного вывода о том, что пик грамотности приходился на верхний, наиболее зажиточный

¹ Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск : НГПУ, 2013. 237 с.

социальный слой, был получен и еще один вывод. Оказалось, что второй пик грамотности приходился на беднейшие сельские слои, причем женщины из беднейших сельских слоев были даже более грамотными, чем женщины из семей среднего достатка. Также был отмечен достаточно высокий уровень грамотности среди переселенческого населения в сравнении со старожильческим.

Как и в России в целом, трансформация читателя в Томске происходила по-разному в разных сословиях. Всего по данным переписи 1897 г. в Томске проживали 52 210 человек, из них потомственных и личных дворян 4 402, духовенства 1 107, купечества 886, мещан 23 089, крестьян 20 475, иностранных подданных 86, принадлежащих к остальным сословиям 2 165 человек. Читательские интересы представителей этих сословий существенно отличались.

При отсутствии в Сибири поместного дворянства и незначительном количестве дворянства служилого в статистических сведениях обычно указывалось местное чиновничество.

Расширение среднего читательского слоя происходило именно за счет чиновничества. В Томске начиная с конца 1850-х гг. книга становится неотъемлемой частью духовного развития и профессионального чтения чиновников. Создаются библиотеки при статистическом комитете, контрольной палате, окружном суде и канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа. Собственную справочную библиотеку имело и городское общественное самоуправление. О значении читательских практик того времени в общекультурном процессе региона свидетельствует тот факт, что появление этих библиотек способствовало формированию своеобразных «писательских гнезд» и становлению местного авторского корпуса – литераторов, вышедших из чиновничьей среды: председателя губернского статистического комитета князя Н.А. Кострова, автора научно-краеведческих и историко-статистических очерков на сибирские темы, учителя истории в Томской мужской гимназии, а позже – сотрудника губстатбюро и краеведа И.И. Тыжнова, занимавшегося историей и этнографией края. К этому разряду можно отнести и молодого конторщика управления Томских железных дорог В.В. Курицына, который регулярно печатал

в местной прессе свои стихи и, уловив читательские настроения, выступил автором уголовно-приключенческого романа «Томские труппы», получившего сенсационную известность.

«Книжное ядро» чтения мещанства составляли литература развлекательного, авантюрно-приключенческого характера, близкая к лубочной, и духовные книги. При незначительном количестве публичных библиотек читатели этой группы были лишены свободы выбора изданий, их чтение во многом носило спорадический, бессистемный характер.

В последней трети XIX в. томское чиновничество и купечество активно приобщаются к чтению периодической литературы, которая начинает занимать лидирующее положение в читательских практиках горожан. Распространение прессы в этот период является важнейшим фактором, характеризующим специфику читательских практик, так как именно газета втягивает в сферу своего воздействия все более широкие социальные слои, приобщая их к регулярному чтению. Газетная периодика апеллировала к низовой читательской полуобразованной аудитории, круг интересов которой определялся злобой дня и насущными жизненными проблемами. Городская пресса характеризовалась «литературоцентризмом», наличием постоянного беллетристического раздела с публикациями фельетонов, рассказов, очерков и «сценок с натуры». Таким образом, являясь в своих жанровых формах «функциональным эквивалентом слухам и фольклору»¹, городская газета не только формировала вокруг себя местный авторский корпус, но и способствовала развитию читательских потребностей у широких слоев низового городского населения.

Характерная черта Томска в конце XIX – начале XX в. – рост числа учебных заведений и появление самой большой и активной читательской группы этого периода – учащейся молодежи (студентов, гимназистов, реалистов, семинаристов). Все учебные заведения имели собственные библиотеки, которые обеспечивали учебный процесс и внеклассное общеобразовательное чтение. Молодежные читательские

¹ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М. : Изд-во МПИ, 1991. С. 112.

практики этого периода были связаны не только с традиционным учебным чтением, но и с формами досуга, реализуя разнообразные познавательные и развлекательные цели. Так, библиотека Томского семинария в 1858 г. имела около 1 500 томов не только богослужебной, но и светской литературы¹.

Поскольку именно библиотеки были одним из основных каналов обеспечения книгой в данный период, то изучение их состава может дать определенное представление о книжных потребностях читателей того времени. Например, систематический каталог Фундаментальной библиотеки Томских приходских училищ включал книги по 10 тематическим разделам, в том числе справочную литературу и периодические издания, но наиболее объемно в нем представлен раздел беллетристики. Он включал зарубежную и русскую литературу: сочинения Байрона, Гейне, Гюго, Диккенса, Золя, Шекспира, Шиллера и произведения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. Характерно, что наряду с классикой в каталоге 1912 г. указаны книги современников: Бунина, Горького, Серафимовича; при этом в состав библиотеки попадали не только шедевры, но и произведения популярной у читателя «массовой» литературы: проза Арцибашева, повести и очерки Златовратского, рассказы Потапенко².

Особая миссия в распространении чтения в Томске принадлежала читательской группе интеллигенции, в состав которой входили профессор университета, краеведы, общественные деятели, владевшие значительными частными книжными собраниями, включавшими в том числе редкие книги: Г.К. Тюменцев, Г.Г. Тельберг, Г.Н. Потанин, А.А. Дикгоф. Благодаря частной инициативе представителей демократической интеллигенции, владельцев книжных магазинов П.И. Макушина, Н.И. Березницкого, на основе их личных собраний были открыты публичные библиотеки, которые выполняли роль «второго

¹ Лукьянова Л.С. Книжная культура Западной Сибири во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. С. 14.

² Систематический каталог наглядных пособий и книг Фундаментальной библиотеки Томских приходских училищ. Томск, 1913.

университета», формируя устойчивый интерес к чтению широких социальных слоев, особенно разночинной молодежи.

В конце 1890-х гг. не только газета, но и «толстый» журнал становится объектом внимания представителей средних городских кругов Томска. По статистике за 1898 г., приводимой газетой «Сибирская жизнь», Томская губерния лидирует среди других регионов по числу читателей – подписчиков «толстых» журналов (220 чел.), преимущество принадлежит таким изданиям, как «Вестник Европы», «Мир божий», «Восход»¹. В условиях роста и дифференциации читательской аудитории журнал выполнял роль связующего звена между столицей и регионами, посредника между высокообразованными читателями и теми, кто только стремился приобщиться к культуре.

Первые десятилетия XX в. отмечены массовым увлечением детективной литературой. Как отмечал известный российский социолог, историк культуры А.И. Рейтблат², в этот период распространение в России получил не классический детектив, а другая модель – уголовный роман, «сыщицкая литература», где главное – динамика действия, а не умение логически мыслить. Автор заметки в томской газете «Сибирская жизнь» с горькой иронией констатировал: «Убийства, необычные кровавые преступления, мир воров и бандитов, приключения сыщиков и преступников, со зверской жестокостью соперничающих друг с другом – все это – изложенное притом же безграмотным языком, болезненно возбуждает любопытство, будит нездоровые и зверские инстинкты, навсегда убивает охоту к художественному и идейному чтению. А потому все, кто признает деморализующее влияние сыщиковской литературы на детей и видят в ней опасность для всего общества – должны объявить войну этой «литературе» и оздоровить и облагородить ту атмосферу, в которой сейчас воспитывается наша молодежь»³.

¹ Сибирская жизнь. 1899. № 95. 6 мая.

² Рейтблат А.И. Детективная литература и русский читатель (вторая половина XIX – начало XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. СПб., 1994. Вып. 7. С. 126–140.

³ Шавельский Т.А. «Пинкертоновская литература» // Сибирская жизнь. 1909. 22 марта.

Несмотря на подобные предупреждения, волна сыскной литературы, распространяемой в большинстве случаев частными агентами, буквально захлестнула Томск в 1908 г. Читательская аудитория этой литературы – преимущественно горожане, средние слои (мелкие чиновники, молодые купцы, приказчики, ремесленники и особенно городская молодежь, учащиеся, юношество). Несмотря на определенное деморализующее влияние такой литературы на незрелые умы подрастающего поколения, следует отметить, что подобные издания, несомненно, внесли свою лепту в дело привлечения массового читателя к книге.

Таким образом, можно отметить количественное и качественное изменение томской читательской аудитории и ее интересов в 1880–1890-е гг., когда, по словам Н.А. Рубакина, «выдвинулся тот читатель, который явился одним из самых активных потребителей книжного товара»¹. Формирующиеся читательские практики становятся в этот период важнейшим фактором регионального литературного процесса, существенно меняя характер взаимодействия книги и общества.

1.2. Вопросы управления чтением в Томске и Томской губернии

1.2.1. Законодательные и регулятивные аспекты управления чтением

История читателя, читательского поведения и практик – одно из направлений, активно развивающееся в последние годы как в нашей стране, так и за рубежом. При рассмотрении этого вопроса применительно к библиотеке принято выделять две основные концепции: англо-американскую концепцию свободного доступа к любой книге (отсюда – формирование в массовых библиотеках зон свободного доступа и соответствующая организация пространства) и немецкую, предполагающую принцип «духовной встречи библиотекаря и чита-

¹ Рубакин Н.А. Книжный поток. Факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет // Русская мысль. 1903. № 3. С. 10.

теля» и широкую практику регламентации чтения¹. Очевидно, что поведение читателя в этих двух концепциях принципиально различается: если в первом случае читатель сам выбирает то, что ему необходимо, то во втором посредником между читателем и книгой является библиотекарь, который осуществляет «руководство чтением» и «воспитание читателя». Отечественная парадигма массовой библиотеки, берущая начало в представлениях народников о преобразовании «народа» в «читателей», очень близка немецкой концепции². При этом как на формирование издательского репертуара, так и на комплектование фондов библиотек оказывали влияние самые разные факторы, начиная от цензуры кончая системой руководства чтением.

По истории цензуры в последнее время появилось много содержательных и интересных работ, в них уделено внимание как центрально-российской, так и региональной проблематике³. Так, в диссертации Н.Г. Патрушевой детально рассмотрена организационная сторона цензуры в России, описана и организация цензурного надзора в провинции⁴. Деятельность органов, осуществлявших цензуру, регламентировалась Уставами о цензуре (1804, 1828), а также указами, мнениями

¹ Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб., 2004. С. 204–219.

² Павлов М.А. Государственная регламентация чтения в России 1890–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 2.

³ Строева А.А. Практика цензурного контроля над библиотечными фондами во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам губерний Черноземного центра) // Библиосфера. 2013. № 1. С. 31–38; Блюм А.В. Цензурная регламентация репертуара массового чтения в России (конец XIX – первая половина XX вв.) // Библиотеки и чтение в ситуации культурных изменений : материалы междунар. конф. (Вологда, 18–22 июня 1996 г.). Вологда, 1996. С. 23–37; Ефремова Е.Н. Цензура в библиотеках в уральской провинции в начале XX в. // Цензура в России : история и современность. СПб., 2008. Вып. 4. С. 172–184; Смолянинова Н.Н. Цензурное законодательство в области книгопечатания, книгоиздания, библиотечной деятельности (конец XIX – первая половина XX в.) // Культурология в контексте гуманитарного знания : материалы междунар. науч. конф. (Курск, 6–7 окт. 2011 г.). Курск, 2011. С. 110–113.

⁴ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. Т. 1. С. 238–258, 350–358.

Государственного Совета, Положениями, выпущенными Комитетом Министров. Распорядительная документация была представлена циркулярами и распоряжениями Министерства внутренних дел. Запрещение того или иного издания по суду приводилось в известность сначала в виде телеграмм, рассылаемых по губерниям. Затем эта информация сводилась воедино и рассылалась также по губерниям в форме циркуляров Главного управления по делам печати. Также в «Книжной летописи», выпускавшейся Главным управлением по делам печати с 1906 г., публиковались списки запрещенных изданий. С 1894 г. формировались «Алфавитные указатели книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными постановлениями». Алфавитные указатели выходили раз в квартал и также рассылались по губерниям¹. «Алфавитные списки», присланные в губернию, рассылались затем уездным исправникам для раздачи заведующим библиотеками. Особо оговаривалось, чтобы «этот указатель никому из посторонних лиц не был ими передаваем ни для справок, ни для ознакомления». Запрещалась и перепечатка указателя².

Однако, помимо цензуры, существовала также система регламентации чтения, организационно оформившаяся в России в конце XIX в. Данному явлению также посвящен ряд работ, включая диссертации³. Эта система была самостоятельным направлением внутренней политики, а не частью системы цензуры; она не являлась долгосрочной концепцией, а выливалась прежде всего в реакцию центральных и местных властей на происходящее – и нередко эта реакция была запоздалой и малоэффективной⁴.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1229. Л. 2–2е, 53а–53д, 131–131е и др.

² Там же. Д. 577. Л. 89.

³ Павлов М.А. Государственная регламентация чтения в России 1890–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 23 с.; Потапова Е.В. Влияние духовно-цензурных комитетов на развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 16 с.; Лучкина О.А. Институты рекомендательной библиографии для детского чтения в дореволюционной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия филология. 2013. № 3, т. 1. С. 22–34.

⁴ Павлов М.А. Государственная регламентация чтения... С. 8.

Система регламентации чтения начала складываться с ростом в стране количества бесплатных народных библиотек. 15 мая 1890 г. были введены в действие «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними»¹, в которых устанавливалось требование, что все поступающие в библиотеку книги должны вноситься в каталог, скрепляемый печатью и подписью наблюдающего за библиотекой лица. В народные библиотеки-читальни допускались лишь книги, разрешенные Ученым комитетом Министерства народного просвещения и помещенные в разрешительные каталоги Министерства. Правила 1890 г. упростили порядок открытия библиотек, поставив их разрешение в зависимость от местного губернатора, а не от центрального ведомства, но выбор книг был ими до крайности ограничен. Согласно § 4 правил, «читальни могут иметь у себя лишь следующие книги: а) книги, значащиеся в издаваемых Министерством народного просвещения каталогах книг для употребления в ученических библиотеках средних и низших учебных заведений и в учительских библиотеках низших учебных заведений; б) книги, одобренные Министерством народного просвещения к обращению в читальнях; в) книги, указанные духовным ведомством для употребления в церковно-приходских школах и в церковных библиотеках; г) книги и журналы, издаваемые с разрешения духовной цензуры; д) книги и журналы, издаваемые правительством, и ж) из светских книг и журналов те, кои будут указаны Министерством народного просвещения по соглашению с обер-прокурором святейшего Синода»². Ближайший надзор за бесплатными народными читальнями возлагался на одно или несколько лиц учебного или духовного ведомства.

Изданные в 1897–1905 гг. законодательные и административные распоряжения в отношении народных библиотек и читален также несколько облегчили порядок их устройства. Происходило постепенное

¹ Еремин А.И. Уставы и правила библиотек как источник по истории повседневной жизни провинции в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4. С. 249–273.

² Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1890. № 7. С. 175–179.

делегирующие некоторые полномочия из центра на места, в том числе и надзорных функций. Законом от 15 февраля 1897 г. дела об утверждении уставов обществ по устройству публичных чтений для народа и народных читален, вносившиеся прежде в Комитет министров, были предоставлены министрам и главноуправляющим для разрешения их собственной властью. В 1898 г. Министерство народного просвещения признало возможным допустить к обращению в народных читальнях и библиотеках те из местных периодических изданий, которые будут признаны для того пригодными по соглашению попечителя учебного округа с губернатором и епархиальным епископом. 18 января 1904 г. были изданы правила о книжных складах и народных библиотеках при низших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, облегчившие процедуру открытия этих складов и библиотек; в зависимости от вида училища библиотеки и склады разрешались уездным училищным советом, инспектором или директором народных училищ.

«Правила» 1890 г. действовали до 1905 г. и были полностью отменены лишь после Манифеста 17 октября. Однако после 1907 г. началась реакция, характеризующаяся в первую очередь многочисленными примерами самоуправства и злоупотреблений местных властей, закрытия неугодных библиотек и т.д. 9 июня 1912 г. вступили в действие «Новые правила о народных библиотеках при низших учебных заведениях ведомства народного просвещения»¹, которые фактически возвращали ситуацию на уровень 1890 г. Новые ограничения в системе регламентации чтения появились с началом Первой мировой войны; они проходили в основном по линии военного ведомства. Система регламентации чтения была упразднена после февральской революции 1917 г.

Рассмотрим, как реализовывались перечисленные законодательные и распорядительные акты на примере Томской губернии. Наиболее массовый материал в этом отношении дают библиотеки обще-

¹ Правила о народных библиотеках при низших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения (утв. 9 июня 1912 г.) // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1912. № 5/6. С. 199; № 7. С. 557–559.

ственных организаций. Необходимо отметить, что в общественных организациях прежде всего обращалось внимание на личности председателя и членов правления, особой проверке подвергались также лица, работающие библиотекарями. Их лояльность властям и хорошая репутация являлись залогом «правильной» работы всего общества. Даже при закрытии обществ их библиотеки не уничтожались и не изымались. Так, при закрытии Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске его библиотека, насчитывавшая более 10 тыс. томов, была передана городу и впоследствии стала второй публичной городской библиотекой¹, в г. Новониколаевске фонды библиотеки аналогичного общества были переданы Новониколаевскому обществу попечения о народном образовании и стали основной частью фонда его библиотеки².

Если надзор за печатной продукцией, издательствами и типографиями, а также книготорговыми точками и распространением книг осуществляло Министерство внутренних дел, то надзор за библиотеками и народными чтениями, а также публичными лекциями и литературно-музыкальными вечерами, являвшимися продолжением и частью бытования литературы на местах, возлагались на Министерство народного просвещения и Ведомство православного исповедания, особенно в сельской местности. Наибольшая власть была сосредоточена в руках попечителя Западно-Сибирского учебного округа и местных чиновников: директора народных училищ и инспекторов (с 1900 г.), а также специально назначенных наблюдателей.

За время функционирования Западно-Сибирского учебного округа сменилось четыре попечителя: В.М. Флоринский (1885–1889), Л.И. Лаврентьев (1889–1914), А.Ф. Фон-Гейтман (1914–1915), Н.И. Тихомиров (1915–1918), а епископскую кафедру с 1891 по 1912 г. занимал будущий митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский). Что-то утаить от их всевидящего ока было довольно труд-

¹ Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 155.

² Новониколаевск (Книжный голод. В высшем женском начальном училище) // Сибирская жизнь. 1914. № 16. 21 янв.

но. В результате был достигнут определенный баланс и распределены полномочия между разными ведомствами в деле контроля за изданием, распространением печатной продукции и чтением.

Практика работы по реализации «Правил» 1890 г. наглядно видна на примере дела, отложившегося в ГАТО, «О передаче Обществ содействия народному образованию в ведение Министерства народного просвещения» (1905)¹. Согласно «Правилам», «ответственное лицо по библиотеке пред правительством избирается советом общества и утверждается в сем звании губернатором, от усмотрения, которое зависит устранение от занятий по библиотеке как этого лица, так равно и всех служащих при оной. Этому лицу сообщается губернатором список книг, недозволенных для обращения в публичных библиотеках, берется с него подписка не только не допускать к обращению поименованных в нем книг, но даже не передавать этого списка другим лицам для знакомства с ним»². Таким лицом при библиотеке Общества содействия народному образованию в Томске в 1895 г. был назначен учитель городского училища А.И. Мисюрев³. Он сообщал, что в период его наблюдения два раза перепечатывались каталоги библиотеки с дополнениями, и оба раза ему пришлось сверять корректуру со списками книг, допущенных к обращению. Мисюрев пишет: «Сверять каждую книгу с каталогом я не считал нужным и не имел к этому повода. Отдельные же книги просматриваю, и они всегда соответствуют каталогу... Иногда случалось и исключать книги вследствие распоряжения об изъятии их свыше. Не в качестве лица наблюдающего, но в качестве члена общества мне пришлось раз и буквально проверять библиотеку (1894). И на этот раз мною замечено полнейшее тожество книг библиотеки с записью каталога»⁴. В обязанности А.И. Мисюрева также входило наблюдение за книжным складом и народными чтениями. Им проверялись предназначенные

¹ ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 68.

² Там же. Л. 111.

³ Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 141–142; ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 68. Л. 111.

⁴ ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 68. Л. 112.

для прочтения тексты, наличие этих текстов в разрешенных министерством каталогах, а также списки утвержденных губернатором и попечителем лекторов. Народные чтения проводились довольно часто. С 1890 г., кроме народной бесплатной библиотеки, чтения стали проводиться в Юрточном училище, затем прибавились аудитории в Заозерном, Заисточном и Владимирском училищах. К 1892 г. количество аудиторий увеличилось до 5. Если в 1890 г. было проведено 20 чтений, то в 1897 г. – 62, а в 1898 г. – 60¹. Посещать все чтения было физически невозможно. По этому поводу наблюдатель вынужден был оправдываться перед вышестоящим начальством в записке на имя директора народных училищ от 18 мая 1905 г.: «...сообщаю, что афиш трех последних чтений достать не удалось и списки народных чтений 10 и 24 апреля и 1 мая пришлось восстанавливать с немалым трудом.

Все эти чтения разрешены мною на основании каталога Министерства народного просвещения, а лекторами были лица, которым дозволено читать. Если лекторы 10 апреля мною не упоминаются, то это от того, что я точно не помню их, но они, безусловно, были из этих же чтецов, так как при разрешении чтений я всегда справляюсь со списком разрешенных лекторов. На этих трех чтениях я лично не присутствовал за непролазной грязью в это время по улицам города Томска и ручаться, что программы народных чтений выполнены точно, не могу. Отступления от программы случались и раньше и возможны были и во время этих чтений»².

Выявление запрещенных книг действительно, как и упоминал Мисюрев, могло произойти при цензуровании каталогов библиотек. Так, и.о. отдельного цензора Вл. Фролов 1 марта 1905 г. составил донесение томскому губернатору под грифом «секретно», в котором описывал следующую ситуацию³. Выполняя свои непосредственные обязанности, он занимался цензурованием «Каталога книг библиотеки Томского общественного собрания» и обнаружил в ее составе книги,

¹ Карташова Т.П. Первое в Сибири Общество попечения о начальном образовании в г. Томске (1882–1906) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. С. 175–176.

² ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 68. Л. 126.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 458. Л. 45–46.

запрещенные к обращению в публичных и общественных библиотеках. Список книг прилагался; он включал сочинения В.Г. Короленко, А.М. Скабичевского, В.М. Гаршина, М.М. Ковалевского, Н.Г. Михайловского, Д.И. Писарева, Л.Н. Толстого и Э. Золя, всего числом 10. Однако документов о дальнейшем развитии ситуации в деле не имеется. Скорее всего, это связано с тем фактом, что библиотека Общественного собрания фактически не имела общественного характера, а являлась, по сути, сословной библиотекой. Достаточно сказать, что среди заведующих этой библиотекой в 1906–1910 гг. были представлены профессора Томского университета Е.С. Образцов, Н.Н. Розин и др., а по размерам финансирования эта библиотека занимала одно из лидирующих мест в Томске¹. Таким образом, попытка подвергнуть цензуре фонды библиотеки элитного городского клуба осталась без последствий, но рвение цензора заслуживает упоминания.

Попытка введения тотального контроля за фондами библиотек была заранее обречена на провал – особенно если принять во внимание взрывной рост числа библиотек в начале XX в. Одно из красноречивых свидетельств – дело об увольнении заведующего книжным складом училищ г. Барнаула М. Куклина, у которого при обыске было найдено большое количество противоправительственных изданий². Обыск у Куклина был инициирован жандармскими властями, ответственные же за положение дел на складе местные чиновники Министерства народного просвещения узнали о событиях лишь постфактум. Об этом свидетельствует служебная записка инспектора народных училищ 2-го района на имя директора народных училищ Томской губернии от 7 декабря 1906 г. Инспектор П. Давыдов сообщает, что «о производстве обыска в книжном складе не было сообщено г. инспектору в тот момент, когда он начался, и уведомили по окончании оною. Я же узнал об обыске случайно». В следующей записке спустя неделю Давыдов дает характеристику М. Куклину и описывает обстоятельства его назначения: «Куклин – учитель Чернопятковского учи-

¹ Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 156.

² ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 215. Л. 2–2 об.

лица, был назначен заведующим книжным складом бывшим инспектором Гуляевым 15 февраля текущего года, перед самым отъездом Гуляева из Барнаула. Вероятная причина назначения заведующим складом именно Куклина, несмотря на его молодость и какую-то рассеянность и неуравновешенность, может быть объяснена, мне думается, тем обстоятельством, что Куклин женился на той особе, которая несколько лет исполняла у Гуляева обязанности не то воспитанницы, не то гувернантки. Хотя, по моем вступлении в должность, мне и показался несколько странным выбор Гуляева, но последующая деятельность Куклина как заведующего доказала, что он действительно на своем месте. Весь он ушел в дела склада, о чем-либо другом с ним и разговаривать было невозможно. С раннего утра и до поздней ночи он в вечной суете»¹. Таким образом, учебные власти, призванные следить за составом книг во вверенном им ведомстве, а также за персоналом, осуществляющим работу с книгами, оказались неспособны осуществить свои функции и вынуждены были оправдываться, когда жандармские власти начали исправлять их ошибки.

Необходимо отметить, что в целом по материалам Томской губернии сохранилось не так много дел, в которых зафиксированы случаи изъятия книг в книжных магазинах и библиотеках. Существует довольно обширная категория дел, посвященных изъятию книг у старообрядцев, но эти дела проходили по духовному ведомству и здесь не рассматриваются. Именно поэтому представляет интерес отчет о ревизии коллежским секретарем Лаврентьевым типографий, общественных и частных библиотек и книжных магазинов Ново-Николаевска, Барнаула и Бийска. Сергей Леонидович Лаврентьев, выпускник юридического факультета Петербургского университета, был откомандирован приказом Министерства внутренних дел в Томск 18 марта 1915 г. для исполнения должности инспектора по делам печати, где и прослужил в этой должности до упразднения цензурного ведомства в 1917 г.²

¹ ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 215. Л. 3.

² Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX в. : библиографический справочник. СПб., 2013. № 633. С. 224.

Лаврентьев был командирован в указанные города летом 1916 г., его итоговый отчет датируется 4 сентября 1916 г.¹ При осмотре книжных магазинов обнаружилось, что они «не имеют обыкновения делать проверку, не значится ли имеющаяся в магазине книга в числе запрещенных изданий»². Единственным исключением стал имеющийся в Бийске магазин «Товарищества А.Ф. Второва с сыновьями». Как отметил Лаврентьев, заведующая этим магазином А. Хлебникова делает соответствующие отметки в каталоге магазина. Однако при этом ниже Лаврентьев пишет, что в этом магазине, как и в магазине Сохарева в том же Бийске, «отдел публицистики представлен очень широко, причем замечается тенденциозный подбор литературы этого рода»³.

При осмотре библиотек Лаврентьев уделил особенное внимание порядку изъятия запрещенных изданий⁴. Выяснилось, что часть библиотек проверялась жандармскими властями, однако были и такие, где проверок не проводили ни жандармы, ни собственные библиотечные комиссии – и среди них весьма крупная Бийская городская общественная библиотека, насчитывающая до 10 тыс. томов. Отдельное хранение запрещенных изданий Лаврентьев обнаружил только в двух библиотеках Барнаула: Барнаульской городской общественной библиотеке и библиотеке Барнаульского Общества попечения о начальном образовании. Запрещенные книги хранились здесь в особых запечатанных сундуках. Отсутствие проверок «объясняется тем обстоятельством, что “Книжная Летопись”, издаваемая Главным управлением по делам печати, не выписывается библиотечными комиссиями»⁵. Экземпляр «Книжной летописи» оказался только в уже упомянутой выше Барнаульской городской общественной библиотеке.

Предложения Лаврентьева по результатам ревизии сводились к тому, чтобы ознакомить библиотекарей и владельцев книжных магазинов с алфавитами запрещенных книг. Сундуки же с запрещенными

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 445. Л. 3–6.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 5 об.–б.

⁵ Там же. Л. 5 об.

книгами из Барнаульских библиотек он рекомендовал направить в распоряжение губернской администрации.

История с запрещенными книгами из Барнаула имела почти анекдотическое продолжение: добросовестные члены библиотечных комиссий выполнили распоряжение Лаврентьева. Всего в адрес губернского начальства было выслано 113 книг¹. Однако в результате неизвестных причин высылка задержалась до марта 1917 г. Поэтому посылку с запрещенными книгами получили уже не члены губернского правительства, а Комиссариат по управлению Томской губернией, который распорядился отправить книги обратно «для свободного держания в городской библиотеке»².

Постепенно вырабатывалась и практика обхода правительственных запретов. Один из них – отправка изъятых из обращения книг подальше от контролирующих органов. Так, учительница Лотошанской школы Черно-Курьинского района П. Богатырева вспоминала: *«Исполняя желания читателей, я часто обращалась к Е.П. [Макушиной], прося книг, изъятых из употребления. Так напр. некоторые сборники «Знания», соч[инения]. Горького и др. и Е.П. посылала, предупреждая, что в библиотеке этих книг нельзя держать, а только у себя»*³.

Еще одним из методов было получение разрешения на создание закрытой библиотеки, предназначенной для членов, например, общественной организации; потом же эта библиотека переводилась в разряд общедоступных. Например, 12 мая 1916 г. Общество взаимопомощи приказчиков г. Камень Томской губернии обратилось к губернатору с прошением, в котором говорилось: «21-го октября 1915 г. обществом было возбуждено ходатайство о разрешении открыть библиотеку с исключительным правом пользования книгами только членам общества, на что получилось разрешение. Ввиду того, что в настоя-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 445. Л. 7–14.

² Там же. Л. 10 об.

³ Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова (ТОКМ). № 14167/1478. Документы Общества содействия устройству сельских библиотек-читален в Томской губернии. Л. 1.

щее время в г. Камне функционирует только одна публичная библиотека, которая не может удовлетворить всех желающих получить книгу, общее собрание членов Общества взаимопомощи приказчиков постановило вновь возбудить ходатайство... о разрешении открыть платную библиотеку с правом пользования книгами не только членам общества, но и всем желающим из жителей г. Камня»¹. Первоначально дело пошло по стандартному пути: были запрошены сведения о политической благонадежности членов правления Общества и его библиотекаря; Барнаульский уездный исправник сообщил, что неблагоприятных данных не имеет. Однако в связи со сменой власти весной 1917 г. дело приобрело новый оборот. 20 марта 1917 г. Комиссариат по управлению Томской губернией сообщил в Каменский Временный комитет общественного порядка и безопасности, что «разрешения на открытие библиотеки-читальни названным обществом с правом пользоваться книгами не только членами Общества, но и всеми желающим из жителей г. Камня, ввиду последовавшего изменения государственного строя, не требуется»².

Таким образом, попытки выстроить систему регламентации чтения, рассмотренные на материалах Томской губернии, следует признать, скорее, малоэффективными. Причин для этого было много. С одной стороны, все увеличивающееся количество массовых библиотек, явившееся одной из причин возникновения самой идеи регламентации чтения, в итоге эту идею и похоронило: тотальный надзор оказался невозможен по простой причине нехватки соответствующих кадров и невозможности отследить абсолютно все. Кроме того, система регламентации давала очевидный сбой на уровне исполнения: списки запрещенных изданий не доходили до конкретных исполнителей (библиотекарей и владельцев книжных магазинов), а последние не особенно стремились получить эти списки в свое распоряжение. С другой стороны, стремление читателя все же получить доступ к интересующей его книге нередко оказывалось сильнее неповоротливой системы наказаний и ограничений.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 463. Л. 1.

² Там же. Л. 17.

1.2.2. Регуляция детского и юношеского чтения в учебных заведениях г. Томска

Дети как значительная часть «читающей публики» начинают осознаваться еще с начала XIX в. С 1860-х гг. под воздействием оригинальных идей педагогики развивается теория детского чтения. Передовые педагоги своего времени (К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, В.И. Водовозов, М.А. Корф и др.) говорили об определяющей роли учебных заведений и учителей в культуре чтения ребенка. На этот социальный институт возлагалась миссия воспитания читателя, руководства детским чтением.

Ю.М. Гончаров в монографии о городской семье в Сибири в конце XIX – начале XX в., говоря о развитии системы образования, приводит следующую цитату: «Государство мало-помалу отнимает у семьи ее воспитательные, учительские, опекунские функции и берет их в свои руки»¹.

Учебное заведение как институт государства и учитель как представитель официальной педагогики в своей деятельности были ограничены сверху. О.А. Лучкина отмечает: «В дореволюционной России детское чтение контролировалось сетью институтов... Основными центрами создания круга детского чтения были: Священный Синод (Св. Синод), Министерство народного просвещения (МНП), Военное министерство, Ведомство учреждений Императрицы Марии (ВуИМ), также IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Мариинское ведомство»². Их рекомендательные списки и каталоги определяли учебную программу по курсу словесности, круг классного и внеклассного чтения, состав фундаментальных и ученических библиотек при учебных заведениях.

Официальной педагогикой регламентировались и методики детского чтения, которые составлялись без учета возраста обучающихся,

¹ Цит. по: Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 300.

² Лучкина О.А. Институты рекомендательной библиографии для детского чтения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 3. С. 23.

степени их подготовленности, типа учебного заведения. Учебные заведения дореволюционной России, ориентируясь на министерские каталоги рекомендательной литературы, определяли, что и как читать детям. Целью же такой унификации было воспитание в подрастающем поколении идеалов, соответствующих образовательной политике государства.

Однако при изучении проблемы читателя всегда полезно обратиться к источникам неофициальным, позволяющим судить о внутренней жизни учебного заведения. Материалы педагогических собраний, планы занятий учителей, их дневники, отчеты позволяют увидеть, какими средствами формировались личностные качества читателя-ребенка в соответствии с образовательной концепцией педагогов.

Развитие системы образования Западной Сибири от 1860-х к 1880–1890-м гг. отмечено прогрессивными явлениями в области среднего образования (увеличение количества средних учебных заведений, начало женского среднего образования, возникновение реальных училищ, провозглашение принципа демократизации и бессловности школ и пр.).

В Томске как образовательном центре в конце XIX в., естественно, распространялись новые веяния образовательной системы. В августе 1877 г. было открыто Томское Алексеевское реальное училище (ТАРУ), целью учреждения которого была подготовка молодых людей к практической деятельности на поприще торговли и промышленности¹. Объем преподавания учебных предметов и их распределение по классам определялись учебным планом, издававшимся Министерством народного просвещения. В образовательной программе упор делался на изучение технических дисциплин. Однако положение дел немного изменилось к концу 1880-х – 1890-м гг., когда «под нажимом общественного мнения правительство было вынуждено пойти на некоторые усиления образовательного статуса училищ... В учебных планах было увеличено количество часов на изучение

¹ Город Томск. 1912. С. 18.

предметов гуманитарного цикла»¹. Это способствовало развитию инициативы в отдельных учебных заведениях, в том числе в ТАРУ, педсостав которого отличался высоким уровнем образования (директор – Гавриил Константинович Тюменцев, кандидат Казанского университета, метеоролог, краевед; курс словесности преподавал кандидат Санкт-Петербургского университета П. Бережков и т.д.) и личной заинтересованностью в деле воспитания своих подопечных. Судя по отчетным таблицам, отражающим учебную деятельность, с годами в училище увеличивалось количество общеобразовательных предметов, в том числе гуманитарных². Материалы педагогических собраний также свидетельствуют о повышенном внимании к предметам эстетического воспитания, в частности языкам, литературе.

Как следует из протоколов Педагогического совета ТАРУ, который был высшим органом, решающим важнейшие вопросы организации образовательной и воспитательной деятельности учебного заведения, среди прочих обсуждались вопросы чтения учащихся-реалистов, темы сочинений для учеников 4-, 5- и 6-х классов на каждое полугодие учебного года. Их анализ позволяет сделать следующие выводы о круге чтения и воспитании читателя в стенах данного учебного заведения³.

Учащимся предлагался «верный» (одобренный МНП) корпус текстов в соответствии с программой, утвержденной для среднего образования: произведения русского фольклора, древнерусской литературы, оды М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, «Недоросль» Д.И. Фонвизина, проза и поэзия А.С. Пушкина, Ю.М. Лермонтова, сочинения Н.В. Гоголя. При анализе произведений, как показывают формулировки тем,

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / под ред. Э.Д. Днепров и [др.]. М. : Педагогика, 1991. С. 111.

² Извлечение из отчетов Попечителя о состоянии учебных заведений Западно-Сибирского учебного округа за 1886 год : [в 6 ч.]. [Ч.] 2: Реальные училища. [1887]. 41 с.

³ В статье приводятся утвержденные темы сочинений из Протоколов Педагогического Совета ТАРУ. ТОКМ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 41. Л. 4, 43, 49, 51–52, 79, 82, 91–92, 93, 120–121, 134, 201–202. В скобках указывается дата протокола (П).

читатель учился анализировать главного героя и систему персонажей (причем исключительно мужского пола), делая выводы об особенностях мужского характера, мужских поступках и пр.: Характеристика Скупого рыцаря (П от 24 января 1884 г., 4 кл.), Характеристика Митрофанушки, Характеристика Чацкого (П от 24 октября 1884 г., 6 кл.). С целью воспитания патриотизма, понимания национальной самобытности русского народа (что соответствовало веяниям в развитии русской литературы) для сочинений предлагались соответствующие темы: Басни Крылова (разбор их с указанием характеристики русского народа) (П от 26 января 1883 г., 5 кл.), Быт русских помещиков (по поэме «Мертвые души») (П от 26 января 1883 г., 6 кл.), Нравы русских XVI века (Поэма Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича...») (П от 26 января 1883 г., 6 кл.), Идеал русского князя по «Почучению Владимира Мономаха» (П от 17 ноября 1883 г., 5 кл.). Некоторые темы формулировались в народном духе, в форме русских народных пословиц: Что мир породил, то Бог рассудил (П от 26 января 1883 г., 5 кл.), Кривою весь мир пройдешь, да назад не воротишься (П от 26 января 1883 г., 6 кл.). Чувство родного языка, развитое через восприятие литературных произведений, учащиеся могли проявить, выбирая следующие темы для своих сочинений: Характеристика гоголевского юмора и языка (П от 26 января 1883 г., 6 кл.), Поэтические обороты в «Песне про царя Ивана Васильевича...» (П от 17 ноября 1883 г., 4 кл.).

Как культурный, образованный человек своего времени учащийся реального училища должен был знать вклад выдающихся писателей в развитие русской литературы, основной корпус классических произведений. На это работали темы с привлечением контекста творчества писателя, они давались уже в 6-м классе и предполагали актуализацию знаний, полученных за весь срок обучения в училище: Заслуги Пушкина перед русской литературой (П от 26 января 1883 г.), Значение и заслуги Карамзина как первого русского литератора и историка (П от 17 ноября 1883 г.), Влияние, под которым находился Жуковский, и значение его самостоятельных произведений (П от 17 ноября 1883 г.).

Облик образованного ученика завершали знания по теории литературы, о чем свидетельствуют темы: Появление и развитие романа в русской литературе (П от 26 января 1883 г., 5 кл.); Отличие эпической поэзии от лирической (П от 17 ноября 1883 г., 4 кл.).

В списках утвержденных тем сочинений обращают на себя внимание темы нелитературные, связанные со знанием, во-первых, истории, общероссийской (Характеристика Петра Великого как государственного деятеля (П от 17 ноября 1883 г., 6 кл.), Значение и заслуги Карамзина как первого русского литератора и историка (здесь же)) и региональной (Описание Томского Собора, Описание реального училища (П от 17 ноября 1883 г., 4 кл.)), во-вторых, этики и общественности: Отвечает ли человек за свои поступки (П от 17 ноября 1883 г., 5 кл.) или Характеристика человека при удобстве и роскоши (П от 17 ноября 1883 г., 6 класс).

Таким образом, можно судить, что литература осваивалась в цикле гуманитарных наук, а чтение художественных произведений сопрягалось с чтением документальной литературы. Неслучайно для сочинений предлагались темы исторические и обществоведческие, но с привлечением анализа художественного произведения, например: Исторический элемент в оде «На день восшествия на престол Елизаветы» Ломоносов, Характеристика общества по одам «Фелица» и «Видение Мурзы» (П от 3 сентября 1885 г., 6 кл.). Так сохранялся и практико-ориентированный характер образования, предполагаемый типом учебного заведения.

Воспитание читателя-подростка в ТАРУ происходило и в ходе подготовки и проведения литературно-вокальных вечеров, устраиваемых в стенах заведения силами учеников и преподавателей, о чем позволяет судить анализ их программ, также вошедших в Протоколы Педагогических советов ТАРУ.

Во-первых, данные мероприятия расширяли контекст чтения учащихся, например за счет произведений с крестьянской тематикой, это стихотворения Никитина, рассказы Григоровича и т.д.

Во-вторых, они позволяли учащимся всесторонне и целостно представить художественное творчество. Музыка здесь перемежалась

со словом, поэзия – с прозой, жизнеутверждающие произведения (почти на каждом вечере читались произведения Гоголя «Сорочинская ярмарка», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Мертвые души») – со страдальческой поэзией, мрачные в эмоциональном плане произведения – с веселыми.

В-третьих, во время проведения литературно-вокальных вечеров ученик-читатель становился читателем-исполнителем, что, конечно, предполагало смену читательской методики работы с текстом: от учебного чтения, которое рассчитано на интеллектуальное, нравственное развитие, к эмоциональному, направленному на творческое осмысление прочитанного. Неслучайно в одном из протоколов от 20 декабря 1885 г. отмечено, что для литературного вечера ученики должны уметь читать эстетически, «так что потребуется немало времени и труда на подготовку чтецов» (П от 20 декабря 1885 г.)¹.

Итак, внутренние материалы учебного заведения показали, что в реальном училище немало места уделялось гуманитарному образованию и проблемам чтения. Несмотря на жесткие ограничения в области детской и юношеской литературы и регламентированные рамки в воспитании читателя-подростка, в стенах отдельных учебных заведений г. Томска, отличающихся концептуальной учебно-методической и воспитательной работой педагогов (например, в ТАРУ), складывалась консервативная по материалу, но своеобразная по методике, способу освоения практика чтения, которая способствовала развитию эстетического образования учащихся, воспитанию в них не только идеологически выгодных государству настроений, но и личностных качеств культурного человека своего времени.

Еще одним примером того, как регламентировалось детское и юношеское чтение в учебных заведениях г. Томска, может стать деятельность Томской воскресной женской школы (ТВЖШ). Наметившиеся в 1880–1890-е гг. реформы в области образования повлекли за собой

¹ ТОКМ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 41. Л. 134.

(как в целом в России, так и в Западной Сибири) «некоторое оживление педагогической мысли... среди педагогов заметно начали расти настроения протеста против схоластики, голой муштры и зубрежки... стали применяться новые методы учебной работы... оживилось проведение урока... появились новые тенденции и в воспитательной работе школы»¹. Это способствовало развитию педагогической инициативы, особенно в тех учебных заведениях, где круг и методики детского чтения требовали существенной корректировки.

Таковыми являлись воскресные школы для взрослых, которые отличались разнообразием состава учащихся по возрасту, уровню грамотности, социальной обеспеченности, образовательным запросам. Все это двигало педагогов-наставников к постоянному поиску, педагогическому эксперименту. «Содержание образования в школах для взрослых конструировалось исключительно педагогической практикой. Перед школами для взрослых стояли задачи создать свою собственную методику, дидактику, выработать особый ускоренный темп преподавания, обогатить содержание образования...» – отмечают авторы очерков по истории школы конца XIX – начала XX в.² При общих задачах, программах, педагогических подходах³ в каждой воскресной школе складывалась своя практика образования, развития и воспитания учащихся.

Деятельность педагогов ТВЖШ отвечала общему развитию системы обучения для взрослых. При этом, как показывают планы занятий учителей, их отчеты, записные книжки, дневники заведующей В.Е. Воложаниной (годы заведования ТВЖШ: 1894–1903), определяющее значение в организации учебной и воспитательной работы имели вопросы читательской культуры.

¹ Шамахов Ф.Ф. Школа западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1957. С. 79.

² Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: конец XIX – начало XX в. / отв. ред. Э.Д. Днепров. М. : Педагогика, 1991. С. 160.

³ См. подробнее об этом: Попинова М.В. Развитие воскресных школ в России как формы образования взрослых: середина XIX – начало XX веков : дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2001. 245 с.

Учитывая разновозрастной состав своих учениц и преобладание среди них девочек-подростков¹, педагоги ТВЖШ нарабатывали практику руководства внешкольным юношеским чтением.

В основу методической работы были положены три вопроса: что должны читать девочки-подростки в воскресной школе; как приобщить к чтению юных читательниц; как последовательно развивать в них читательскую культуру?

Вопрос о круге юношеского чтения перед педагогами ТВЖШ не стоял в силу определенности вопроса руководящими ведомствами. Однако произведения детской и юношеской литературы редко попадали в круг чтения юных учениц, что объяснимо рядом факторов: ориентированностью воскресной школы на взрослого читателя (это влияло на выбор книг для классного и внеклассного чтения, формирование библиотеки при ТВЖШ), малодоступностью детских и юношеских изданий в Томске. Поэтому и подростки, и взрослые учились по одним и тем же книгам для чтения. В отчетах учителей и дневнике В.Е. Воложаниной упоминаются, например, «Книга для взрослых» М. Соколовой, критический указатель «Что читать народу?», составленный учителями воскресных школ Харькова под руководством Х.Д. Алчевской и пр.

Безусловно, обращение к «взрослой» литературе расширяло круг чтения юных читательниц, способствовало их развитию (также как и активное участие девочек в чтениях и литературно-музыкальных Утрах и Вечерах в качестве чтецов), но, с другой стороны, освоение этих произведений требовало применения определенных методов работы, дополнительной разъяснительной деятельности учителя.

Вопрос о приобщении учениц к книге решался через активное участие взрослого в процессе чтения. Воспитание читателя, по убеждению заведующей В.Е. Воложаниной, что выражено в ее дневниковых записях, должно начинаться с воспитания слушателя. Поэтому при оценке урока она всегда обращает внимание на качество чтения учителя, определяемое по реакции ребенка-ученика: о чтении учительни-

¹ Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск : Тов-во скоропечатни А.А. Левенсона, 1903. С. 81, 97, 98.

цы на уроке – «у ней сегодня совсем неудачное чтение» – дети в конце не могли слушать¹, «волновалась», «повторяла одно и то же», «старалась действовать на память слушателей, а не на воображение»², или «Т.Б. читала не приготовившись, без желания и потому... это было не для всех интересно, особенно ребятишки слушали плохо и частенько выходили из класса»³; о внеурочных совместных чтениях – «в трудных для понимания местах слышался шепот между ребятишками»⁴.

Подготовиться к чтению, читать эмоционально, выразительно – те требования к взрослому чтецу, которые способствуют развитию читательской инициативы у ребенка. Неслучайно в своих записях Воложанина радуется, когда общение с книгой вызывает у детей эмоции. Так, подводя итог чтению о Гуттенберге и Ушинском, она отмечает: «Не ожидала, чтоб вышло так хорошо. Читали стихи Ушинского слабовато, но все, особенно дети, были довольны...»⁵; из записи о репетиции детского спектакля: «Девочки оживлены, веселы, поют. Даже для одного только этого чудного настроения, этого сближения можно делать детские спектакли»⁶.

Умение чувственного, отзывчивого слушания должно отозваться чувственным чтением. Хорошее чтение, судя по записям заведующей, отличается не техникой, а эмоциональным проникновением в суть прочитанного: «На меня же больше всего произвела впечатление “Весенняя сказка”, хотя читая ее, девушка очень торопилась, но она вложила в чтение много души и чувства. Особенно удался ей конец. После чтения с ней даже сделалось дурно»⁷; сетует о неудачном чтении одной из учениц: «...в голосе слышалось мало чувства»⁸.

¹ Дневники В.Е. Воложаниной по Воскресной школе // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 35. Л. 48.

² Дневники В.Е. Воложаниной... Л. 11.

³ Там же. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 132.

⁶ Там же. Л. 97.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 82.

Эмоциональное чтение, по мнению педагогов ТВЖШ, перерастет в чтение эстетическое, основанное на сопереживании, размышлении, поиске смысла, интерпретации: «Каждое чтение должно оставлять сильное впечатление», «возвышать душу» и «приподнимать человека»¹. В одном из отчетов учительница ТВЖШ определяет существенную сторону своего преподавания: «...читать своим ученикам, по мере возможности, доступные их пониманию некоторые литературные произведения, которые самым наглядным образом могли бы пробудить в них гуманные человеческие чувства истины, справедливости, любви и сострадания и развить в них принципы законности и уважения к личности другого»².

Пониманию «взрослых» произведений художественной литературы способствовало применение методики разъяснительного чтения по картинкам. Чтением и рассматриванием картин сопровождалась Утра и Вечера, о чем свидетельствуют их программы и аналитические отзывы: «Читали биографию Гоголя из книги биографий В. Острогорского... Картины вышли хорошо, особенно удачен портрет Гоголя. Как завлекают картины!»³

Особое внимание учительницы школы придавали чтению нехудожественных текстов, которые также давались юным ученикам по учебникам для взрослых. Здесь главный акцент делался на понимании прочитанного и дополнении полученных в ходе чтения знаний, «пробуждении сознания читателя», для чего применялись технологии беседы, лекции учителя, наглядного объяснения. Д. Вольфсон приводит показательную запись из педотчетов учителя ТВЖШ: «В одно из воскресений я сделала чтение с фонарем, но при этом читала или, вернее, рассказывала сама. После прочтения статьи “Хлопчатник” показала коллекцию хлопка с производствами тканей, при этом сообщила о порядке обработки хлопка, машинах и т.п.

¹ Дневники В.Е. Воложаниной... Л. 10.

² Цит по: Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск : Тов-во скоропечатни А.А. Левенсона, 1903. С. 117.

³ Дневники В.Е. Воложаниной... Л. 95.

При чтении статьи “Пустыня” показывала картины “Смерч в пустыне”, “Оазис” и т.д.»¹.

Итак, не имея специальных теоретических наработок по управлению детским и юношеским чтением в рамках внешкольной работы, заинтересованные учителя ТВЖШ синтезировали в своей практике различные приемы и методы работы с читателем. Своей главной задачей они считали развитие посредством чтения в юных ученицах личностных качеств человека, способного к дальнейшему саморазвитию и образованию.

Учебные заведения сыграли большую роль в становлении нового типа читателя и формировании детского и юношеского чтения. Несмотря на то, что они ориентировались на официальную рекомендательную библиографию и единую государственную концепцию: «...вырастить прекрасного ребенка в духе “самодержавия, православия и народности”»², в практической деятельности учителя руководствовались образовательными потребностями и личными интересами своих учеников.

¹ Цит по: Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы... С. 111.

² Лучкина О. Силуэты руководителей детского чтения // Детские чтения. 2012. № 2 (2). С. 133.

Глава 2. ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ ТОМСКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

2.1. Томский чиновник А.М. Горохов как читатель

Неотъемлемой частью реконструкции литературного процесса в Сибири является анализ существовавших в регионе читательских практик. Этот аспект трудно поддается анализу, в первую очередь в связи с отсутствием достаточного массива источников для исследования читательской рецепции как отдельных произведений, так и литературного процесса в целом. Действительно, любой литературный текст адресован прежде всего читателю. За читательским откликом можно следить по рецензиям в литературных журналах, эпистолярным и мемуарным источникам – но это зачастую документы, вышедшие из столичной образованной среды, близкой к литературным кругам. Для исследования провинциального читателя данных не так много; в какой-то мере их можно извлечь из рукописных сборников и журналов, бытовавших в провинции, в том числе и в Сибири, в XVIII – начале XX в. При этом именно в провинции присутствовал тот самый «массовый читатель», который составлял основу круга подписчиков «толстых» журналов, а следовательно, и экономическую основу существования многих отечественных литераторов. Однако восприятие этим «массовым читателем» явлений современного ему литературного процесса изучено крайне мало.

В этой связи привлекает внимание рукопись томского чиновника А.М. Горохова «Залог, или Нравственное зеркало», хранящаяся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ)¹. Она была напи-

¹ ОРКП НБ ТГУ. В-884.

сана в 30-е гг. XIX в. в Томске и представляет собой наставление Горохова его детям; текст не предназначался автором к публикации. Истории рукописи и биографии ее автора был посвящен ряд публикаций В.П. Бойко и В.А. Есиповой¹.

Автор текста – Александр Михайлович Горохов – родился в 1769 г. в Петербурге. Он занимал разные административные должности в Иркутске, Бийске, Каинске, Енисейске, Нарыме и Томске. Завершил службу в 1820-х гг. в Томске, в должности советника и чиновника особых поручений, дослужившись до 8-го класса согласно Табели о рангах. В Томске хорошо известен один из его сыновей – Философ Александрович Горохов, «Томский герцог», один из самых состоятельных людей Сибири, история быстрого восхождения и стремительного падения которого неоднократно публиковалась².

Рукопись носит авторское заглавие – «Залог, или Нравственное зеркало, указывающее на предметы, которые могут служить руководством в жизни...». Она представляет собой обширный блок на 274 листах, форматом в 2⁰ (фолио). Автор пронумеровал листы в первой и второй частях рукописи отдельно (8 нн., 2–154, 2 нн., 1–100). Рукопись написана преимущественно на бумаге производства Вятских фабрик, что характерно для Сибири XIX в. Весь текст написан одним и тем же почерком: это беглая, крупная скоропись XIX в., с отдельными элементами XVIII в.

Украшение рукописи весьма скромно. Поля на всех листах прочерчены чернилами. На титульном листе, под заголовком, вклеена

¹ Бойко В.П. Записки А.М. Горохова как источник по истории сибирского чиновничества в первой половине XIX в. (на основе архивных документов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4). С. 47–52; Он же. Первый сибирский олигарх: предпринимательство и образ жизни чиновника и золотопромышленника Ф.А. Горохова // Человек – текст – эпоха : сб. научных трудов и материалов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. С. 249–285; Есипова В.А. Читательские практики и рецепция текста: томский чиновник XIX в. А.М. Горохов и его наставление детям // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 150–170.

² Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск : Тип. Епархиального братства, 1904. С. 140, 177–180, 188–189 и др.

небольшая круглая иллюстрация, явно вырезанная из книги. Это гравюра на меди, в круглой линейной рамке, она раскрашена от руки цветными карандашами и представляет собой пейзаж с изображением реки, лодки и гуляющих людей. На л. 60 об. наклеено изображение собаки, вырезанное из желтой фольги. Вероятно, аналогичное по технике исполнения изображение бабочки имело место также на л. 170 об., однако в настоящее время оно утрачено, и предположить, что там было помещено, можно лишь по следам клея и краски.

Основу крышек полукожаного переплета представляет самодельный картон, склеенный из фрагментов делопроизводственных документов XVIII в., сверху крышки оклеены зеленой бумагой. Уголки и корешок коричневой кожи, на корешке имеется слепое тиснение. Также на корешке имеется ярлык из красной бумаги, на котором рукой Горохова написано «Зерцало». На верхней крышке также наклеен ярлык из розовой бумаги, вырезанный в форме сердечка; на нем А.М. Горохов написал: «Зерцало или...» (далее текст затерт).

Особо следует сказать о записях и пометах на полях и форзацах рукописи; они позволяют восстановить ее историю. Прежде всего следует обратить внимание на печать, черный оттиск которой имеется на л. 272 об. На печати изображен гербовой щит, разделенный диагональной полосой, направленной в левый верхний угол; на полосе затерта, но все же читается фамилия «Горохов». Изображения в правом верхнем и левом нижнем углах щита не просматриваются, поскольку плохо пропечатаны. Щит увенчан дворянским шлемом, над которым помещено изображение льва с пальмовой ветвью в лапах, развернутого влево. По сторонам щита пышный намет, а под щитом расположены изображения двух орденов на лентах (крестообразного и круглого). Известно, что Горохов являлся кавалером ордена Владимира 4-й степени; знак этого ордена имел как раз крестообразную форму. Орден Владимира 4-й степени вручался лицам, имевшим не ниже 7 класса в Табели о рангах (надворный советник, подполковник, капитан второго ранга), а также им награждались за 35-летнюю беспо-

рочную службу¹. Что касается второго орденского знака, также на ленте, но имеющего круглую форму, пока не удалось установить, что именно это за орденский знак.

Интересно, что герб целым рядом деталей напоминает герб дворян Тарховых, описание которого помещено в Общем гербовнике дворянских родов². На гербе Тарховых имеются некоторые детали, которые не просматриваются на печати в рукописи Горохова; кроме того, на нем, разумеется, отсутствует надпись «Горохов» на ленте, протянутой поперек щита. Вместе с тем типологическое сходство гербов позволяет предполагать возможное родство Горохова с семьей Тарховых – не исключено, что по женской линии. Однако в настоящий момент недостаточно материалов, чтобы полностью подтвердить или опровергнуть это предположение. Отметим также, что на л. 274 об. имеется рисунок, выполненный пером от руки и в общих чертах воспроизводящий печать с л. 272 об. Рисунок печати воспроизведен крайне приблизительно, но в центре изображения довольно отчетливо видна надпись «А. Горох...»

На ряде листов читаются писцовые записи, извещающие о ходе работ. Из них становится ясно, что Горохов создавал «Зерцало» как минимум в два этапа. Так, на л. 166 об. читаем: «Набело переписывать это

¹ «Ст. 386. Императорский орден св. равноапостольного князя Владимира установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы, и в воздаяние трудов, для пользы общественной подъемлемых. Ст. 387. Орден св. Владимира разделяется на 4 степени, из коих две первые именовются степенями большого креста... Четвертая степень. Крест такой же, но меньшей величины; носится в петлице на ленте шириной в полвершка. На кресте, жалуемом за тридцатипятилетнюю службу, на поперечных концах с обеих сторон серебряная надпись: 35 лет». См.: Свод учреждений государственных. Кн. 8. Учреждение орденов и других знаков отличия. Гл. 7. Статут имп. ордена св. равноапостольного князя Владимира. Отд. 1. Основные постановления и описание знаков ордена // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1889. Т. IX. № 6445. Ст. 386, 387. См. также: Статут ордена равноапостольного князя Владимира. СПб., 1801. 32 с.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб.: Сенатская тип., [б.г.]. Ч. 6, № 28. С. 72–73.

начал июня с 10 числа, кончил июля 5-го дня 1837 года в Томске. К сему следует еще особое прибавление и здесь же, № 3»; на л. 272 об.: «Было кончено июня 27-го дня 1839 года. А далее еще прибавки». Имеются многочисленные дополнения к тексту, сделанные Гороховым как на полях или между строк, так и на многочисленных вклеенных листах (л. 3, 10 об., 15, 15 об., 21 об., 29, 37 об., 43 об., 44, 49 об. и др.).

Горохов обсуждал написанное и передавал рукопись для прочтения авторитетным, с его точки зрения, людям. Об этом имеются свидетельства: так, на л. 1 об. читается письменный отзыв о рукописи Агапита, первого епископа Томского и Енисейского; в левом верхнем углу А. Гороховым помечено: «К нему представил 5 августа, а он обратился 10 сентября 1839 года». Агапит написал в числе прочего следующее: «...благонамеренный и усиленный труд попечительнейшего отца о детях нельзя было не прочесть, и притом не без особенного к тому внимания».

В тексте рукописи и на полях имеются также многочисленные карандашные пометы и комментарии к тексту, выполненные рукой еп. Агапита. Часть дополнений к тексту была сделана Гороховым в ответ на пожелания епископа. Например, на л. 72 Агапит поддерживает рассуждения автора о морали праведников репликой «Достойно замечания». На л. 110 Горохов высказывает мнение, что «должна быть признана лучшею та книга, которая представляет истину под приятными формами», что это «зеркало, в которое мы смотримся, часто не видя себя». Епископ Агапит с ним не согласен: «Не так – надобно иначе думать – друг мой». А.М. Горохову были дороги замечания епископа; он даже составил их полный перечень и подклеил его к форзацу рукописи (л. I).

Также на л. 274 об. на нижнем поле читается: «С особенным удовольствием прочитал. Протоиерей Созонт Куртуков». Созонт Иванович Куртуков (1775–1834?) являлся священником в церквях Барнаула и Тюмени; установлено, что он был знаком с таким известным духовным лицом, как Макарий (Глухарев)¹. Очевидно, мнение Созонта Куртукова являлось важным для А.М. Горохова.

¹ В 1830 г. С.И. Куртуков – барнаульский соборный протоиерей, в 1830 г. он встречался а Барнауле с о. Макарием (Глухаревым), направлявшимся из Тобольска в Алтайскую духовную миссию. См.: о. Георгий (Крейдун Ю.А.). Алтайская духовная

О том, каким образом рукопись оказалась в фонде НБ ТГУ, позволяют судить оттиски печатей, имеющиеся на форзаце: печать Томского этнолого-археологического музея ТГУ от 1924 г. за № 108 и печать музея истории материальной культуры ТГУ от 28 декабря 1948 г. за № 50. Известно, что книги из Музея истории материальной культуры ТГУ были переданы в Научной библиотеке 26 мая 1954 г.¹, среди них была и представительная коллекция рукописей и кириллических изданий из собрания Тобольского церковного древлехранилища. Рукопись Горохова не несет на себе следов пребывания в Тобольском древлехранилище; остается предположить, что уже в 1920-е гг. она была кем-то передана в университет, однако детали этого процесса на настоящий момент неизвестны. Первичное описание рукописи и нумерацию листов выполнила первая зав. ОРКП НБ ТГУ Л.А. Панова.

Особенность текста рукописи заключается в обилии явных и скрытых цитат и ссылок на литературные и фольклорные произведения, которые были знакомы А.М. Горохову; цитаты он использовал для обоснования своих взглядов. Так, он упоминает, что «когда-то давным-давно читывал стародавние истории и так называемые небылицы в лицах: о Бове королевиче, о Петре златых ключах, о царе Кучуме, Царь-девице, о Яге бабе и тому подобные смышленности и замысловатости» (л. 213). Также он упоминает, что «пробую играть на скрипке или напевать дрожащим голосом старинные были и духовные песни» (л. 34 об). К сожалению, других деталей о своем знакомстве с этими текстами Горохов не приводит, поэтому судить о нем можно лишь поверхностно, констатируя сам факт такого знакомства.

Особое место среди источников, привлекавшихся А.М. Гороховым, занимает Библия, включая книги как Ветхого, так и Нового Завета. Автор часто ссылается на нее и делает обширные выписки из Посланий апостольских, Книги премудростей Соломона, Книги премудростей Иисуса, сына Сирахова и др. Так, из Пятикнижия Моисе-

миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. М., 2008. 13 с.; Крейдун Ю.А. Деятельность архимандрита Макария на Алтае // История православия на Алтае : сб. статей. / ред.-сост. Ю.А. Крейдун, К.Н. Метельницкий. Барнаул, 2001. С. 11–21.

¹ Архив НБ ТГУ. Т. 19. Л. 1–5.

ева (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие) Горохов использует две книги: Исход и Второзаконие. Из книги Второзакония им приводится прямая цитата (л. 54–54 об.); она служит для обоснования мотивов написания «Зеркала»: «Да помянеши весь путь, им же проведе тебе Господь Бог твой...». Текст из книги Исход пересказывается (л. 151, вставка на полях) – это известный сюжет о явлении ангела Моисею в горящем терновом кусте. Из остальных ветхозаветных книг по одному разу цитируются Псалтырь (л. 178, псалом 144) и 1-я книга Царств (л. 177 об.–178). Дважды обращается Горохов к тексту книги Екклесиаста (л. 54 об., 56), причем во втором случае он ошибочно указывает, что известная цитата «все видимое есть суета, и что ничего нового нет, было прежде, есть ныне и будет впредь, ибо род минет и род приходит, вся словеса о сем трудны, и не может никто глаголати» взята из книги премудрости Соломона. Неоднократно обращается Горохов к тексту книги Иисуса, сына Сирахова: это небольшие цитаты (л. 40, 69 об., 79, 95 об.), а также две довольно обширные серии выписок (л. 144 и 155 об.–156 об.). В последнем случае это подборка выписок на очень интересующую Горохова тему: взаимоотношения в семье вообще и между родителями и детьми в частности («Делом и словом чти отца твоего, да найдет ти благословение от него», «Всем сердцем твоим прослави отца твоего, и матери болезни не забуди», «Дщи мудра почтет отца своего, а несрамляющаяся печаль отцу», «Гнев велик – жена пьянива, и студа ея не имать покрыти» и др.). Также активно Горохов использовал текст книги Притчей Соломоновых (л. 69, 140, 144, 163 об.). На л. 154 об.–155 об. читается целая серия выписок из этого текста, также посвященная вопросам семейных взаимоотношений («Слушай, сыне, отца Твоего наказание (учения), да мудр будеши на последок твой», «Злословий отца или мать, угашает светильник свой, зеницама же очию своею узрит тьму, и напоследок не благословится» и др.), а также о грехе пьянства («Невинно вино, проклято есть пьянство», «Не буди винопийца, всяк бо пьяница и любадей обнищают» и др.). К книге Премудростей Соломона Горохов обращался реже: цитаты из нее встречаются только один раз, вместе с комплексом выписок из книги Притчей Соломоновых (л. 144–145).

Книги Нового Завета Горохов использует не так активно. В тексте имеются цитаты из трех (из известных четырех) канонических Евангелий: две небольшие цитаты из Евангелия от Матфея (л. 56, 127) и одна цитата из Евангелия от Марка (л. 56). Несколько больше цитат из Евангелия от Луки (л. 124 об., 125 об., 151 об.), а также пересказ известной притчи о талантах, зарытых в землю (л. 4–5). Послания апостольские также привлекали внимание Горохова весьма фрагментарно: он использует исключительно послания апостола Павла. Так, в рукописи цитируются послания к римлянам (л. 124 об., 151 об.), к филиппийцам (л. 136), к галатам (л. 140), к фессалоникийцам (л. 200) и к ефесянам (л. 200). Необходимо отметить, что во всех случаях это не цитаты непосредственно в тексте, а выписки на вкладышах, позже добавленных к рукописи. Возможно, Горохов обратился к тексту Посланий апостола Павла уже после того, как основной текст был закончен, и подбирал дополнительную аргументацию своей точки зрения.

Текст рукописи позволяет оценить знакомство А.М. Горохова с русской и зарубежной литературой. Так, Горохову были известны произведения русских поэтов XVIII в.: Г.Р. Державина («Духовные оды» и др.) и А.Д. Кантемира (Сатира I). Например, рассуждая о том, что случается множество «бедствий и зол, которые обыкновенно бывают следствием дурного употребления богатства, дарованного нам слепым случаем» (л. 43 об.), Горохов вспоминает и цитирует стихотворение Державина «К первому соседу» (Горохов ссылается на него как на «стишок Державина, сказанный Голикову»). В рукописи приводится лишь фрагмент стихотворения:

«Сибирские горы серебра
И дождь золотой к тебе лияется...
Блажен, кто поутру проснется
Так счастлив, как был вчера.
Непостоянство доли смертных
В временах вкуса счастья их;
Среди утех своих несметных
Желают утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда мысли и руки тучны
Перестанут прибыли считать».

Отметим, что при первой публикации в «Санкт-Петербургском Вестнике»¹ произведение появилось под заглавием «Ода к моему соседу господину N»; заглавие «К первому соседу» появилось в более поздних публикациях. Стихотворение обращено к курскому купцу М.С. Голикову, одно время проживавшему в Сибири и являвшемуся одним из соучредителей компании, позже получившей название Русско-Американской, вместе с И. Шелеховым и И.Л. Голиковым.

Также Горохов цитирует стихотворение Державина «Видение мурзы» (л. 59 об.–60), впервые опубликованное в «Московском журнале»²:

«Блажен, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен,
И счастлив лишь собой самим.
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек».

Отметим, что пояснения Державина, фактически данные им в этом стихотворении, по поводу обвинений его в лести императрице в связи с одой «Фелице», отказ его от мысли стать «советником при троне» (в отличие от прозаического плана стихотворения «Видение мурзы», составленного в 1783 г.) и изложенные в этой связи взгляды на жизнь довольно близки тому, что проповедует Горохов. Как и Державин, Горохов не являлся политическим бойцом, но высоко ставил гражданское служение Отечеству и личную честность и искренность.

Очень важен для Горохова мотив равнодушия к богатству материальному – в противовес богатству духовному. Аргументируя свою позицию, он приводит цитаты еще из двух произведений Державина: стихотворения «Фелице» (л. 122 об.):

«Почувствовать добра приятство,
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал»;

¹ Державин Г.Р. Ода к моему соседу господину N // Санкт-Петербургский Вестник. 1780. № 8. С. 108.

² Державин Г.Р. Видение мурзы // Московский журнал. 1791. № 1. С. 8.

и стихотворения «Меркурию» (л. 258 об):

«Сбирать, завидовать измлада
Я не привык и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно с презреньем я топчу
Его всю прелесть равнодушно».

Как известно, последнее стихотворение появилось, когда в 1794 г. Державин был назначен президентом коммерц-коллегии против его желания.

Рекомендуя детям «не сходить со стези истины и уклоняться от несправедливости», Горохов демонстрирует знакомство с драматическими произведениями Державина. В качестве негативного примера, которому не следует подражать, им приводится краткая комическая цитата из песни Торопа из «Добрыни», произведения, которое сам Державин называл «театральным представлением с музыкой» (л. 89):

«Где дружат, там пса оправят –
Прав! Напишут в три пера,
А налягут – вмиг задавят
И слона, и комара».

Произведение А.Д. Кантемира Горохов цитирует только один раз; он приводит фрагмент «Сатиры I», причем перефразированный (л. 212 об.):

«Ум незрелый, плод **небольшой** науки,
Покойся, не понуждай к перу мои руки,
Не писав, летящи дни века **проводит**,
Можно и славу достать, хоть творцом не **слыть**.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути **многих**,
На которых смелые не запнутся ноги.
Смотри! Смеются, кто **в трудах** над столом гнется,
И уверяют, что, пляя в книгу глаза **большого уваженья** не добьется».

Басни И.А. Крылова используются Гороховым при подборе положительных примеров для детей. Так, он цитирует басню «Старик и трое молодых» (л. 18–18 об.):

«Из детства я к трудам привык,
А если от того, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю,

То признаюсь, за труд такой еще
Охотнее берусь».

Той же цели служат и цитаты из басен «Ворона и лисица» (л. 90 об., вставка на полях): «...сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна. Но только все не впрок, и в сердце льстец всегда отыщет уголок»; а также «Две бочки» (л. 59 об.): «Кто про свое дело кричит всем без умолку – в том, верно, мало толку».

Однако был знаком Горохов и с произведениями Крылова, относящимися к совершенно другому жанру. Так, он перефразирует «Подражание псалму 17-му» (л. 133), говоря о невозможности познать божество человеческим разумом:

Рукопись	Публикация ¹
Довольно с нас, чтоб Бога знать любить, То знает, что без него не может быть.	Чтоб бога знать, быть должно богом, Но чтоб любить и чтить его, Довольно сердца одного.

Тема страстей и грехов человеческих чрезвычайно волновала Горохова; он неоднократно обращается к ней, увещевая детей не поддаваться им. В качестве аргумента он использует, в числе прочего, творчество П. Сумарокова. Так, рассуждая о тщеславии и гордости, Горохов ссылается на оду «К человеку» (л. 96 об.–97):

«Игрушки счастья и судьбины,
С дурным посредственная смесь,
Кусок одушевленной глины,
Оставь свою смешную спесь!
Почти владыкой ты себя природы ставишь
Сегодня гордою пятой –
Ты землю, презирая, давишь,
Но завтра... Будешь сам давим землею той».

Однако Горохов не только цитирует произведения П.П. Сумарокова, но и сочиняет собственные тексты «по их мотивам». Так,

¹ Крылов И.А. Полное собрание сочинений : в 3 т. / ред. Д.Д. Благого. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1946. Т. III: Басни. Стихотворения. Письма. С. 263–266.

в рукописи читается аллюзия на одну из эпиграмм Сумарокова (л. 159 об.):

Рукопись	Публикация ¹
Какой-то писака славную поэму сочинил, И всех читателей этим прослезил, Но я вам в 5 пуд сочиненья сбрыкал! Но от него один лишь сам я и плакал.	Битобе славную поэму сочинил. И всех читателей он ею прослезил. А ты, Глупонов , нам в пять пуд поэму сбрыкал, Но от твоей один лишь только цензор плакал

Таким образом, Горохов иронизирует над своим «Залогом», имея в виду его изрядный объем и одновременно выражая скрытое опасение в том, что дети так и не соберутся дочитать до конца этот обширный труд.

Но надежда быть понятым все же оказалась сильнее; снова обращаясь к детям, Горохов выражает уверенность, что родные ознакомятся с его текстом, что сделает более приятным конец его жизни. В качестве аргумента он приводит цитату из И.М. Долгорукова: «Вы не поверите, что я даже наизусть затвердил стих Долгорукова» (л. 42–42 об.). В данном случае имеется в виду стихотворение «Ответ на приветствие В. С...п», которое приводится Гороховым фрагментарно, но очень близко к тексту:

Рукопись	Публикация ²
Ах , природа возвещает, Скоро мне заснуть пора. Предтечу в гости посылает, Стучится старость у двора!	Но, ах! Природа возвещает, Что скоро мне заснуть пора, Предтечу в гости посылает, Стучится старость у двора.

В ответ на замечания – видимо, довольно частые – о том, что родственники Горохова (а именно сын Филолог) обладали существенным

¹ Сумароков П. «Битобе славную поэму сочинил...» // Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. М., 1975. С. 151.

² Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. М. : Университетская тип., 1818. Ч. 3. С. 146.

богатством, Горохов также приводит очень близко к тексту выдержку из стихотворения Долгорукова «Мой театр» (л. 59):

Рукопись	Публикация ¹
Меня поносят, слышу, строго, Зачем сижу я дома и тешу я себя. Кричат: он видно нажил много, И честь, и совесть погубя! Прошу покорно всех нахалов – Мой дом прийти ревизовать Моих завидных капиталов Наличность осозать. И, сделав обыск самый верный, Увидеть ясно без очков, Что мой достаток беспримерный – Нарост на языке лжецов.	Меня поносят, слышу, строго, Зачем так тешу я себя; Кричат: он видно нажил много, И честь, и совесть погубя! Прошу покорно всех нахалов Мой дом прийти ревизовать, Моих завидных капиталов Наличность мяжку осозать!... И сделав обыск самый верный, Увидят ясно без очков, Что мой достаток беспримерный Нарост на языке лжецов.

Пренебрежение к богатству и материальному благополучию также иллюстрируется Гороховым цитатой из «Камина в Москве» Долгорукова (л. 30 об.): «Коль сыт одним – на что три блюда? Коль кафтан – на что их пять? К чему потребна денег груда? Умрешь – с собой ведь не взять...»

Религиозность Горохова уже была показана выше на примерах цитирования им книг Ветхого и Нового Завета. Однако привлекала его внимание и поэзия, содержащая соответствующие мотивы. Так, в рукописи имеется две обширные цитаты из стихотворения В.И. Соколовского «Мироздание» (л. 133 – вклеенный лист и л. 200):

«Кто мудрый – может разгадать
Немые тайны сотворенья
И непостижимые виденья –
Словами смертных передать?
Кто, упиваяся тщетою,
Дерзнет безумною мечтою
Вникать в святые чудеса?
Кто заповедное судьбами –
Увидит бренными очами?
Слепцам закрыты небеса...»

¹ Бытие сердца моего... С. 103.

Мы рвемся в сумрачную даль,
Но тесны смертного пределы,
И что ж с тобой, безумец смелый?
Души могильная печаль» (л. 133).

Рукопись (л. 200)

Затеплим святостью сердца,
Увлажним души мы слезами,
И благодарными мольбами –
Испросим милость у отца:
Пусть дух **бессмертного** провиденья,
Нам будет **кормчим** в море бед,
И **Богу** вновь дадим обет
Любви и веры, и смиренья!

Публикация¹

Затеплим святостью сердца,
Увлажним души мы слезами
И благодарными мольбами
Испросим милость у Отца;
Путь Дух **бессмертный** Провиденья
Нам будет **кормчий** в море бед.
И **Небу** вновь дадим обет:
Любви, и Веры, и Смиренья!

Большое место в рукописи занимает проблема старения и смерти. Подводя жизненный итог, Горохов указывает детям на бренность всего сущего, ничтожность человека перед лицом Бога. Для иллюстрации он использует поэму В.И. Соколовского «Хеверь», которую достаточно близко к тексту цитирует (л. 197 об.):

Рукопись

Века идут, **проходят** поколения,
Шумящие народные семьи –
Скрываются и тонут в забвенье,
И **новое особое мнение**.
В свою черду приносит каждый век;
И с каждым днем меняет человек –
Все выводы, **свои соображенья**,
И то, что он сегодня счел благим,
То завтра же, как басня перед ним,
Но чувства? – они без **измененья**.

Публикация²

Века идут, **преходят** поколения
Шумящие народные семьи
Скрываются и тонут в забвенье,
И **новые, особенные мнения**
В свою черду приносит каждый век,
И с каждым днем меняет человек
Все выводы **своих соображений**,
И то, что он сегодня счел благим,
То завтра же, как басня перед ним,
Но чувства, **друг**, — они без **изменений**.

Отношения родителей и детей – еще одна очень важная для Горохова тема. Вероятно, в наибольшей степени его волновала судьба сы-

¹ Соколовский В.И. Мироздание. Опыт духовного стихотворения. Эпилог. Фрагмент // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ : антология : в 3 т. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2011. Т. 2. С. 34.

² Соколовский В.И. Хеверь : драматическая поэма : в 3 ч. СПб., 1837. С. 44–45.

Приятно зреть, как он упрямо,
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится.
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: Это... Я...»

С точки зрения Горохова, способность обращаться в свете включает и умение общаться с самыми разными людьми, даже в том случае, если взгляды их совершенно противоположны. Для описания подобных отношений он приводит две строки из главы 2 (л. 215 об.):

«Они сошлись – вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень...»

Предостерегает Горохов своих детей и от ложной дружбы, которая часто встречается в свете; для ее характеристики он использует стихотворение А.С. Пушкина «Дружба» (л. 71):

Ныне дружба *часто* как «легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обман, тщеславие безделья
Иль покровительства позор».

Важным для автора «Залога» была также способность с достоинством принимать любые испытания, поскольку «нередко и самое несчастье обращается в нашу пользу»; здесь ему пригодились стихотворение В.Л. Пушкина «К лире» (л. 100):

Рукопись	Публикация ¹
К пользе и несчастье дает	Но к пользе и несчастье
Нам Бог терпеть;	Дает нам рок терпеть;
Когда пройдет ненастье –	Когда пройдет ненастье,
Приятней солнце зреть.	Приятней солнце зреть.

Существенное место в системе ценностей Горохова занимают взаимоотношения супругов. Для убедительности он вновь обращается к отрицательным примерам, которые черпает из главы 4 «Евгения Онегина» (л. 81–81 об.):

¹ Пушкин В.Л. К лире // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1917. С. 656–657.

«Ревнивый муж не клад! Я этого не скрою –
А каково-то жить с ревнивою женою?».

4е. «Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена –
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна.
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная)
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив».

Горохов неоднократно сетует на свою многословность, неумение передать словами накопленный богатый опыт. Он готов «вывернуть свою голову, как походную сумку, наизнанку, чтоб вытряхнуть из нее разом все, что хранится в ней запасом о знании света и о замечаниях моих. Да невозможно, к тому же мне Пушкина подстрекает ум: пиши» (л. 174 об., вклейка):

Рукопись
...**плоды своих дум,**
Останься тверд, спокоен и угрюм.
Признательность всегда за подвиг
благородный!
А награда в самом тебе, ты сам свой
высший суд,
Всех строже оценишь свой труд!

Публикация¹
Поэт! Не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет
минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы
холодной,
Но ты останься тверд, спокоен
и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою
свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых
дум,
Не требуя наград за подвиг
благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой
высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой
труд.

¹ Пушкин А.С. Поэту // Северные цветы на 1831 г. СПб., 1831. С. 3.

Ты им доволен ли, взыскательный
художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой
треножник.

Таким образом, гражданский пафос стихотворения «Поэту» оказывается при цитировании практически нивелирован: Горохов воспринимает этот текст лишь как призыв продолжать свой труд, адресованный исключительно детям.

Возможно, что Горохов был знаком и с «Маленькими трагедиями» Пушкина: на л. 195, говоря о различных грехах, он описывает и грех скупости; этот фрагмент перекликается с текстом «Скупого рыцаря»: «Взгляните на скупца: он умирает от жажды изобильного источника, ибо скупые застрахованы от всех других страстей. Любовь к золоту преобладает над всеми его чувствами, слово “издержки” возмущает его душу, раздирает его сердце на тысячу частей, и только о милых своих денежках говорит он с умилением, оставшись наедине со своей скупостью».

Что касается творчества М.Ю. Лермонтова, то фрагменты перефразированного стихотворения «В альбом (из Байрона)» помещены Гороховым на титульный лист его рукописи и могут быть рассмотрены как своеобразный эпиграф ко всему тексту «Залога» в целом:

Рукопись	Публикация ¹
Как одинокая гробница Вниманье путника зовет, Так эта бедная страница Пусть милый взор ваш привлечет И если, после многих лет, Прочтете вы , как мечтал не поэт, И вспомните , как вас любил он, То вспомните , что его уж нет, Что сердце здесь свое похоронил он.	Как одинокая гробница Вниманье путника зовет, Так эта бедная страница Пусть милый взор твой привлечет И если после многих лет, Прочтешь ты , как мечтал поэт, И вспомнишь , как тебя любил он, То думай , что его уж нет, Что сердце здесь похоронил он.

¹ Лермонтов М.Ю. В альбом (из Байрона) // Отечественные записки. 1839. Т. IV, № 6, отд. III. С. 81.

Эта цитата указывает на хорошее знакомство А.М. Горохова с современной ему литературой, так как вольный перевод стихотворения Байрона был опубликован практически одновременно с началом работы Горохова над его записками.

Продолжая тему переводов, отметим немного перефразированный фрагмент перевода из монолога Фауста, опубликованного в пушкинском «Современнике» (л. 181 об.):

Рукопись	Публикация ¹
Жертвовать мечтам	Поверь мне, жертвовать мечтами
Своей выгодой смешно и безрассудно.	Своею выгодой смешно и безрассудно.
И, чтоб в науке счастья не подражать	В науке счастья не подражай
глупцам,	глупцам;
Рассудку, здравому постичь его	Рассудку здравому постичь ее
нетрудно:	не трудно,
За славой не гонись, не трать	За славой не гонись, не трать
напрасных слов,	напрасных слов,
Но к делу будь всегда готов.	Но к делу будь всегда готов.

Вообще Горохов цитирует стихи многих поэтов первой трети XIX в.: Е.Н. Шаховой (л. 1), И. Ключникова (л. 6), В.И. Красова (л. 6), И. Козлова (л. 47), А.А. Бестужева-Марлинского (л. 82 об., вклейка), Е.А. Баратынского (л. 86 об.), Георгия Задонского (л. 100 об., вклейка), Н.В. Кукольника (л. 182), Ф.Н. Глинки (л. 189 об.), Л.А. Якубовича (л. 212 об.), А.В. Тимофеева (л. 234 об.), К.М. Айбулата (л. 259), Ф.Н. Слепушкина (л. 259 об.), Э.И. Губера (л. 264). Отметим, что пока не все цитаты в рукописи Горохова идентифицированы, так что этот список может пополниться. Кроме того, часть текстов сочинена им самостоятельно, например, посвящение жене (л. 273–274).

Что касается литературной критики, в рукописи неоднократно приводится мнение Ф.В. Булгарина (л. 11 об., 67 об., 71 об., 74, 89). Горохов во многом солидарен с ним: и в вопросе об оценке современного читателя, «покупающего книги понаслышке», и по поводу современной молодежи, позволяющей себе «думать немного, но гово-

¹ Отрывки из монолога Фауста (перевод Э.И. Губерта) // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1837. № 2. С. 301.

речь обо всем», и о различии между талантом рассказчика и талантом писателя.

Если говорить о знакомстве А.М. Горохова с зарубежной литературой, оно менее обширно, насколько об этом позволяет судить текст «Залога». Однако при этом присутствуют некоторые знаковые имена, которые обязан был знать любой образованный человек того времени. Например, в связи с рассуждением о важности веры в Бога упоминания удостоился «языческий писатель Плутарх, опровергающий лживые доводы сластолюбца Эпикура» (л. 249 об.). В этой же связи Горохов ссылается на Сократа и Пифагора (л. 140 об., вклейка), приводя характеристики Бога как верховного существа. Говоря о роли супружества в жизни человека, он цитирует некоего анонимного «греческого мудреца» (л. 85) и «римские законы» (л. 85 об.), где предлагается личное имя каждого из супругов почитать общим.

Упомянется в рукописи также «старинный трубадур Рюдель» (л. 174). Рюдель, Джауфре, сеньор де Блаи – провансальский трубадур (ок. 1100 – после 1148), участник второго крестового похода. Он известен тем, что сложил ряд прекрасных песен в честь графини Годьерны Триполитанской, о которой узнал со слов паломников. Чтобы встретиться с предметом своей любви, Рюдель отправился в Триполи, где и скончался на руках графини. Она повелела похоронить его с почестями, а сама постриглась в монашки. До наших дней дошло всего семь стихотворений Рюделя, четыре из них с нотами. Легенда о любви Рюделя и графини Триполитанской была очень популярна в европейской литературе XIX–XX вв. На этот сюжет создана поэтическая драма Э. Ростана «Далекая принцесса», на этот же сюжет М. Врубелем создано мозаичное панно на фасаде московской гостиницы «Метрополь» и т.д. Интересно, что Горохов уподобляет себя Рюделю в первых строках третьей части «Зеркала», начатой им почти через год после окончания предыдущей части рукописи; это уподобление он объясняет тем, что «он опять принялся за свое». Таким образом, в этом образе отклик со стороны Горохова нашла не лирическая составляющая истории, а лишь упорство Рюделя в достижении поставленной цели.

Если говорить об авторах Нового времени, упоминается Ж.Ж. Руссо (л. 174, вставка): Горохов сетует, что не может, «подобно Руссо... переливать чувств своих в мысли, а мысли в красноречие». Цитат из произведений Руссо при этом в рукописи нет.

Резюмируя, можно, сказать, что Горохов был весьма неплохо знаком с отечественной литературой XVIII – первой трети XIX в., преимущественно с поэтическими текстами. Проза привлекала с его стороны меньше внимание, как и зарубежная литература, за исключением отдельных античных и средневековых авторов. Возможно, причина кроется в незнании Гороховым иностранных языков; но при этом отметим, что не особенно часто цитирует он и переводы. В целом его знакомство с зарубежной литературой основано, вероятнее всего, на классической гимназической программе, русскую же литературу он действительно любил и знал.

Отметим, что не все свои умозаключения Горохов подкреплял цитатами. В первую очередь к таким темам относится все глубоко личное: так, практически не содержится цитат в его автобиографическом рассказе в начале рукописи; отсутствуют цитаты и в его лирическом обращении к жене, которое располагается в конце «Залога».

Привлекают внимание методы работы А.М. Горохова с текстом. Он крайне редко воспроизводит текст стихотворений полностью; наиболее часто встречается комбинация из стихотворных фрагментов, извлеченных из различных произведений. Например, на л. 263 об.–264 об. помещена обширная подборка, включающая фрагмент стихотворения Э.И. Губера «На кладбище», текст стихотворения Л.А. Якубовича «За днями дни текут» и еще три не идентифицированных пока стихотворных фрагмента. В рукописи все они составляют единый текстовый массив:

«Спрашиваю тебя, летучее время:
Волшебник крылатый, скажи мне,
Каким потаенным путем
Уносишь ты радость, тоску и утраты
В незримом полете своем?
Скажи же мне, время на царственных крыльях,
Далеко ли у родных память умчишь обо мне,

Об этих порывах, об этих усилиях,
Об этих слезах в тишине?
Или без вниманья, широким размахом,
Ты память обо мне за собой унесешь,
Засыплешь все думы забвения прахом,
И в бездну веков заметишь?...».
И тогда так: «Приветствую тебя, последнее жилище
Усопших братьев, забвенье от людей!
Приют таинственный – угрюмое кладбище,
Где жажду я обнять оплаканных друзей!
Что в жизни этой нам, тоскливой, скоротечной,
В которой скорбь и плач нам измеряют дни,
В ней истина мертва, как отдых бесконечный –
Лежащих, тлеющих здесь в сумрачной тени.
Скоро, скоро и я, друзья, без горьких слез прощанья,
Расстанусь навсегда с обителью живых!
Я лишний на земле..., что мне в стране изгнанья?
В ней найдешь немного и друзей прямых».
И хотя «Тих и темен бедный дом,
Но в нем усну я долгим сном.
Гроб не выдаст мертвеца –
Не отдаст моих костей –
В посмеяние людей»¹.

«Жизнь наша бойка и скор ее полет
Имя – звук оставит только
Но и тот, увы, от времени замрет».

А дети мои, я уверен, не забудут своего отца. Известно, что
«За днями дни текут обычной чередою;
Что день, то ближе мы к могиле и покою –

¹ В оригинале:

Тих и темен бедный дом;
В нем усну я долгим сном:
Гроб не выдаст мертвеца
В руки праздного глупца,
Не отдаст моих костей
В посмеяние людей.

(Губер Э.И. На кладбище (фрагмент) // Сочинения Э.И. Губера, изданные под ред. А.Г. Тихменева. СПб. : изд. А Смирдина, 1859. Т. 1. С. 53).

К покою? Как узнать, таится что во мгле?
Загробны таинства открыты ли земле?
Но жить, жить буду я, в другой хоть оболочке:
Как зрелый сок плода находится в цветочке,
И в червячке сокрыт воздушный мотылек,
И в недрах гор бежит невидимый поток»¹.

Эта подборка приведена почти в самом конце рукописи; здесь Горохов задается вопросом о природе творчества, о причинах, побуждающих человека «сочинять и составлять что-нибудь целое». Он не оценивает себя высоко как сочинителя, а причины составления такого обширного текста видит в том, что хотел «излить свои чувства на память детям», «и потому, чтобы быть занятым».

Яркий пример еще одной компиляции представляет собой титульный лист рукописи, который содержит фрагменты из стихотворения М.Ю. Лермонтова (разобранные выше), а также стихотворения Е.И. Шаховой. Отдельных слов заслуживает последний пример. Получается, что Горохову потребовалось «адаптировать» женские стихи, с чем он несколько неуклюже, но все же справился. Сравним с оригиналом:

Рукопись
Непрочной славы суета
Меня не льстит очарованьем,
Не жду вниманья от **чужих** людей,
Но я **писал** с упованьем,
Чтоб на устах **родных, о книге** моей
Улыбку **сорвать** одобренья,
И за успехи **похожего на** вдохновенье –
Внимать души **их** привет;
Как будто и я был поэт.

Публикация²
Непрочной славы суета
Меня не льстит очарованьем,
Не жду вниманья от людей,
Но я **писала** с упованьем,
Чтоб на устах **родной** моей
Улыбку **видеть** одобренья,
И за успехи вдохновенья
Внимать души **ее** привет;
Я дочь ей... я для ней поэт!

Как видно, Горохов комбинирует, соединяет между собой фрагменты текстов разных авторов, а порой добавляет к ним и свои собственные поэтические опыты. Хотя в рукописи неоднократно гово-

¹ Якубович Л.А. За днями дни текут (полный текст) // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1838. № 4 (т. XII). С. 86.

² Шахова Е.Н. Три зари, или Слепец. Повесть (фрагмент) // Шахова Е.Н. Стихотворения. СПб.: Тип. АН, 1839. С. 116–117.

рится о том, что Горохов не считает себя сочинителем, видимо, его все же волновала тема творчества и сочинительства, а стихотворение Шаховой показалось ему подходящим, чтобы «примерить» на себя образ поэта.

И в компиляциях, и в единичных цитатах упоминания имен авторов встречаются далеко не всегда. Горохов указывает на авторство преимущественно в случаях, когда приводит небольшую цитату или фразу (так, он ссылается на Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова); в случае же обширной цитаты или комбинации цитат указание на автора, как правило, отсутствует. Не исключено, что составление компиляции он понимал как своеобразный творческий акт, а потому считал себя в какой-то мере и ее автором. Не следует исключать и возможность того, что он просто не помнил имен поэтов, строки которых приводил, или же просто не считал нужным их указание в рукописи, цель которой была заявлена как исключительно приватное поучение для детей.

Вероятнее всего, Горохов использовал для цитирования книги или журналы, имевшиеся у него под рукой. Действительно, в некоторых случаях кажется, что переделать текст таким образом, как в приведенном только что примере со стихотворением Шаховой, можно лишь имея текст публикации перед глазами. Однако нельзя исключать и цитирования по памяти; выше была уже приведена цитата, где Горохов сам говорит о том, что стихи Долгорукова он заучил наизусть.

Также рукопись Горохова позволяет установить, в какие сроки вновь вышедшие произведения поступали в Томск. Существует мнение, что в XIX в., до строительства железной дороги, имели место трудности с доставкой книг и журналов в отдаленные регионы Российской империи; это считается одним из факторов оторванности Сибири от общерусского литературного процесса. Однако рукопись Горохова позволяет если не опровергнуть это мнение, то поставить вопрос о том, насколько велики были эти сроки в действительности. Так, судя по записи самого Горохова, первую часть «Залога» он закончил в июне 1837 г., а переписал набело 5 июля 1837 г. Вторая часть была

начала 22 декабря 1837 г., а окончена 27 июля 1839 г. Во второй части среди прочего цитируется апрельский номер (№ 4) пушкинского Современника за 1838 г. (в частности, стихотворение Л.А. Якубовича «За днями дни текут»). Таким образом, можно заключить, что временной промежуток между публикацией журнала и его прочтением в Томске составлял порядка года. При этом необходимо учитывать, что за это время журнал был доставлен в Томск, Горохов его прочел и поместил цитату из него в свою рукопись, т.е. фактический срок получения журнала был еще меньше.

В тексте рукописи Горохова также имеются его размышления о книгах и чтении. Так, в самом начале он оговаривает, что помещает в рукопись «все то, что на опыте испытал, видел, думал, или из начитки книг понимал» (л. 3). Обширный фрагмент, содержащий похвалу книге, содержится на л. 109 об.–110; автор говорит о том, что «никакое другое удовольствие в жизни не может быть так питательно для всех вкусов, как чтение». Лучшей книгой он считает ту, «которая представляет истину под приятными формами», что это «зеркало, в которое мы смотримся, часто не видя себя». Горохов сравнивает книги с «прелестными существами». Вот фрагмент из его похвалы книге: «Признаюсь, что я и сам возвышаюсь духом, когда читаю священные книги, люблю красотою языка церковного, мало нам доступного. Но люблю и светские сочинения, соединяющие в себе чистую нравственность с прелестью воображения и красотою слога. В свете весьма часто друзья с переменной счастья, вместо утешения, умножают скорбь сердечную, удаляясь от того, кого обольщали личиной дружбы. Книги же остаются с нами и в дни скорбные, они служат к улаждению скучных часов. Истинно, что чтение книг, служа невинной забавой и для любителей свет, отводят от игры, распутства, от клеветы от суетных забот честолюбия... Но читать наскоро хорошую книгу есть то же, что проехать на почтовых лошадях через город, богатый дарами природы и произведениями искусства: ум не получит никакой пользы ни от того, ни от другого» (л. 110 об.–111).

Вместе с тем он категорически против того, чтобы чтением занималась женщина, тем более – «без разбора» (л. 110). Позволим себе

обширную цитату: «Но чего добивается читающая женщина? Ума? Спаси, Господи, люди твоя, в том числе меня, раба твоего, от начитанного ума женского! Это ад – для природного здравого рассудка! Сердце! Сердце! Вот лучший женский ум! Как сказала одна из них: читающая женщина уже более не женщина, это профессор в чепце, семинарист в желтой шали. Для чего она читает? Чтобы подавать свое мнение? И вот она спорит, переспоривает, горячится, шумит, визжит!.. Одним словом, нет пощады от начитанной женщины. Она говорит о всем и всегда, она все читала, все знает. Не найдете в ней вы только малого незнания, которое так быстро сближает образованного мужчину с женщиной».

Также, с точки зрения Горохова, неправа молодежь, полагающаяся только на чтение книг и не слушающаяся советов старших (л. 207 об.–208): «И это именно оттого, что многие из них все знания свои почерпают из книг и воображают, что прочитав их несколько, они сделались умнее отцов своих! И очень редко, разве которые учатся собственными опытами, умеют ценить лета и почитать старость».

Не вызывают доверия у Горохова анонимные «современные романы», которые «действуют не столько на ум, сколько на воображение» (л. 241), а лучшей книгой он считает священное писание, которое является «источником всех утешений» (л. 240 об.). Образ книги часто используется Гороховым для сравнения: так, людей в свете он уподобляет «книгам в шкафах за стеклом в богатом переплете, где видим одно их заглавие» (л. 71), а сам свет характеризует как «живую книгу – книгу пеструю, занимательную, но не всякому дается ее мудреная грамота» (л. 220 об.).

Таким образом, рукопись А.М. Горохова представляет безусловный интерес для исследования читательских предпочтений, литературных вкусов, методов работы с текстом томского чиновника XIX в., современника пушкинской эпохи. В результате первичного анализа этого текста Горохов предстает перед нами как человек глубоко консервативного склада, основанного на христианской морали, что обусловлено не в последнюю очередь его преклонным возрастом. Он хорошо знаком с отечественной литературой времен своей юности –

и в то же время не все литературные новинки понимает и принимает, выделяя ряд авторов, в том числе широко известных и в настоящее время. Несмотря на обилие цитат в тексте, имеются темы, которые Горохов предпочитает освещать от первого лица; это в основном личные воспоминания или переживания. Цитирование применяется в качестве аргументации в попытке убедить детей «жить правильно»; цитаты используются в качестве как положительных, так и отрицательных примеров. В тематике этих цитат отражаются основные системообразующие проблемы, структурирующие мировоззрение Горохова: пренебрежение земными благами в противовес обращению к божественному; умение ладить с людьми, в том числе – вращаться в свете; внимание к чтению книг и опыту старших; важность супружества. Неточное цитирование и перефразирование ряда текстов свидетельствует о попытках Горохова примерить на себя образы лирических героев цитируемых стихотворений и поэм, однако оно может являться также результатом неточности или небрежности, вполне понятной в рукописи личного характера. Подробно освещено в рукописи отношение Горохова к проблеме чтения, к книге, к читающей женщине; здесь он также предстает как консерватор, с некоторым даже домоостровским оттенком.

В целом, исходя из рассмотренного текста, Горохова можно охарактеризовать как внимательного, вдумчивого читателя, следящего за литературными новиками, творчески относящегося к прочитанному тексту.

2.2. Круг чтения томской интеллигенции (на материале книжной коллекции Г.К. Тюменцева)

История книжной культуры Томска является составной частью общерусской истории книги в культурном пространстве страны. Привлекающая в последнее время все большее внимание исследователей (в основном это – сотрудники Томского государственного университета и Научной библиотеки ТГУ: О.Н. Бахтина, Н.В. Васенькин,

О.А. Дашевская, Н.М. Дмитриенко, В.А. Есипова, О.А. Жеравина, Н.В. Жилиякова, Е.В. Ивановская (Сизова), А.П. Казаркин, Т.П. Карташова, Г.И. Колосова, Е.Н. Косых, Е.А. Масяйкина, О.Г. Никиенко, Е.Г. Новикова, И.А. Поплавская, Н.В. Серебренников и др.), она является как точки схождения с общенациональными процессами, так и свое региональное, в частности томское, своеобразие. При его осмыслении мы стремились расширить представление о читательских интересах томичей и одновременно конкретизировать его, связав вопрос о томском читателе с проблемами восприятия художественной литературы. Этим и вызвано обращение к материалам личной библиотеки Г.К. Тюменцева, известного томского библиофила, отличавшегося в своей жизнедеятельности духовной активностью, посвятившего себя образованию и самообразованию, просвещению и саморазвитию.

Окончивший сначала Тобольскую гимназию (1861), а потом физико-математический факультет Казанского университета (1866), Тюменцев прослужил два года в главном управлении Западной Сибири в Омске (1866–1868), учительствовал в красноярской классической гимназии (преподавал математику и естественную историю в 1868–1870 гг.), в мужской и женской томских гимназиях (с 1870 г.), заведывая одновременно гимназической библиотекой (по 1874 г.). С 1877 по 1907 г. являлся директором томского Алексеевского реального училища, в котором его усилиями также была создана хорошая библиотека.

С первых лет своего обучения в Казанском университете (т.е. с 1850-х гг.) Тюменцев начал собирать книги для личной библиотеки, которую современные исследователи называют «наиболее полным собранием дореволюционной книги г. Томска»¹, насчитывающим около 1 200 томов книг, журналов, газет, многие из которых, по мнению специалистов, уникальны. Обеспокоенный революционными событиями, он передает свое книжное собрание (двумя партиями,

¹ Карташова Т.П. Некоторые аспекты изучения регионального книжного дела (на примере библиотеки Г.К. Тюменцева) // Библиотечное партнерство для информационного развития : материалы VI Международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2004 г. URL: http://www.lib.tsu.ru/index_about_ub.php?id=733 (дата обращения: 21.08.2019).

в 1918 и 1925 гг.) в Научную библиотеку Томского университета, подтверждая мысль о том, что библиофильство, по сути своей, явление общественное.

Соединение двух названных аспектов исследования: «литературно-художественные издания» и «томский читатель-интеллигент», как представляется, может быть весьма плодотворным в изучении книжной культуры Томска, внося в него новые «повороты». Давая общую характеристику библиотеки или рассматривая ее в отдельных аспектах, исследователи неоднократно подчеркивали универсальный характер ее тематики и тот факт, что она является ярким отражением читательских интересов томской интеллигенции, характерным представителем которой, безусловно, является Г.К. Тюменцев.

Определяя тип личного книжного собрания Тюменцева, следует отметить, что оно сочетает в себе признаки универсальной, рабочей, специальной и библиофильской библиотеки. С одной стороны, библиотека Тюменцева отвечает профессиональным интересам ее владельца: педагогическим, естественнонаучным, историко-экономическим. Она отражает его занятия метеорологией, краеведением, участие в старейших научных обществах России – Императорском Русском географическом обществе, Императорском Вольном экономическом обществе, а также в томских общественных организациях: в Обществе естествоиспытателей и врачей, Обществе попечения о начальном образовании, Обществе содействия физическому развитию и т.д. С другой стороны, исследователи справедливо определяют библиотеку Тюменцева как библиофильскую, поскольку она «содержит книжные редкости» и отличается особыми «способами комплектования»¹.

Г.К. Тюменцев, безусловно, сочетал в себе читателя, книговеда и вдумчивого собирателя библиотеки, которая отличается хорошим подбором книг, характеризующим его личность. Таких собирателей П.Н. Берков, автор нескольких книг по истории русского библиофильства, называл «просвещенными библиофилами». Рассуждая о них,

¹ Карташова Т.П. Библиотека Г.К. Тюменцева // Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014. С. 266.

он писал: «...собрание хорошей, ценной библиотеки – это большой человеческий труд», в котором отражаются «умственные или художественные интересы... собирателя, его “лицо” как библиофила»¹. В связи с этим представляется необходимым рассматривать в данном разделе монографии проблемы литературы, книгоиздания, чтения и библиофильства как системно взаимосвязанные.

Общепризнанным тематическим ядром библиотеки Тюменцева являются книги о Сибири – около 700 изданий по различным отраслям знаний, куда входят и сибирские, томские издания. По видовой типологии большая часть тюменцевской «сибирики» относится к научным, научно-популярным, учебным, справочным, нормативным, ведомственным, общественно-политическим изданиям². Однако, будучи истинным интеллигентом, Тюменцев никогда не замыкался в своей профессии, жертвуя ей культурными общечеловеческими ценностями, о чем как об обязательной характеристике русского интеллигента писал Д.С. Лихачев в своей статье «О русской интеллигенции»: «Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью. Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это прежде всего независимость мысли при европейском образовании»³. Библиотека Тюменцева демонстрирует именно эти свойства ее владельца – независимость мысли, широту кругозора и духовных интересов, глубину познаний. Особенно ярко это отражают издания художественной литературы, собиравшиеся математиком, метеорологом, краеведом Г.К. Тюменцевым на протяжении всей жизни. На первый взгляд, их в библиотеке не так много по сравнению с другими видами, тем более собрание литературно-художественных изданий Тюменцева видится как глубоко продуманное, с хорошим составом книг и авторов.

¹ Берков П.Н. О людях и книгах. М., 1965. С. 8.

² См. об этом подробнее: Карташова Т.П. Библиотека Г.К. Тюменцева... С. 266–268.

³ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 4.

Вероятно, Тюменцевым собирались литературные сочинения и литературно-художественные издания, интересные, нравящиеся, представляющиеся хорошими именно ему. Между тем в его коллекцию вошли уникальные книжные издания XIX в., которые сегодня можно признать и редкими, и ценными; а состав литературных сочинений, характеризующий представление Г.К. Тюменцева и в его лице (при всей субъективности личных предпочтений) – сибирской, томской интеллигенции, отражает историю мировой литературы, ее функции, пути развития, вершины и самые яркие явления¹.

Наиболее ранним по времени публикации в библиотеке Тюменцева является издание древнейшего из сохранившихся памятников античной литературы – «Илиады» Гомера в переводе Н.И. Гнедича, выполненном в 1829 г. (часть вторая). Книга выпущена в Санкт-Петербурге в 1861 г. издателем и книгопродавцем И.Т. Лисенковым (в типографии С. Седикина). Опубликованный в ней перевод был дополнен «Жизнеописаниями Гомера и переводчика его Илиады на русский язык Гнедича, с их портретами». Издание иллюстрировано 24 рисунками английского художника Дж. Флаксмана по сюжетам гомеровской поэмы, украшено виньеткой с 7 портретами героев Илиады, выгравированными крупнейшим русским мастером Н.И. Уткиным².

Тюменцев владел третьим изданием перевода «Илиады» Н.И. Гнедича. Оно напечатано с экземпляра, исправленного переводчиком и хранившегося в Императорской Публичной Библиотеке (ныне Российская Национальная библиотека). Этот перевод, сделан-

¹ О диалектике личных интересов библиофила и его понимания социальной значимости своей библиофильской деятельности см.: Берков П.Н. Русские книголюбцы... С. 140–141.

² В.Г. Белинский дал высокую оценку иллюстрированию книги: «Очерки Флаксмана удивительно помогают проникновению в этот мир пластической, осязаемой красоты, которая нашла себе такое полное выражение в скульптуре, – и г. Лисенков оказал великую пользу русскому просвещению, приложив их к своему изданию “Илиады”» (Белинский В.Г. «Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем // Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1977. Т. 2: Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840. С. 494.

ный гексамером, в отличие от предыдущего прозаического перевода, выполненного И.И. Мартыновым (1823–1825), как известно, был высоко оценен современниками и выдержал множество (десятки) переизданий. В.Г. Белинский сам факт издания И.Т. Лисенковым «Илиады» в переводе Н.И. Гнедича назвал «благородным предприятием»: «Теперь всякий имеет возможность изучать художественнейшее создание художественнейшего народа в человечестве, чтобы узнать, что такое искусство, что такое художественная красота и изящество»¹. Собственно о переводе в заметке Белинского читаем следующее: «Конечно, никакой перевод не заменит подлинника, и тем более такого, как “Илиада”, где всё – изящные образы, выраженные на языке по преимуществу художественном, по преимуществу созданном для изящных образов; но если цель перевода есть дать по возможности близкое понятие о подлиннике, то Гнедич блистательно достиг этой цели, и его труд есть великий подвиг, делающий честь целой нации. В его переводе веет жизнью древности, и эта жизнь мощно охватывает дух читателя; в его образах мы видим и простодушие и пластичность, которые одни могут *навеять* живое созерцание дивного мира художественной Греции»². В «Литературной газете» (1830. № 2. 6 янв.) А.С. Пушкин писал: «Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки, когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, – с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность»³.

¹ Белинский В.Г. «Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем... С. 493.

² Там же. С. 494.

³ Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1981. Т. VI. С. 68.

В библиотеке Тюменцева имеется еще несколько памятников античной литературы¹. Среди них – издание трагедии «Медея» Еврипида в переводе с древнегреческого языка, выполненном Д.С. Мережковским в 1895 г. и опубликованном в этом же году в «Вестнике Европы». В 1902 г. отредактированный перевод поэта (наряду с его другими переводами античных трагедий) был подготовлен к изданию товариществом «Знание» и отпечатан в Санкт-Петербургской типографии Н.Н. Клобукова. Эта книга и оказалась в коллекции Тюменцева. Она содержит многочисленные читательские подчеркивания и отчеркивания в тексте и на полях.

Так, например, отмечены вертикальной линией на полях большая часть открывающего действие монолога кормилицы (некоторые строки еще и подчеркнуты в тексте, напр.: «Ведь большего нет блага в этом / Чем то, когда в согласье муж с женой. / Теперь же всё разрешено навеки: / Презрев свою супругу и детей, / Ясон берет себе жену другую»), реплики воспитателя («Безумная – коль молвить это слово / О госпоже пристойно – новых бед / Она еще не зает»; «Я услышал их (старейшин. – *И.А.*) разговор о том, / Что царь Креон Медею из Коринфа / Изгнать решил с детьми; правдив ли слух» и др.; в некоторых случаях реплики воспитателя подчеркнуты в тексте, например, «...любим больше мы самих себя, / Чем ближнего»). Галочкой отмечены некоторые емкие выражения из речи героев (напр.: «Скорбеть не любит молодость»).

В книге также отчеркнуты на полях фрагменты из диалога кормилицы и Медеи в первом действии: слова кормилицы, обращенные к сыновьям Медеи («Идите же домой...»), ответные слова Медеи («Плачу, плачу, и нет моим воплям конца... / Умереть бы скорее!») и ответная реплика кормилицы: «Дети, слышите? это она, ваша мать» и далее «Берегитесь, о милые дети мои, / Вашей матери гневного сердца, – / Уходите же, спрячьтесь скорей во дворец». Отчеркнуты и следующее далее слова проклятия Медеи в адрес сыновей, мужа, «всего нашего дома и всей семьи». В этой же сцене галочкой отмечены

¹ О хранящемся в библиотеке Г.К. Тюменцева переводе «Одиссеи» Гомера, выполненном В.А. Жуковским, см. далее.

на оценка кормилицей проклятия Медеи, эти слова также подчеркнуты в тексте. Некоторые реплики в данном монологе кормилицы не только отмечены подчеркиванием, но и перечеркнуты по диагонали (например, ее слова «Ибо правду хвалить хорошо и в речах / А на деле хранить еще лучше»).

Читательские пометы находим далее в монологе Хора: здесь вновь используются такие знаки, как галочка (так помечено обращение к кормилице: «Обо всем расскажи нам, комилица...»), отчеркивание на полях (вновь выделены слова, обращенные к кормилице: «Верь, не радует нас госпожи твоей скорбь: Мы – друзья ее славного дома», и ее ответ хору: «Дома славного нет: здесь разрушено всё...»), слова, обращенные к страдающей Медее: «Замолчи, не кошунствуй: / Если муж твой избирает / Ложе новое – смирись!»).

Далее читательскими пометами буквально испещрен монолог кормилицы, обращенный к хору: «Всё исполню я с радостью...» – здесь и отчеркивания на полях, и использование «галочки» и подчеркивания в тексте, и перечеркивание подчеркнутого. Интерес читателя явно привлек монолог Медеи «Я поспешила выйти к вам, о, жены / Коринфские...» – здесь к тому же спектру знаков читательского внимания прибавляются круглая скобка, которой текст отмечается на полях, и отчеркивание на полях двойной вертикальной линией. В данном монологе нет почти ни одной строки, которая бы не была отмечена читателем.

Книга и далее прочитана с большим вниманием, которое привлекают к себе диалоги Медеи и Креона, Медеи и Хора, Медеи и воспитателя, Медеи и Вестника, Медеи и Эгея, Медеи и Ясона, Ясона и Хора (так, приговор Хора герою «Ясон, умел ты речь свою украсить. / Но я скажу, – хотя б слова мои / Не нравились тебе, – что долг и клятву / Ты преступил, супруге изменив»). Один из самых трагических монологов Медеи, обращенный к сыновьям: «Вот милые, у вас приют есть / и Мирный дом. где будете вы жить / Без матери, в разлуке с нею вечной...», отчеркнут на полях практически полностью.

В ряде случаев отчеркнуты на полях ремарки, что свидетельствует о довольно высоком уровне культуры восприятия драматургического

текста читателем. Представленные пометы, безусловно, заслуживают отдельного анализа.

Кроме того, испещрена читательскими маргиналиями «Энеида» Вергилия¹ из библиотеки Тюменцева, которую, вслед за Вольтером, многие до сих пор сравнивают с поэмами Гомера. Томский библиофил владел «Энеидой» в переводе И.Г. Шершеневича. Книга вышла в Варшаве (тип. Варшавского Учебного округа) в 1868 г., хотя первая публикация этого перевода состоялась в «Современнике» в 1851–1852 гг. (т. 30–36). Это был второй по счету полный перевод «Энеиды» в России, сделанный по прошествии почти ста лет со времени первого перевода, принадлежащего В. Петрову (1781–1786). Он впервые был выполнен размером подлинника – гекзаметром. В книге встречается на протяжении всей поэмы тот же набор читательских помет, что и в «Медее», причем читатель использует для работы с текстом карандаши разного цвета. Этот материал также требует специального исследования.

Перевод «Энеиды» был высоко оценен современниками. «<...> я должен обратить особенное внимание читателей, – писал И.И. Панаев в “Заметках Нового Поэта о русской журналистике”, – на превосходный, истинно поэтический и необыкновенно верный подлиннику перевод виргилиевой “Энеиды“, печатающийся в “Современнике“ (этот перевод принадлежит И.Г. Шершеневичу)»². Очень высокую оценку переводу Шершеневича дал профессор В.И. Модестов в «Лекциях по истории римской литературы» (1888). Вместе с тем один из ближайших продолжателей переводческой рецепции поэмы Вергилия в России А.А. Фет, издавший свой перевод «Энеиды» в 1888 г., называл перевод Шершеневича «простым вольным пересказом содержания»³.

¹ Книга была внимательно прочитана, можно даже сказать, изучена Тюменцевым от начала до конца, о чем свидетельствует множество разнообразных помет и записей на полях, что также, наряду с изданием «Медее», требует отдельного исследования.

² Современник. 1851. Т. 30, № 12, отд. V. С. 157.

³ Цит. по: Ипатова С.А. «Как по крылам зашумят, тенетами рошу обступят...» // А.А. Фет: материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М. ; СПб., 2013. Вып. 2. С. 111.

Об этом же много раньше Фета писал в Н.А. Добролюбов в своем студенческом сочинении (в 1853–1854 уч. г.), которое было посвящено построчному сравнению перевода Шершеневича с подлинником¹. Справедливости ради следует привести переводческие установки Шершеневича, изложенные им в «Предисловии» к своему переводу: «Перевод мой не есть строго ученый труд <...>. Это не подстрочный перевод каждого стиха отдельно со всевозможным сохранением порядка слов подлинника; это и не буквальный перевод <...> Придавать слишком много значения отдельным словам, в ущерб целой мысли, жертвовать ясностью и верностью смысла ради педантической точности <...> значит, я полагаю, исказить подлинник <...>. Задача переводчика воспроизвести подлинник, но не иначе как в духе того языка, на который переводит. <...> А для того чтобы не впасть в одну из двух крайностей; то есть чтобы не лишить рассказа необходимой серьезности или не придать ему слишком тяжелого, ученого тона, я ни разу не пользовался ни французскими, ни немецкими переводами “Энеиды”»². Справедливости же ради следует напомнить, что спустя 80 лет, принимаясь за перевод «Энеиды», В.Я. Брюсов, анализируя перевод Фета и последовавший за ним перевод Н.Д. Квашнина-Самарина (1893), вновь ставит вопрос об адекватности перевода поэмы Вергилия³.

Г.К. Тюменцев был владельцем еще одного весьма популярного у читателей издания «Энеиды» – «Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная И. Котляровским» (Харьков, Университетская типография, 1842) с приложением «Словаря малороссийских слов, содержащихся в Энеиде, с русским переводом» (содержит более 1 000 слов). В книге находим лишь несколько читательских помет – на с. 5 и 6 карандашом подчеркнуто несколько простонародных вы-

¹ Это сочинение впервые было опубликовано только в советское время: Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л., 1961. Т. 1: Статьи, рецензии, юношеские работы. Апрель 1853 – июль 1857.

² Шершеневич И.Г. Предисловие // Энеида Виргилия. Варшава, 1868. С. 7–9.

³ Вергилий. Энеида : перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. М. ; Л., 1933. С. 39–45.

ражений и «малороссийских слов»: *хоть куды; тягу дав; Энея не любила страх; Вин швидко поробивши човны.*

Это было первое полное (посмертное) издание «Энеиды» И.П. Котляревского, которое сегодня считается первым сочинением новой украинской литературы, написанным ее первым классиком¹. Сочинение в шести частях, продолжающее многолетнюю европейскую традицию ироикомических «пересказов» поэмы Вергилия, является ее подражанием в духе бурлеска: созданное на основе легенды об Энее, перенесенной на украинскую почву, оно в шутливой оригинальной форме отражает быт, обычаи, нравы украинского народа.

Западноевропейская литература эпохи Возрождения представлена в библиотеке Тюменцева только одной книгой, но это – издание первой части «Божественной комедии» Данте Алигьери, открывающей европейский Ренессанс в литературе, – «Ад». Томский библиофил владел публикацией первого в России полного перевода кантики «Ад»². Он был сделан с итальянского языка прозой (по замечанию И.Н. Голенищева-Кутузова, с попыткой, однако, сохранить конструкции итальянских предложений³) и напечатан в 1842–1843 гг. в санкт-петербургской типографии Е. Фишера.

¹ В библиотеке Тюменцева имеется еще одно издание украинского автора: шестой том «Сочинений Григория Федоровича Квитки» – «Драматические сочинения Грицька Основьяненка», издание Харьковского Уездного Земства в пользу народного училища, учрежденного на основе в память Григория Федоровича Квитки (Основьяненка). Харьков : Типография Зильберберга, 1894. В этом томе опубликованы следующие произведения: «Святання на Гончаривци», «Щира любов», «Бой-жинка» на украинском языке в транслитерации символами русского языка, остальные произведения и биографический очерк, написанный С.Ф. Русовым, на русском языке.

² Ранее русский читатель мог познакомиться только с «Отрывком из 3 песни поэмы “Ад”» в переводе Авр.С. Норова, опубликованным в «Сыне отечества» за 1823 г. (Сын отечества. Ч. 87, № XXIX. С. 183–188). Перевод сделан терцинами, александрийским стихом, в духе французской традиции перевода сочинения Данте.

³ Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 464.

Автор перевода – писательница и переводчица Е.В. Кологривова, публиковавшаяся под псевдонимом Ф. Фан-Дим, которым подписан и перевод «Ада». Именно благодаря этому переводу, отличавшемуся точностью передачи содержания подлинника, его экспрессивного стиля, она вошла в историю русской литературы. На перевод откликнулись П.А. Плетнев, В.Г. Белинский, С.П. Шевырев и др. В частности, Белинский отметил близость перевода к подлиннику и верное решение Кологривовой переводить «Ад» Данте прозой, поскольку переводить великого поэта стихами сможет только поэт, равняющийся с ним талантом¹. Шевырёв, опубликовавший перед этим свой стихотворный перевод двух песен «Ада», в рецензии на перевод Кологривовой, напротив, сосредоточился на подробном анализе допущенных в нем ошибок², в связи с чем исследователь творчества Данте и его рецепции в России А.А. Асоян в своей монографии пишет: «Видимо, несмотря на объективность отдельных замечаний Шевырёва, его общая оценка труда Кологривовой оказалась несколько пристрастной и слишком строгой», расходясь с положительной оценкой многих современников переводчицы и современных ученых³.

Издание открывается «Введением», написанным чиновником Министерства государственных имуществ Д.Н. Струковым, которое А.А. Асоян называет «одной из основательных работ, обобщивших материалы новейших дантоведческих исследований» «после диссертации С.П. Шевырёва “Дант и его век” (1833–1834), заслужившей признание не только отечественной профессуры, но и зарубежных специалистов»⁴. «Введение» представляет читателю книги анализ «Божественной комедии», жанр которой определяется здесь как христианская эпопея. Проблематику поэмы Струков сводит к идее борь-

¹ См. рецензию В.Г. Белинского «“Божественная комедия” Данте Алигиери. “Ад”. Перев. с итал. Ф. Фан-Дима <Е. В. Кологривовой> (1843) // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 665.

² Москвитянин. 1843. Ч. 2, № 3. С. 189.

³ Асоян А.А. Данте в русской культуре. URL: <http://unotices.com/book.php?id=173700&trpage=1> (дата обращения: 06.03.2016).

⁴ Там же.

бы земного и небесного (духовного). Сравнивая произведение Данте с «Энеидой» Вергилия, жанровые традиции которой возродились, спустя многие годы, именно в «Божественной комедии», Струков очень точно пишет о принципиальном отличии ренессансного сочинения Данте от античной поэмы Вергилия. Он видит его в том, что в поэме Данте, впервые в истории литературы, главным героем становится сам автор, в ней настойчиво звучит его голос, его авторская позиция, позволяющая соотносить личное и всеобщее¹.

Во «Введении» находим читательские пометы Тюменцева, сделанные карандашом. «Галочкой» (или «птичкой» – v), которой, как правило, обозначают согласие или повышенное внимание, отмечены два абзаца на с. IX и XI, содержащих весьма своеобразную струковскую интерпретацию описания устройства Ада, Чистилища и Рая в «Комедии» Данте и эволюции, которую претерпевает многогранный образ героя, продвигающегося по этим пространствам и выражающего таким образом авторскую позицию:

С. IX. Данте дает полный анализ напластования земли и свойства земель и камней, постепенно углубляясь во внутренность земного шара, он говорит о воде, песке, железе, граните, о минеральных горячих источниках, о газах, о подземных пустотах, об огне и, наконец, о вечном льде, заключенном в центре земли. В чистилище, постепенно отделяясь от земли и восходя в область света, Данте постепенно сбрасывает с себя бремя земных грехов и помыслов и возносит самую науку естествознания к высоте философии, стремится по пути Откровения к единому Началу, всё сотворившему. В чистилище ботаника и физиология занимают более места; в Рае все эти науки уступают место астрономии, метафизике и богословию.

С. XI. Являясь в этих картинах поэтом и философом, Данте в них же является и великим политиком: он живописует человека не с одной его материальной и нравственной стороны, но и как человека великой народной семьи. Свидетель кровавых зол, раздиравших Италию, и участник в них по силе обстоятельств, он думал

¹ Подробнее о статье Д.Н. Струкова см.: Асоян А.А. Данте в русской культуре...

ужасную монархию, изобразив ее в своем аде и пленив умы прелестью общественного благоденствия под сенью монархического правления, явить миру блаженство небесного Царства. Чистилище служит изображением перехода из анархии к спокойствию общественному.

Издание «Божественной комедии» из библиотеки Тюменцева замечательно еще и тем, что содержит параллельный текст сочинения Данте на итальянском языке, а также примечания и 31 иллюстрацию – линейные гравюры английского художника Дж. Флаксмана, прославившегося иллюстрациями к Гомеру, Эсхилу, Данте.

Более широко в книжном собрании Тюменцева представлены издания сочинений западноевропейских авторов XVII в. Прежде всего следует назвать поэму «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «первого, – как указывает Ю.Д. Левин, – английского поэта, получившего известность и переведившегося в России»¹. Книга выпущена в Санкт-Петербурге в 1871 г. издателями Н.П. Кораблевым и М.Н. Сирыковым, отпечатана в типографии В. Нусвальта. В руках Тюменцева оказалось издание пятого по счету перевода поэмы Мильтона, принадлежащего С.И. Писареву. Множество переводов «Потерянного рая», сделанных преимущественно в XIX в., свидетельствуют о необычайной популярности в России этого сочинения, ставящего на материале библейской легенды важнейшие вопросы бытия, человека и общества, их развития.

Переводу Писарева предшествовали три перевода, созданные в XVIII в.: А.Г. Строганова (1745), префекта Московской академии Амвросия (Серебренникова) (1785) и Ф.А. Загорского (1795). Все они были сделаны прозой, первые два переводились не с оригинала, а через текст-посредник (с французского перевода 1729 г. Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора). Первый перевод с подлинника был выполнен Загорским, но он тоже был прозаическим. Первый стихотворный перевод «Потерянного рая» появился в России только в конце 1850-х гг., он принад-

¹ Левин Ю.Д. История русской переводной художественной литературы. СПб., 1996. Т. 2. С. 191.

лежит поэтессе Е.А. Жадовской. Этот перевод, представляющий собой неполный стихотворный пересказ более ранних прозаических переводов Ф.А. Загорского и Е.П. Люценко¹, был подвергнут резкой критике со стороны Н.А. Добролюбова. «Перевод с прозы г-жи Жадовской – безобразнейшая спекуляция, какую только можно себе представить!.. Тут все есть – и безграмотность, и бездарность, и прямой обман <...> Наши замечания имеют вот какой смысл: зачем г-жа Жадовская выдрала из поэмы Мильтона отрывки, и отрывки далеко не лучшие, зачем перевела их на плохие стихи со старой русской прозы, зачем перепутала даже и то, что сама выбрала, а главное – зачем свои вирши издала под названием поэмы Мильтона “Потерянный рай?”», – писал критик². Из шести переводов, последовавших за переводом Жадовской (до конца XIX в.), только два были выполнены с английского языка – профессором Московского университета А.З. Зиновьевым (1861) и С.И. Писаревым, и только один из этих двух – стихами. Это – перевод С.И. Писарева, который и обнаруживаем в библиотеке Тюменцева.

Данная книга также содержит некоторые читательские пометы владельца. В частности, в «Биографии Мильтона», написанной Писаревым и открывающей издание, в главах III, IV, VI (на с. XXII, XXXV, LXVIII, LXIX) имеются подчеркивания (черными чернилами), отражающие интерес Тюменцева к сочинениям английского автора, содержащим его общественно-политические и тесно связанные с ними религиозно-философские взгляды:

С. XXII. В 1641 г. вспыхнуло восстание против епископов. Мильтон принял в нем энергичное участие и напечатал Трактат о Реформации³, где защищал диссидентов, стоявших, по его мнению, <...> ниже пресвитериан по учености и красноречию.

¹ См. об этом: Третьякова Е.А. Перевод в диахронии (на материале одновременных переводов поэмы Дж. Мильтона “Paradise lost”) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 149, Филология. С. 89.

² Добролюбов Н.А. «Потерянный рай». Поэма Иоанна Мильтона. Перевод... Елизаветы Жадовской // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 695.

³ Имеется в виду «Трактат о Реформации в Англии и причинах, задержавших ее».

С. XXXV. *Особенно замечательны письма «О гонении протестантов в Пьемонте», которых нельзя читать без волнения. Мильтон глубоко чувствовал притеснения протестантов.*

На с. LXVIII–LXIX на поле отчеркнут карандашом большой фрагмент (данный в переводе Писарева) из политического трактата Мильтона «Defensio secunda», знаменитой «Второй защиты» (1654), которая, как известно, появилась как ответ противникам его «первой защиты» – «Защиты английского народа». Тюменцевым отмечен приведенный во «Введении» отрывок, воспевающий Кромвеля, который отверг титул короля и избрал себе «титул Протектора, т.е. покровителя отечества».

Подчеркивания в тексте и несколько отчеркиваний на полях (карандашом, чернилами) находим и в Песнях I, II, VI, IX:

- С. 2. Терзаем завистью, мщеньем прельстил он
Обманом Праматерь людей, в виде змея!
Когда он за гордость низринут был с неба.
- С. 39. В себе сознавая достаточно силы,
Мы будем страшить нападением небо,
Всегда угрожая величью Престола.
- С. 50. Любимые дети Всесильного Бога
Низвержены будут, как мы, в эту пропасть,
И с нами разделят жестокою участь.
Рожденье свое проклинать они будут,
Оплакивать вечно погибшее счастье.
Подумайте, боги, должны ль мы решиться
Исполнить намеренье важное это...
- С. 191. Подходим мы ближе и видим лес копий,
Блестящих щитов их и множество шлемов,
Украшенных разным мишурным убранством,
Как буря неслися, сплошными рядами
Войска Сатаны; они думали в день тот
Иль силой оружия, иль натиском быстрым,
Взять гору святую; – на трон Всеблагого,
Возвысить завистника славы Господней.

С. 316. Так, зная печальный исход преступления,
Не быв и обманут, но лишь очарован
Нежнейшею лаской прекрасной супруги,
Адам, как в безумье, берет и вкушает!
Земля тогда вновь потряслась в основаньи,
С глубокою скорбью вздохнула природа,
Померк и весь воздух, тяжелые капли
Закапали, жалости будто бы слезы,
Уныло и гром загремел в отдаленьи;
Как бы сострадало всё мирозданье.

Как видим, читателем отмечены кульминационные, с его точки зрения, моменты сюжета поэмы – соращение Евы низвергнутым из Рая Сатаной, начало войны на небесах, грехопадение Адама.

Томскому книголюби принадлежала и книга, в которую вошли 19 комедий французского драматурга XVII в. Ж.-Б. Мольера – «Собрание сочинений Мольера. 19 пьес с иллюстрациями (копиями с гравюр) Эдмонда Гедуэна, Луи Лелуа и других французских художников». Издание вышло «под редакцией» цензора С.С. Трубачева в Санкт-Петербурге, отпечатано оно было в типографии братьев Г.Ф. и П.Ф. Пантелеевых в 1899 г., в виде иллюстрированного бесплатного приложения к «Вестнику иностранной литературы». Книга содержала статью о биографии Мольера и все его наиболее известные комедии.

Часть из них, в основном одноактные пьесы или комедии-балеты, составлявшие фарсовый репертуар труппы Мольера, представлены в издании в виде анонимных пересказов: «Ревность Барбулье», «Летающий доктор», «Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц: Героическая комедия», «Докучные: Комедия-балет», «Критика на “Школу жен”», «Версальский экспромт», «Брак по неволе: Балет», «Принцесса Элидская: Комедия-балет», «Любовь-исцелительница: Комедия-балет», «Мелисерта: Героическая пастораль», «Комическая пастораль», «Сицилиец, или Любовь-художница: Комедия-балет», «Великодушные любовники: Комедия-балет», «Психея: Трагедия-балет», «Графиня Д’Эскарбаньяс».

Некоторые стихотворные комедии французского автора вошли в книгу в виде прозаических переводов: например написанные в стиле

итальянской литературной комедии пятиактные пьесы «Взбалмошный, или Все невпопад» – имя переводчика не указано, «Любовная досада» – перевод А.В. Швырова, комедия-фарс «Станарель, или Мнимый рогоносец» – перевод М.А. Орлова, «Мизантроп» – перевод М.И. Полтавского. Остальные представлены стихотворными переводами, выполненными известными поэтами и переводчиками. Так, знаменитая комедия Мольера «Школа мужей» в рассматриваемое издание вошла в стихотворном переводе поэта, литературного и театрального критика А.А. Григорьева. Не менее известные комедии в стихах «Школа жен», «Дон Жуан», «Тартюф», «Скупой», «Мещанин во дворянстве» опубликованы в стихотворном переводе поэта, драматурга, талантливого переводчика В.С. Лихачева. В книгу вошли также переводы комедий Мольера, выполненные поэтом Д.Д. Минаевым: «Амфитрион», «Ученые женщины», известным переводчиком В.Л. Ранцовым: «Доктор поневоле», «Жорж Данден, или Пристыженный муж»; поэтом-переводчиком П.И. Вейнбергом: «Г.-де-Пурсоньях», «Мнимый больной»; филологом-славистом, доктором славянской филологии А.Л. Погодиным: «Прodelки Скапена». Книга, как видим, содержит не только все значимые пьесы Мольера, отражавшие развитие его творчества, но и богатую палитру видов русского художественного перевода и русских переводчиков конца XIX в., в частности переводчиков Мольера.

Из сочинений западноевропейской художественной литературы эпохи Просвещения, имеющих в библиотеке Тюменцева, назовем в первую очередь седьмой том «Собрания сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцией Ник. Вас. Гербеля» в Санкт-Петербурге в типографии Императорской Академии наук в 1864 г. Н.В. Гербель, поэт-переводчик, издатель, редактор, литературовед и библиограф, в конце 1850-х – 1860-е гг. предпринял ряд изданий лучших зарубежных поэтов в русских переводах, таких как Шекспир, Байрон, Гете. В 1857–1861 гг. в рамках этого проекта было опубликовано «Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей».

Ю.Д. Левин, подробно рассмотревший историю подготовки и публикации этого издания, ставшего «первым редакционно-

издательским опытом Гербея», открывающим реализацию его масштабного замысла, отмечал, что обращение именно к Шиллеру было неслучайным. «Немецкий поэт, великий гуманист, неутомимый проповедник идеалов истины, добра и свободы», стал к этому времени «неотъемлемой частью русской духовной жизни»¹. Для этого издания, по утверждению исследователя, Гербель начал собирать сочинения Шиллера еще в 1853–1854 гг. Задуманное сначала в двух томах, включавших в себя 260 стихотворений, переведенных 49 переводчиками (более половины переводов были сделаны по заказу Гербея специально для этого издания, многие стихотворения Шиллера были представлены в нескольких переводах), «Собрание сочинений» Шиллера разрослось до девяти томов, вобрав в себя драматические и исторические произведения немецкого поэта. Выход в свет этого собрания сочинений, по оценкам современников, явился событием в культурной жизни России². Впоследствии собрание сочинений Шиллера под редакцией Гербея переиздавалось с дополнениями шесть раз (6-е и 7-е издания вышли после смерти редактора).

В коллекции Тюменцева находится один из томов 3-го издания этого собрания. Здесь опубликован исторический труд Шиллера «История тридцатилетней войны» (1791) в переводе Н.В. Гербея. Сочинение посвящено военному конфликту, название которого вынесено в заглавие произведения, и его последствиям для Германии и Европы, отражая шиллеровские принципы историографии.

¹ Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/gerbel_nv/shiller_v_prevede_russkih_pisateley.4002/ (дата обращения: 06.03.2016).

² См., напр., рецензию М.Л. Михайлова «Шиллер в переводе русских писателей, изданный под редакцию Н.В. Гербея, т. I–IV, СПб. 1859 г.» (Михайлов М.Л. Сочинения : в 3 т. М., 1958. Т. 3: Критика и библиография. <Записки>). Позднее Михайлов написал рецензию и на следующие два тома (см.: Русская старина. 1860. № 2). См. также рецензию Н.Г. Чернышевского: Современник. 1857. № 1. Н.А. Добролюбовым, также приветствовавшим «полезное предприятие г. Гербея», были написаны 3 рецензии на отдельные тома издания (Современник. 1857. № 12; 1858. № 7, 12).

В предисловии «От издателя» перевод квалифицируется как «действительно полный, т.е. в нем не опущено ни одной строки и не изменено ни одного слова»¹. Далее Гербель вписывает свой перевод в контекст русской переводческой рецепции этого сочинения, давая высокую оценку первому переводу «Истории...» Шиллера, изданному в 1815 г.: «Перевод этот, несмотря на устарелость... замечателен по своей верности»², – и называя вышедшие после него переводы двух отрывков, принадлежащих баронессе Ю. фон Икскуль («Покорение Магдебурга» 1859 г. и «Характеристические очерки Валленштейна» 1860 г.).

Тюменцев владел также изданием пьесы глубокого философско-теологического содержания «Натан Мудрый. Драматическое стихотворение» крупнейшего немецкого писателя-просветителя Г.Э. Лессинга, которого Н.Г. Чернышевский в своем труде «Лессинг, его время, жизнь и деятельность» называл «отцом новой немецкой литературы»³. Книга вышла в Санкт-Петербурге в 1875 г. в типографии М. Стасюлевича. Она содержит перевод сочинения Лессинга, выполненный с немецкого языка известным драматургом В.А. Крыловым, а также составленные им исторический очерк «Лессинг и его драматическое стихотворение “Натан Мудрый”», примечания к тексту перевода и «Библиографический указатель к драматическому стихотворению Лессинга “Натан Мудрый”». По указанию Крылова, это «был первый и до сих пор единственный перевод произведения, занимающего одно из самых почетных мест в немецкой литературе»⁴. Первоначально он был опубликован в 1868 г. в «Вестнике Европы», но поскольку критика не обратила должного внимания на этот перевод, Крылов решил перепечатать его

¹ Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцию Н.В. Гербеля. СПб., 1864. Т. VII. С. V.

² Там же.

³ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 9.

⁴ Натан Мудрый: драматическое стихотворение Готгольда Лессинга / пер. с немецкого Виктора Крылова с историческим очерком и примечаниями к тексту перевода. СПб., 1875. С. 1.

в особом издании, «дополнив пояснениями и историческим очерком»¹.

Кроме того, в книжном собрании томского библиофила хранится т. IX Полного собрания сочинений Ж.-Ж. Руссо на французском языке, вышедшего в Париже в 13 томах в акционерном обществе по изданию, распространению книг и периодической печати «Ашетт и К°» (Librairie Hachette et К°) в 1902–1905 гг. Том содержит продолжение и окончание романа Руссо «Les confessions» («Исповедь»), «Rousseau juge de Jean-Jacque» («Руссо – судья Жан-Жака») и «Les reveries du promeneur solitude» («Прогулки одинокого мечтателя») – в последнем произведении имеются читательские пометы Тюменцева. «Прогулки...», как известно, не были завершены Руссо (1776–1778), они представляют собой автобиографическую прозу, встающую в ряд с «Исповедью» и «Диалогами. Руссо – судья Жан-Жака». Сочинение разделено на 10 глав-прогулок (десятая не закончена). В них собраны описания отдельных моментов жизни автора, достопримечательностей, которые он видел во время своих прогулок. Это – тексты глубочайшего авторского самоанализа. Книгу очень трудно читать без знания биографии писателя. Исследователи отмечают, что наиболее внятные мысли и рассуждения начинаются только в четвертой прогулке.

Пометы Тюменцева находим в 5-й и 7-й прогулках (начиная с 9-й прогулки страницы книги не разрезаны²). В пятой прогулке описано пребывание Руссо на острове Сен-Пьер, посреди Бьенского озера. Пребывание на нем он называет самым счастливым временем своей жизни. Более всего писатель ценит свое уединение. Приведем пометы Тюменцева:

Quand le lac agité ne me permettoit pas la navigation, je passais mon après-midi à parcourir l'île en herborisant à droite et à gauche m'asseyant tantôt dans les réduits les plus riens et les plus solitaires pour y rêver à mon aise, tantôt sur les terrasses et les tertres, pour parcourir des yeux le superbe et ravissant coup d'œil du lac et de ses rivages couronnés

¹ Натан Мудрый: драматическое стихотворение Готгольда Лессинга... С. 2.

² Не разрезаны и страницы, где напечатано «Ecrit en forme de circulaires».

d'un côté par des montagnes prochaines et de l'autre élargis en riches et fertiles plaines, dans lesquelles la vue s'étendoit jusqu'aux montagnes bleuâtres plus éloignées qui la bornaient.

Quand le soir approchoit je descendais des cimes de l'île et j'allois volontiers m'asseoir au bord du lac sur la grève dans quelque asile caché ; là le bruit des vagues et l'agitation de l'eau fixant mes sens et chassant de mon ame toute autre agitation la plongeoiént dans une rêverie délicate où la nuit me surprenoit souvent sans que je m'en fusse aperçu. Le flux et reflux de cette eau, son bruit continu mais renflé par intervalles frappant sans relâche mon oreille et mes yeux, suppléoiént aux mouvemens internes que la rêverie éteignoit en moi et suffisoient pour me faire sentir avec plaisir mon existence sans prendre la peine de penser. De tems à autre naissoit quelque faible et courte réflexion sur l'instabilité des choses de ce monde dont la surface des eaux m'offroit l'image : mais bientôt ces impressions légères s'effaçoient dans l'uniformité du mouvement continu qui me berçoit, et qui sans aucun concours actif de mon ame ne laissoit pas de m'attacher au point qu'appelé par l'heure et par le signal convenu je ne pouvois m'arracher de là sans effort.

Après le souper, quand la soirée étoit belle, nous allions encore tous ensemble faire quelque tour de promenade sur la terrasse pour y respirer l'air du lac et la fraîcheur. On se reposoit dans le pavillon, on riait, on causoit on chantoit quelque vieille chanson qui valoît bien le tortillage moderne, et enfin l'on s'alloit coucher content de sa journée et n'en desirant qu'une semblable pour le lendemain.

Telle est, laissant à part les visites imprévues et importunes, la maniere dont j'ai passé mon tems dans cette île durant le séjour que j'y ai fait Qu'on me dise à présent ce qu'il y a là d'assez attrayant pour exciter dans mon cœur des regrets si vifs, si tendres et si durables qu'au bout de quinze ans il m'est impossible de songer à cette habitation chérie sans m'y sentir à chaque fois transporté encore par les élans du désir.

Множество подчеркиваний сделано в поэтическом описании прогулки по острову, которая позволяла автору, находящемуся в полном одиночестве, насладиться спокойствием, возможностью мечтать, любоваться восхитительным видом озера и его берегов, с удовольствием ощущать свое существование. Кроме того, на полях книги, напротив

приведенного выше фрагмента, читателем сделан ряд записей. Например, напротив первого абзаца – f.<figure> modern, напротив второго столбиком – sens morale, général, du sans qu’il vit, и справа: adolescence, de temps en temps, напротив третьего – s’est ne pas savoir le temps, напротив четвертого столбиком: sens, general, movement.

В седьмой прогулке Руссо рассуждает о своих занятиях ботаникой, об открывшемся в нем интересе к внешнему миру. В духе своей любимой идеи противопоставления природы цивилизации он пишет о минералах, спрятанных в недрах земли и потому не искушающих жадность человека, и о том, как, будучи обнаруженными людьми, природные ископаемые приносят в общество подневольный труд, превращая людей в циклопов, перестающих замечать красоту природы. Даже в научных подходах к природе автор склонен видеть более удовлетворение человеческих амбиций, чем стремление к настоящим открытиям. Яркие цветы, пестрота лугов, свежая тень и ручьи предназначены для другого – для одухотворения человека, для оживления «мертвой души». В связи с этим Руссо воспеваает ботанику как занятие, которое может сделать человека счастливым, освободив его от страстей и погрузив в чистое созерцание природы. В этом фрагменте Тюменцевым сделано множество помет:

Fuyant les hommes, cherchant la solitude, n’imaginant plus, pensant encore moins, et cependant doué d’un tempérament vif qui m’éloigne de l’apathie languissante et mélancolique, je commençai de m’occuper, de tout ce qui m’entourait, et par un instinct fort naturel je donnai la préférence aux objets les plus agréables. Le règne minéral n’a rien en soi d’aimable et d’attrayant; ses richesses enfermées dans le sein de la terre semblent avoir été éloignées des regards des hommes pour ne pas tenter leur cupidité. Elles sont là comme en réserve pour servir un jour de supplément aux véritables richesses qui sont plus à sa portée et dont il perd le goût à mesure qu’il se corrompt. Alors il faut qu’il appelle l’industrie, la peine et le travail au secours de ses miseres; il fouille les entrailles de la terre, il va chercher dans son centre aux risques de sa vie et aux dépens de sa santé des biens imaginaires à la place des biens réels qu’elle lui offroit d’elle-même quand il savoit en jouir. Il fuit le soleil et le jour qu’il n’est plus digne de voir;

il s'enterre tout vivant et fait bien, ne méritant plus de vivre à la lumière du jour. Là, des carrières des gouffres, des forges, des fourneaux, un appareil d'enclumes, de marteaux de fumée et de feu succèdent aux douces images des travaux champêtres. Les visages hâves des malheureux qui languissent dans les infectes vapeurs des mines, de noirs forgerons, de hideux cyclopes sont le spectacle que l'appareil des mines substitue au sein de la terre, à celui de la verdure et des fleurs, du ciel azuré, des bergers amoureux et des laboureurs robustes sur sa surface.

Il est aisé, je l'avoue, d'aller ramassant du sable et des pierres, d'en remplir ses poches et son cabinet et de se donner avec cela les airs d'un naturaliste : mais ceux qui s'attachent et se bornent à ces sortes de collections sont pour l'ordinaire de riches ignorans qui ne cherchent à cela que le plaisir de l'étalage. Pour profiter dans l'étude des minéraux, il faut être chimiste et physicien; il faut faire des expériences pénibles et coûteuses, travailler dans des laboratoires, dépenser beaucoup d'argent et de tems parmi le charbon, les creusets, les fourneaux, les cornues, dans la fumée et les vapeurs étouffantes, toujours au risque de sa vie et souvent aux dépens de sa santé. De tout ce triste et fatigant travail résulte pour l'ordinaire beaucoup moins de savoir que d'orgueil, et où est le plus médiocre chimiste qui ne croye pas avoir pénétré toutes les grandes opérations de la nature pour avoir trouvé, par hasard peut-être, quelques petites combinaisons de l'art?

Le regne animal est plus à notre portée et certainement mérite encore mieux d'être étudié. <...> Comment observer, disséquer, étudier, connoître les oiseaux dans les airs, les poissons dans les eaux les quadrupèdes plus légers que le vent, plus forts que l'homme et qui ne sont pas plus disposés à venir s'offrir à mes recherches que moi de courir après eux pour les y soumettre de force ? J'aurois donc pour ressource des escargots, des vers, des mouches, et je passerois ma vie à me mettre hors d'haleine pour courir après des papillons, à empaler de pauvres insectes, à disséquer des souris quand j'en pourrois prendre ou les charognes des bêtes que par hasard je trouverois mortes. L'étude des animaux n'est rien sans l'anatomie, c'est par elle qu'on apprend à les classer, à distinguer les genres, les espèces. Pour les étudier par leurs mœurs, par leurs caractères,

il faudroit avoir des volières, des viviers, des ménageries il faudroit les contraindre en quelque maniere que ce pût être à rester rassemblés autour de moi. <...> Quel appareil affreux qu'un amphithéâtre anatomique, des cadavres puans, de baveuses et livides chairs, du sang des intestins dégoûtans, des squelettes affreux, des vapeurs pestilentiellees ! Ce n'est pas là, sur ma parole, que Jean-Jacques ira chercher ses amusemens.

Brillantes fleurs, émail des prés, ombrages froids, ruisseaux, bosquets, verdure venez purifier mon imagination salie par tous ces hideux objets. Mon ame morte à tous les grands mouvemens ne peut plus s'affecter que par des objets sensibles ; je n'ai plus que des sensations, et ce n'est plus que par elles que la peine ou le plaisir peuvent m'atteindre ici-bas. Attiré par les riens objets qui m'entourent, je les considère, je les contemple, je les compare, j'apprends enfin à les classer et me voilà tout d'un coup aussi botaniste qu'a besoin de l'être celui qui ne veut étudier la nature que pour trouver sans cesse de nouvelles raisons de l'aimer.

<...> Mais je cherche à me donner des amusemens doux et simples que je puisse ajouter sans peine et qui me distroient de mes malheurs. Je n'ai ni dépense à faire ni peine à prendre pour errer nonchalamment d'herbe en herbe, de plante en plante, pour les examiner, pour comparer leurs divers caractères, pour marquer leurs rapports et leurs différences, enfin pour observer l'organisation végétale de maniere à suivre la marche et le jeu des machines vivantes, à chercher quelquefois avec succès leurs lois générales, la raison et la fin de leurs structures diverses, et à me livrer au charme de l'admiration reconnaissante pour la main qui me fait jouir de tout cela.

<...> Les plantes y sont naturellement. Elles naissent sous nos pieds et dans nos mains pour ainsi dire, et si la petitesse de leurs parties essentielles les dérobe quelquefois à la simple vue, les instrumens qui les y rendent sont d'un beaucoup plus facile usage que ceux de l'astronomie. La botanique est l'étude d'un oisif et paresseux solitaire: une pointe et une loupe sont tout l'appareil dont il a besoin pour les observer. Il se promène, il erre librement d'un objet à l'autre, il fait la revue de chaque fleur avec intérêt et curiosité, et sitôt qu'il commence à saisir les lois de leur structure il goûte à les observer un plaisir sans peine aussi vif que s'il lui en coûtait beaucoup. Il y a dans cette oiseuse occupation un charme qu'on ne

sent que dans le plein calme des passions mais qui suffit seul alors pour rendre la vie heureuse et douce; mais sitôt qu'on y mêle un motif d'intérêt ou de vanité, soit pour remplir des places ou pour faire des livres, sitôt qu'on ne veut apprendre que pour instruire, qu'on n'herborise que pour devenir auteur ou professeur, tout ce doux charme s'évanouit, on ne voit plus dans les plantes que des instrumens de nos passions, <...>. De-là les haines, les jalousies, que la concurrence de célébrité excite chez les botanistes auteurs autant et plus que chez les autres savans. <...>

<...>Il me semble que sous les ombrages d'une forêt je suis oublié, libre et paisible comme si je n'avois plus d'ennemis ou que le feuillage des bois dût me garantir de leurs atteintes comme il les éloigne de mon souvenir, et je m'imagine dans ma bêtise qu'en ne pensant point à eux ils ne penseront point à moi. Je trouve une si grande douceur dans cette illusion que je m'y livrerois tout entier si ma situation, ma foiblesse et mes besoins me le permettaient. Plus la solitude où je vis alors est profonde, plus il faut que quelque objet en remplisse le vide, et ceux que mon imagination me refuse ou que ma mémoire repousse sont suppléés par les productions spontanées que la terre, non forcée par les hommes, offre à mes yeux de toutes parts. Le plaisir d'aller dans un désert chercher de nouvelles plantes couvre celui d'échapper à mes persécuteurs et, parvenu dans des lieux où je ne vois nulles traces d'hommes, je respire plus à mon aise comme dans un asile où leur haine ne me poursuit plus.

И в следующих далее описаниях ботанических экскурсий к горе Робела, по берегу Изера и др., во время которых автором было сделано множество настоящих открытий (речь идет об увиденных растениях, животных, услышанных звуках, смутных и противоречивых чувствах и ощущениях и т.п.), также находим большое количество подчеркиваний:

Je me rappellerai toute ma vie une herborisation que je fis un jour du côté de la Robailan, montagne du justicier Clerc. J'étois seul, je m'enfonçai dans les anfractuosités de la montagne, & de bois en bois, de roche en roche, je parvins à un réduit si caché que je n'ai vu de ma vie un aspect plus sauvage. De noirs sapins entremêlés de hêtres prodigieux dont plusieurs tombés de vieillesse & entrelacés les uns dans les autres

fermoient ce réduit de barrières impénétrables, quelques intervalles que laissoit cette sombre enceinte n'offroient au-delà que des roches coupées à pic & d'horribles précipices que je n'osais regarder qu'en me couchant sur le ventre. Le duc la chevêche & l'orfraie faisoient entendre leurs cris dans les fentes de la montagne, quelques petits oiseaux rares mais familiers tempéroient cependant l'horreur de cette solitude. Là je trouvai la Dentaire héptaphyllos, le Cyclamen, le Nidus avis, le grand Laserpitium & quelques autres plantes qui me charmerent & m'amuserent long-tems. Mais insensiblement dominé par la forte impression des objets, j'oubliai la botanique & les plantes, je m'assis sur des oreillers de Lycopodium & de mousses, & je me mis à rêver plus à mon aise en pensant que j'étois là dans un refuge ignoré de tout l'univers où les persécuteurs ne me déterroient pas. Un mouvement d'orgueil se mêla bientôt à cette rêverie. Je me comparois à ces grands voyageurs qui découvrent une île déserte, & je me disais avec complaisance : Sans doute je suis le premier mortel qui oit pénétré jusqu'ici ; je me regardais presque comme un autre Colomb. Tandis que je me pavanois dans cette idée, j'entendis peu loin de moi un certain cliquetis que je crus reconnoître ; j'écoute : le même bruit se répète & se multiplie. Surpris & curieux je me leve, je perce à travers un fourré de broussailles du côté d'où venoit le bruit, & dans une combe à vingt pas du lieu même où je croyois être parvenu le premier j'aperçois une manufacture de bas.

Je ne saurois exprimer l'agitation confuse & contradictoire que je sentis dans mon cœur à cette découverte. Mon premier mouvement fut un sentiment de joie de me retrouver parmi des humains où je m'étois cru totalement seul. Mais ce mouvement plus rapide que l'éclair, fit bientôt place à un sentiment douloureux plus durable, comme ne pouvant dans les antres mêmes des Alpes échapper aux cruelles mains des hommes, acharnés à me tourmenter. Car j'étois bien sûr qu'il n'y avoit peut-être pas deux hommes dans cette fabrique qui se fussent initiés dans le complot dont le prédicant Montmollin s'étoit fait le chef, & qui tiroit de plus loin ses premiers mobiles. Je me hâtai d'écarter cette triste idée & je finis par rire en moi-même & de ma vanité puérile & de la manière comique dont j'en avois été puni.

Mais en effet qui jamais eût dû s'attendre à trouver une manufacture dans un précipice! Il n'y que la Suisse au monde qui présente ce mélange de la nature sauvage & de l'industrie humaine. La Suisse entière n'est pour ainsi dire qu'une grande ville dont les rues, larges & longues plus que celle de Saint-Antoine, sont semées de forêts, coupées de montagnes, & dont les maisons éparses & isolées ne communiquent entre elles que par des jardins anglais. Je me rappelai à ce sujet une autre herborisation que du Peyrou, d'Escherny, le colonel Pury, le justicier Clerc & moi avions faite il y avoit quelque tems sur la montagne de Chasseron, du sommet de laquelle on découvre sept lacs. On nous dit qu'il n'y avoit qu'une seule maison sur cette montagne, & nous n'eussions sûrement pas deviné la profession de celui qui l'habitoit si l'on n'eût ajouté que c'étoit un libraire, & qui même faisoit fort bien ses affaires dans le pays. Il me semble qu'un seul fait de cette espèce fait mieux connoître la Suisse que toutes les descriptions des voyageurs.

En voici un autre de même nature ou à peu près qui ne fait pas moins connoître un peuple fort différent. Durant mon séjour à Grenoble je faisais souvent de petites herborisations hors de la ville avec le sieur Bovier avocat de ce pays-là, non pas qu'il aimât ni sût la botanique, mais parce que s'étant fait mon garde de la manche, il se faisoit, autant que la chose étoit possible, une loi de ne pas me quitter d'un pas. <...> Je vis sur ces arbrisseaux des fruits mûrs j'eus la curiosité d'en goûter et, leur trouvant une petite acidité très-agréable, je me mis à manger de ces grains pour me rafraîchir; le sieur Bovier se tenoit à côté de moi sans m'imiter & sans rien dire. Un de ses amis survint, qui me voyant picorer ces grains me dit: eh! monsieur, que faites-vous là? Ignorez-vous que ce fruit empoisonne? <...>

Je regardai le sieur Bovier & je lui dis: "Pourquoi donc ne m'avertissiez-vous pas? — Ah! monsieur me répondit-il d'un ton respectueux, je n'osais pas prendre cette liberté". Je me mis à rire de cette humilité dauphinoise, en discontinuant néanmoins ma petite collation. J'étois persuadé, comme je le suis encore, que toute production naturelle agréable au goût ne peut être nuisible au corps ou ne l'est du moins que par son excès. Cependant j'avoue que je m'écoutai un peu tout le reste de la journée: mais j'en fus quitte pour un peu d'inquiétude, je soupai très-bien,

dormis mieux, & me levai le matin en parfaite santé, après avoir avalé la veille quinze ou vingt grains de ce terrible Hippophage, qui empoisonne à très-petite dose, à ce que tout le monde me dit à Grenoble le lendemain. Cette aventure me parut si plaisante que je ne me la rappelle jamais sans rire de la singulière discrétion de M. l'avocat Bovier. Toutes mes courses de botanique, les diverses impressions du local, des objets qui m'ont frappé, les idées qu'il m'a fait naître, les incidents qui s'y sont mêlés, tout cela m'a laissé des impressions qui se renouvellent par l'aspect des plantes herborisées dans ces mêmes lieux. <...> je ne peux plus courir ces heureuses contrées je n'ai qu'à ouvrir mon herbier & bientôt il m'y transporte. <...> Cet herbier est pour moi un journal d'herborisations qui me les fait recommencer avec un nouveau charme & produit l'effet d'un optique qui les peindroit derechef à mes yeux.

C'est la chaîne des idées accessoires qui m'attache à la botanique. Elle rassemble & rappelle à mon imagination toutes les idées qui la flattent davantage.

Напротив этих фрагментов на полях тоже сделан ряд записей: dans les mélancolique, i.<dée> progress, i.<dée> figure, hour l'habitude, ce qu'on voit être affecté, philosophie, i.<dée> technique, i.<dée> primitive, i.<dée> modern, analogie, i.<dée> forte, au moment meme, s'est m'image и др.

Зарубежная литература XIX в. представлена в библиотеке Тюменцева несколькими изданиями, отражающими саму логику развития европейской словесности от 1810-х к 1880-м гг. Во-первых, это роман великого романтика В. Скотта «Эдинбургская темница, или Сердце средняго лотиана», написанный в 1818 г. и входящий в группу шотландских романов, рассказывающих об истории слияния Англии и Шотландии в объединенное королевство. Книга издана в Санкт-Петербурге в 1876 г. (типография В.П. Воленса). Этот перевод романа вышел спустя несколько десятилетий после первого перевода, выполненного А.П. Зонтаг (1825). Кроме 58 политипажей в тексте романа издание содержит гравюры двух картин.

Во-вторых, это роман одного из самых популярных в мире французских прозаиков периода позднего романтизма – А. Дюма-отца –

«Полина». Тюменцеву принадлежало прижизненное переводное издание этого сочинения, один из самых первых переводов Дюма на русский язык, выполненный Е. Байбузенковым. Книга отпечатана в Санкт-Петербургской типографии А. Сычева в 1839 г.

Кроме того, Тюменцев владел парижским изданием 1855 г. поэмы Г. Гейне «Германия» на французском языке: «De L'Allemagne par Henri Heine. Nouvelle édition. Entièrement revue et considérablement augmentée» (Tome premier – deuxième. Paris. Michel Lévy Frères, Éditeurs). Это было последнее прижизненное издание поэмы поэта, который умер в феврале 1856 г. в Париже. Открывается книга предисловием, перепечатанным из первого издания произведения, вышедшего в свет в 1835 г.

Отметим еще несколько изданий зарубежной литературы XIX в. на иностранных языках из библиотеки Тюменцева. Среди них 31-е издание сборника новелл Г. де Мопассана «Господин Паран» на французском языке (Monsieur Parent, первое издание – 1886 г.), оно вышло в Париже в 1899 г. в издательстве П. Оллендорфа (Librairie Paul Ollendorff). В сборник, кроме одноименной с его заглавием новеллы, вошли такие произведения французского писателя, как «A Vendre», «L'inconnue», «La confidence», «L'Épingle», «Solitude» и др. Тюменцев был владельцем и немецкого издания комедии, описывающей еврейскую среду столицы Германии, «Der junge Goldner» немецкого драматурга рубежа XIX–XX вв., последователя Г. Гауптмана – Г. Гиршфельда. Книга вышла в Берлине в 1901 г. в издательстве С. Фишера (S. Fischer Verlag)¹.

¹ Одним из ранних изданий XIX в. на иностранном языке, принадлежащих Тюменцеву, является знаменитый сборник сербских песен сербского филолога, собирателя сербского фольклора, доктора философии, члена Санкт-Петербургского Вольного общества любителей русской словесности и Краковского ученого общества Вука Стефановича Караджича – «Народне срpske пјесме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић» (книга вышла в двух томах в 1824 г. в лейпцигской типографии Брейткопфа и Эртла – «У Липисци, у штампарији Брејткопфа и Ертла»), с которым, как известно, работал как переводчик А.С. Пушкин. Книга содержит ряд читательских помет Тюменцева: в первой части знаками +, x, x–, а также подчеркиваниями отмечены заглавия нескольких песен: из первого раздела «Пјесме сватовске» помечена первая песня, из второго раздела «Пјесме краљичице» – 1, 9, 51, 56, 58, 60, 61, 75 и др., во второй части карандашом отчеркнуты стихи 52–57 из первой песни «Свечи благо дијеле».

Завершает подборку издание «новой драмы» 1882 г. «Враг народа (доктор Штокман)» Г. Ибсена – на русском языке. Книга вышла в московском издательстве «Труд» С.А. Скимунта и В.А. Крандиевского в 1901 г. Отпечатана она была в типо-литографии Товарищества И.Н. Кушнерев и К°. Одну из острейших в социальном отношении пьес Ибсена с центральным образом доктора Стокмана, добивающегося закрытия лечебных источников в родном городе, поскольку в них обнаружено загрязнение, с норвежского на русский язык перевела писательница, критик, историк, педагог, переводчица З.С. Иванова (литературный псевдоним Н. Мирович). Ее перу, кроме переводов, принадлежит ряд статей, в том числе и биографический очерк об Ибсене.

Русская классика представлена в библиотеке Г.К. Тюменцева более широко¹. В ней содержатся книги авторов XVIII–XIX вв. Среди них, например, «Сочинения М.В. Ломоносова в стихах», изданные А.Ф. Марксом в 1893 г. в качестве приложения к журналу «Нива». Книга вышла под редакцией известного библиографа, литературного критика, принадлежавшего к русской культурно-исторической школе, А.И. Введенского. Издание снабжено биографическим очерком, написанным Введенским, краткими примечаниями и портретом Ломоносова, гравированным на стали И.Ф. Дейнингером в Мюнхене. В книгу вошли духовные и похвальные оды писателя, послания, надписи, драматические сочинения: трагедии «Тамира и Селим», «Демофонт», героическая поэма «Петр Великий», ода «Разговор с Анакреонтом», сатирические стихотворения, переводные оды. Одним словом, она достаточно полно представляет ломоносовское литературное наследие во всем многообразии его жанров, тем и образов.

В книге имеется ряд читательских помет. Во-первых, в биографическом очерке на с. 13–15 отчеркнуто карандашом несколько абзацев, в которых подчеркнуты также и отдельные слова и словосочетания; на с. 14 на уровне строк-рассуждений о роли императриц Елизаветы и

¹ Здесь опускается разговор о сибирских и, в частности, томских авторах, издания сочинений которых имеются в библиотеке Тюменцева. Этому должно быть посвящено отдельное исследование.

Екатерины в жизни Ломоносова на полях поставлен вопросительный знак; напротив цитаты из Л. Эйлера, известного немецкого, швейцарского и российского математика и механика¹, на полях сделана запись: «Эйлер о М.Л.» Пометы свидетельствуют об интересе читателя к взглядам Ломоносова на вопрос о роли «иностранцев» в «русском просвещении» и к оценкам гения Ломоносова в России и за рубежом. Интерес вызвали также занятия Ломоносова «мозаическим делом». Приведем фрагменты с пометами:

С. 13–14. *Естественно, что Ломоносов, несмотря на долгое пребывание за границей оставшийся горячим патриотом, страстно стремившимся к насаждению и «приращению» науки в России, стал во враждебные отношения ко всем этим иностранцам, видя в них помеху, а не деятелей русского просвещения. И вся академическая жизнь его полна дрязг, препирательств и огорчений. Сам он был характера страстного, тяжелого и неуступчивого, притом пил неумеренно – и во многих случаях переходил за границы благоразумия и справедливости <...>*

К счастью для нашего отечества, все истинно русские люди, и между ними многие вельможи, с гордостью следили за деятельностью Ломоносова, талантами и ученостью далеко превосходившего академиков-иностранцев. Шуваловы, Воронцовы и другие были его друзьями, а со стороны императриц Елисаветы и потом Екатерины ему оказаны были милости, давшие ему независимое и почетное положение.

Между тем шла чередом его ученая и литературная деятельность; и в ней выразился с великою силою гений Ломоносова. Его рассуждения по естествознанию вызвали, напр., следующий отзыв знаменитого Эйлера: «Все сии диссертации не токмо хороши, но и весьма

¹ О научных контактах Ломоносова и Эйлера см.: Тюлина И.А., Панькина Н.М. Научные контакты Ломоносова по проблемам механики. URL: http://new.math.msu.su/Sites/demosite/Uploads/mvl_euler.docs1.pdf 6.04.2016; Ченакал В.Л. Эйлер и Ломоносов (к истории их научных связей) // Леонард Эйлер : сб. ст. в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академии наук СССР. М., 1958. С. 423–462.

превосходны, ибо он (Ломоносов) пишет о материях физических и химических весьма нужных, которые поныне не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что он учинил с таким успехом, что я совершенно уверен в справедливости его изъяснений. При сем случае г. Ломоносову должно отдать справедливость, что имеет превосходное дарование для изъяснения физических и химических явлений. Желать должно, чтобы и другие академии в состоянии были произвести такие откровения, какие показал г. Ломоносов.

С. 15 ...случайно заинтересовавшись мозаическим делом, исследует его и добивается учреждения значительно мозаической фабрики.

Во-вторых, с карандашом в руках была прочитана одна из лучших од Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года» из раздела «Оды похвальные». Основным читательским знаком является крестик (X). Им отмечены важнейшие характеристики явно идеализированного автором образа императрицы: ее сравнение с «светилом мира»; душа, что «тише зефира»¹, «и зрак прекраснее рая» (ст. 17, 20); миролюбивость (ст. 51). Кроме того, для читателя важным оказался образ Петра I, с которым в оде связываются строительство Петербурга, создание победоносного российского флота, развитие в России науки (ст. 65, 74, 80, 90, 104), а также идея преемственной связи между царствованием Елисаветы и ее великого отца (ст. 130, 150, 160). Судя по пометам, Тюменцева привлек и образ России, ее безграничных просторов, природных богатств, что открывает широчайшие перспективы для развития страны (ст. 160, 170, 180, 211). Не менее внимателен читатель к стройной композиции оды и ее поэтическому возвышенному стилю: в оде выделены пометами начало, ключевые строфы и концовка (словом «Заключение» отмечен 231-й стих: Тебе, о милости источник), а также словом «торжественные» помечены ст. 92, 113, 213, над словами «Марс» и «Нептун» в ст. 71 и 72 надписано: «война» и «море».

¹ В двух первых стихах оды о «возлюбленной тишине», составляющей «блаженство сел, градов ограду», вводящих в оду мотив «тишины», мира, подчеркнуты слова «возлюбленная» и «блаженство».

Также полно представлено творчество еще одного русского классика XVIII в. – Д.И. Фонвизина – в принадлежащем Тюменцеву издании 1893 г. «Сочинения Д.И. Фонвизина. Полное собрание оригинальных произведений», тоже подготовленном А.И. Введенским и изданным А.Ф. Марксом. Редактору принадлежит не только отбор произведений в книгу, но и биографический очерк о писателе. Книга украшена портретом Фонвизина, гравированным на стали Ф.А. Брокгаузом в Лейпциге. В составе раздела «Комедии» – первая комедия писателя «Корион», положивший начало жанру комедии нравов «Бригадир», комедия «Недоросль», о которой В.Г. Белинский писал, что с нее началась русская комедия, а также комедия в трех действиях «Выбор гувернера» и две незаконченные пьесы «Отрывок недоконченной комедии» и «Выбор наставника». Второй раздел книги («Стихотворения») представляет Фонвизина-поэта, третий («Статьи в прозе»), четвертый («Сочинения автобиографические»), пятый («Письма») – Фонвизина-прозаика, автора статей и рецензий, автобиографических сочинений (отрывки из дневника, духовное завещание) и писем (приведены письма к П.И. Панину, Я.И. Булгакову, О.П. Козодавлеву, к родным).

Судя по пометам, наибольший интерес читателя вызвали комедия «Недоросль» и один из ее главных образов, выразитель авторской позиции – Стародум. Пометы (карандашом и чернилами) начинаются с третьего действия, в котором этот герой выходит на сцену. «Галочкой» отмечен ряд его монологов: об отце как представителе эпохи Петра Великого, в духе идеалов которой был воспитан и Стародум («Отец мой воспитал меня по-тогдашнему», с. 74); о военной службе Стародума («поехал я немедленно, куда звала меня должность», с. 75); о богатстве, которое не стоит оставлять детям в наследство («Оставлять богатство детям! В голове нет», с. 78); о должности («Должность! А! мой друг! Как это слово у всех на языке», с. 93); о просвещенном монархе («Благодарение богу, что человечество найти защиту может!», с. 105); о благонравии («я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих – благонравие», с. 106). Отмечены и монологи и диалоги антагонистов Стародума:

отчеркнуты на полях одной и двумя прямыми диалог г-жи Простаковой с Еремеевной в явлении IV третьего действия («А ты разве девка, собачья ты дочь?», с. 80); диалог Правдина с Простаковой, радующейся прощению Стародума («Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям, своим людям», явление IV пятого действия, с. 108); «галочкой» отмечены диалог Митрофана, его матери и Цыфиркина в явлении VII третьего действия («Ну! Давай доску, гарнизонная крыса!», с. 85) и рассказ Скотинина о дядюшке Вавиле Фалалеиче (с. 102).

Несколько помет находим в «Вопросах Фонвизина и ответах сочинителя “Былей и небылиц”», представляющих яркий эпизод в истории журнала «Собеседник любителей русского слова», начатого по совету Екатерины II и выпускавшегося с июня 1783 г. по сентябрь 1784 г. Академией наук, руководимой Е.Р. Дашковой. В журнале печатались Я. Княжнин, С. Бобров, Д. Фонвизин, ясно видевшие недостатки екатерининского правления. Свои вопросы в третьем выпуске «Собеседника» Фонвизин задает автору «Былей и небылиц» – Екатерине II. Ответы на них недовольной дерзостью писателя императрицы были построены так, чтобы увести читателя от сути вопрошания. Как известно, в дальнейшем «Вопросы...» лишили Фонвизина возможности опубликовать свое пятитомное собрание сочинений. Приведем отмеченные Тюменцевым галочкой и подчеркиванием фрагменты:

С. 175.

2. Отчего многих добрых людей видим в отставке?

На 2. Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке.

3. Отчего все в долгах?

На 3. Оттого в долгах, что проживают более, нежели дохода имеют.

7. Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтоб поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их, не служа, гвардии унтер-офицерами?

На 7. Одно легче другого.

8. Отчего в наших беседах слушать нечего?

На 8. Оттого, что говорят небылицу.

9. Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?

На 9. Оттого, что на суде не изблечены.

12. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

На 12. Сие не ясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего.

14. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют и весьма большие?

На 14. Предки наши не все грамоте умели. NB. Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели.

Читательские пометы оставлены и еще в одном остросатирическом сочинении Фонвизина 1786 г. «Всеобщая придворная грамматика», написанном в форме учебника. В гл. 2 «О гласных и о частях речи» на с. 196–197 прямой линией на полях отчеркнуты следующие фрагменты:

Вопр. Что есть число?

Отв. Число у Двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда, сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

Вопр. Что есть придворный падеж?

Отв. Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся перед ними в винительном падеже; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно падежом дательным.

Вопр. Сколько у Двора глаголов?

Отв. Три: действительный, страдательный, а чаще всего отложительный.

Библиотеку русского интеллигента трудно представить без «Истории государства российского» Н.М. Карамзина. Тюменцев владел пятым изданием этого сочинения, выпущенным в Санкт-Петербурге

в 1844 г. И.Ф. Эйнерлингом, известным писателем-педагогом и издателем первой половины XIX в. Отпечатана книга в типографии Э. Праца. Издание состоит из 3 книг, содержащих в себе 12 томов. Оно снабжено полными примечаниями и украшено портретом Карамзина, гравированным Н.И. Уткиным по рисунку А.Г. Варнека. Книга первая содержит раскладную «Карту России IX века с окрестными странами». Кроме того, Тюменцев владел и приложением к этому изданию, названным «Ключ или алфавитный указатель к истории государства российского Н.М. Карамзина, составленный и ныне дополненный, исправленный и приспособленный к пятому ея изданию П. Строевым, и двадцать четыре составленные Карамзиным и Строевым родословныя таблицы князей российских». «Ключ» также был издан Эйнерлингом в Санкт-Петербурге, отпечатан в 1844 г. в той же типографии. Составленный, с одобрения Карамзина, русским историком, археографом и библиографом, академиком Санкт-Петербургской Академии наук П.М. Строевым, «Ключ» (впервые был издан в 1836 г.) представляет собой три указателя: имен, географических названий и «предметов примечательных», которые предназначены для облегчения работы с «Историей государства российского». Сам Строев писал, что в его книге заключаются «основания словарей: исторического, генеалогического, древнегеографического и проч. <...> Творение Карамзина я разлагаю, свожу, выясняю» (с. 1)¹.

Не менее показательны наличие в библиотеке Тюменцева издания комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», заложившей основание русской драматургии XIX в. Томский коллекционер владел подготовленным И.Д. Гарусовым «по счету сороковым, по содержанию первым полным изданием комедии, содержащим, при новой редакции текста, 129 нигде до сих пор не напечатанных стихов, все доселе известные варианты комедии, оценку всех изданий и рукописей “Горе от ума” и

¹ Единственное подчеркивание карандашом находим в первом томе на с. 5: «Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною гладкою и безлесною <...> Он за чудо рассказывает своим единоземцам, что зима продолжается там 8 месяцев <...>, что море Азовское замерзает, жители ездят на санях чрез неподвижную глубину его...»

буквально-точный текст рукописи, подаренной Грибоедовым Булгарину», – читаем на титульном листе книги. В этом издании Гарусову принадлежат редакция полного текста, примечания и объяснения. Книга подготовлена к печати в Санкт-Петербургском издательстве «Русская книжная торговля», отпечатана в типографии П.П. Меркульева в 1875 г.

И.Д. Гарусов, историк русской литературы, много лет изучавший комедию Грибоедова, в статье «От издателя» утверждает, что своим изданием он снимает вопрос о подлинности текста комедии, доказывая, что в «Булгаринской рукописи» Грибоедову принадлежит только одна подпись.

Это издание действительно заняло свое место в истории изучения вопроса о тексте «Горя от ума», остававшегося открытым вплоть до конца 1960-х гг. Он разрешился благодаря исследованиям Н.К. Пиксанова. В его статье «История текста “Горя от ума” и принципы настоящего издания», опубликованной в издании «Горя от ума» в серии «Литературные памятники», констатировался тот факт, что предыдущие издатели комедии либо не имели авторитетных рукописей, либо не смогли ими воспользоваться. Пиксанов называет четыре авторизованных текста «Горя от ума». Так называемый Булгаринский список, известный своей надписью на титульной странице «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828», сделанной накануне отъезда писателя на Восток¹, сыновья Булгарина представили для изучения Гарусову, который и воспроизвел ее в печати. Как считает Пиксанов, «И.Д. Гарусов в своем издании совершенно

¹ Н.К. Пиксанов так описывает эту рукопись: «Рукопись переписана одним четким канцелярским почерком чрезвычайно старательно. В тексте – ряд исправлений, отчасти позднейших, отчасти неизвестного происхождения; несколько поправок сделано почерком, похожим на почерк А.С. Грибоедова. Во всяком случае, уезжая на Восток с предчувствием близкой смерти и поручая Булгарину судьбу лучшего из своих творений, Грибоедов, конечно, просмотрел оставляемый им для сцены и для печати текст. В рукописи встречаются немногие ошибки переписчика, не замеченные Грибоедовым, но они самоочевидны и поэтому не опасны» (Пиксанов Н.К. История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // Грибоедов А.С. Горя от ума. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 389).

не оценил ее большого значения и дал большую веру другому списку, Лопухинскому, который фальсифицирует текст Грибоедовского шедевра. Нападки Гарусова и неблагоприятная репутация Ф. Булгарина укрепили в литературных кругах недоверие к Булгаринскому списку, а два других драгоценных источника – Музейный автограф¹ и Жандровская рукопись² – долгие годы оставались неизвестными³.

Тюменцев тщательно выправил опечатки в статьях Гарусова «Рукописи комедии “Горе от ума”» и «Печатные издания комедии “Горе от ума” по 1874 год» (с. 14, 37, 100, 102, 116, 121, 126, 144, 169, 183), а также отчеркнул волнистой, прямой (одинарной, двойной, тройной) линией или круглой скобкой на полях ряд крылатых выражений из комедии: «Певец зимой погоды летней» (с. 170), «И с криком требовал присяг, чтоб грамоте никто не знал и не учился?», «Когда ж по-странствуешь, воротисься домой, и дым Отечества нам сладок и приятен!» (с. 171), «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!» (с. 180), «Меня не худо бы спроситься, ведь я ей несколько сродни; по крайней мере искони отцом недаром называли» (с. 247), «Служить бы рад, прислуживаться тошно» (с. 248), «Вот уважать кого должны мы на безлюдья! Вот наши строгие ценители и судьи!» (с. 274), «Мундир! один мундир! он в прежнем их быту когда-то укрывал, расшитый и красивый, их слабодушие, рассудка нищету» (с. 275), «Когда в делах – я от веселий прячусь, когда дурачиться – дурачусь, а смешивать два эти ремесла есть тьма искусников, я не из их числа» (с. 356), «В мои лета не должно сметь свое суждение иметь» (отчеркнуто тремя прямыми; с. 358), «Несчастные! должны упреки несть от подражательниц модисткам? За то, что смели предпочесть оригиналы спискам?» (с. 371), «Да, мочи нет: мильон терзаний груди от друже-

¹ Представляет собой раннюю редакцию, серьезно переделанную впоследствии автором.

² См. подробнее о ней и о дальнейшей истории текстологии комедии Грибоедова: Пиксанов Н.К. История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания...; Он же. Творческая история «Горя от ума». М., 1971.

³ Пиксанов Н.К. История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания... С. 389–390.

ских тисков, ногам от шарканья, ушам от восклицаний, а пуще голове от всяких пустяков» (отмечено круглой скобкой; с. 404). Кроме того, прямой линией отчеркнуты фрагменты финального монолога Чацкого в третьем действии, во время которого все расходится играть в карты, вальсировать и не слушают оратора: это отрывок о французике из Бордо и заветное желанье героя, «чтоб истребил Господь нечистый этот дух пустого, рабского, слепого подражания; чтоб искру заронил Он в ком-нибудь с душой» (с. 405).

Русская поэзия золотого века представлена в библиотеке Тюменцева рядом книг. Чрезвычайно интересно, например, издание «Сочинения барона А.А. Дельвига», которое, думается, тоже неслучайно оказалось в библиотеке томского книголюба. Оно является ежемесячным приложением – за июль 1893 г. – к Санкт-Петербургскому журналу «Север», который начинал издаваться известным писателем рубежа XIX–XX вв., автором ряда романов В.С. Соловьевым и задумывался как литературно-художественный журнал «чисто русского, отечественного направления»¹, а с 1891 г. перешел к Е.А. Евдокимову, в типографии которого и была отпечатана данная книга. Она интересна прежде всего тем, что является первым посмертным изданием сочинений А.А. Дельвига. До этого в свет вышло только одно, прижизненное, издание «Стихотворения барона Дельвига» (СПб., 1829). А первое «Полное собрание стихотворений» поэта вышло в 1959 г. в серии «Библиотека поэта».

Подготовкой издания 1893 г., владельцем которого был Тюменцев, занимался Валериан Владимирович Майков, сын Владимира Николаевича Майкова и племянник Аполлона и Леонида Николаевичей Майковых, закончивший историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Вал.Вл. Майкова считают воспитанником и учеником пушкиниста, историка литературы, библиографа, академика Л.Н. Майкова. Работа Вал.Вл. Майкова над изданием сочинений Дельвига была направлена на то, чтобы представить в нем все наследие поэта. В издание вошли стихотворения, драматические

¹ Север. 1887. № 1. С. 2.

отрывки, прозаические сочинения (литературно-критические статьи) и более 30 писем писателя к Пушкину, Кюхельбекеру, Глинке, Баратынскому и др. Книга открывается биографическим очерком «Барон А.А. Дельвиг», написанным Вал.Вл. Майковым, в котором поэт рассматривается как представитель пушкинской плеяды, «верный последователь Пушкина и поборник того направления русской словесности, которое называется пушкинским периодом»¹.

В книжном собрании Тюменцева хранится и Полное собрание сочинений И.И. Козлова. Это было лучшее на то время, исправленное и значительно дополненное А.И. Введенским издание сочинений поэта-романтика. Оно вышло в Санкт-Петербургском издательстве А.Ф. Маркса в 1892 г., было украшено портретом Козлова, гравированным на стали Ф.А. Брокгаузом в Лейпциге, и содержало предисловие и биографический очерк о поэте, написанные Введенским. Как указано в предисловии, в его основе – подготовленное в 1840 г. В.А. Жуковским «с любовью и знанием дела»² первое посмертное издание лирики Козлова. Введенский, опираясь на помощь таких историков литературы, как Л.Н. Майков, В.И. Саитов, В.П. Ламбин, И.М. Болдакова, внес текстологическую правку и дополнил сборник стихотворениями, не вошедшими в издание Жуковского и в последовавшие за ним издания 1855, 1890–1891 гг., отыскав их «в старых журналах и альманахах»³. Следующее Полное собрание сочинений Козлова вышло в России только в 1960 г.

В книге оставлены интересные знаки внимания читателя к содержащимся в ней произведениям. Между страницами 30–31, на развороте, размещено известное послание Козлова «К другу В.А. Жуковскому (По возвращении его из путешествия)» – вложен засушенный букетик. Засушенные цветы вложены и между страницами 94–95, 152–153, 188–189: на этих разворотах начало «Невесты Абидосской», одного из самых известных переводов Козлова из Байрона, «вольное подражание Р. Бёрнсу» «Сельский субботний вечер в Шотландии»,

¹ Сочинения барона А.А. Дельвига. СПб., 1893. С. III.

² Полное собрание сочинений И.И. Козлова. СПб., 1892. С. 5.

³ Полное собрание сочинений И.И. Козлова...

послания «К А.А. Олениной (При посылке элегии к Тирзе)», «К Тирзе (А.А. Олениной)» и «К Тирзе (Из Байрона)» соответственно.

Творчество В.А. Жуковского представлено в библиотеке томского библиофила двумя томами из первого посмертного собрания сочинений писателя, опубликованного в Санкт-Петербурге в 1869 г. Это было шестое издание сочинений Жуковского, вышедшее с посвящением великому князю Александру Николаевичу, воспитаннику Жуковского. Отпечатано оно было в типографии Императорской академии наук, а подготовлено при содействии сына Жуковского Павла Васильевича почетным членом Петербургской академии наук К.С. Сербиновичем спустя 20 лет после выхода последнего прижизненного Собрания сочинений, изданием которого руководил сам Жуковский и которое не было полностью закончено при его жизни. В предисловии «От издателей» говорилось о назревшей потребности в новом издании сочинений поэта, поскольку тома предыдущего выпуска «нигде теперь нельзя найти»¹. Кроме того, Сербиновичу удалось дополнить издание, поскольку П.В. Жуковский открыл архив отца, который многие годы был опечатан по желанию родственников². Между тем Сербинович не претендовал на подготовку академического издания. Его целью являлось представить сочинения великого русского писателя «в виде, общедоступном для большинства читателей, с условиями необходимой исправности»³.

В библиотеке Тюменцева хранятся пятый и шестой тома данного Собрания сочинений Жуковского. Пятый том содержит один из самых известных переводов Жуковского – «Одиссею» Гомера, который поэт называл итогом своего поэтического творчества⁴. Это было вто-

¹ Сочинения В. Жуковского. 6-е изд. СПб., 1869. Т. 1. С. X.

² В частности, это Собрание сочинений Жуковского было дополнено текстом прижизненного издания «Ундины».

³ Сочинения В. Жуковского. 6-е изд. СПб., 1869. Т. 1. С. X.

⁴ В одном из писем Жуковского читаем: «Перевод “Одиссеи” <...> будет памятником, достойным отечества и который <...> хочу я оставить ему на своей могиле» (Сочинения В. Жуковского. 8-е изд. СПб., 1885. Т. 6. С. 430. См. об этом переводе подробно: Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2010. Т. VI. С. 406–459.

рое издание «Одиссеи» Жуковского, что и указывалось на шмуцтитуле. В нем перевод поэмы в первый и последний раз, если считать посмертные издания XIX в., был опубликован с учетом авторской воли – с посвящением великому князю Константину Николаевичу, которое, по мнению исследователя, «представляет определенный интерес как для творческой истории перевода “Одиссеи”, так и шире – для духовной биографии позднего Жуковского»¹. За этим посвящением стоит многолетняя история отношений поэта со вторым сыном Николая I, творческая история перевода «Одиссеи»². В книге находим две почтовые марки 2,5 × 2 см, обе погашены штемпелем «8 ноября 1900». Одна заложена сверху между с. 168–169 (конец шестой песни), другая – между с. 174–175 (начало седьмой песни). Кроме того, на с. 169 подчеркнут стих 274 «Я ж от людей порицанья избегнуть хочю и обидных / Толков; народ наш весьма злоязычен». Пометы свидетельствуют не только о том, что книга была прочитана владельцем, но и о его особом интересе к 6–7-й песням поэмы, а также они позволяют датировать чтение.

Шестой том, в отличие от пятого, представляет мало известного широкой читательской аудитории Жуковского-прозаика: довольно полный корпус литературно-критических статей писателя, опытов в жанре литературного путешествия, статей общественно-исторического, нравственно-философского и религиозного содержания, а также письма к великому князю Константину Николаевичу, П.А. Вяземскому, Н.В. Гоголю, А.С. Стурдзе. Здесь же приведены письма поэта к родным, касающиеся его семейной жизни с Е. Рейтерн. В качестве «Прибавления» к тому дано письмо духовника Жуковского священника Иоанна Базарова от 17/29 апреля 1852 г., описывающее последние дни жизни поэта. В этом же томе опубликован впервые составленный Сербиновичем «Хронологический указатель сочинений и переводов в прозе, напечатанных при жизни автора и в посмертном издании 1857 года» (с 1797 по 1850 г.).

¹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. VI. С. 436.

² Там же. С. 436–440.

Интерес читателя был проявлен к самой известной оригинальной повести «Марьиная роща». В книге отмечены описания внутреннего состояния, внешнего вида, образа жизни главных героев Услава, Марии, Рогдая, созданных Жуковским по законам сентименталистской эстетики и поэтики. Отчеркнут на поле книги кульминационный момент «Марьиной рощи» – сцена, в которой Рогдай предлагает Марии все свои сокровища в обмен на ее сердце, которое уже принадлежит Усладу. Выделена и фантастическая сцена явления Усладу призрака Марии. Читательское внимание обращают на себя пейзажные зарисовки повести.

Кроме того, в шестом томе Собрания сочинений Жуковского, на с. 186, отчеркнут фрагмент в статье «Отрывки из письма о переводе “Одиссеи”», являющейся, в свою очередь, фрагментами из письма Жуковского А.П. Елагиной от 5 (17) декабря 1844 г.: «Чтоб говорить Вам без всяких картинностей, одиннадцать песен Одиссеи готовы; я переводом доволен, он кажется мне простее всех существующих».

Интересно отметить наличие в библиотеке Тюменцева и издания еще одной «лебединой песни» Жуковского – поэмы «Странствующий жид», подготовленной к публикации со сверкой по рукописи известным библиографом, членом-корреспондентом II Отделения Академии наук С.И. Пономаревым и изданной в Санкт-Петербурге в 1885 г. (отпечатано в типографии Императорской академии наук). Эта поэма, не законченная автором и не имевшая прижизненных публикаций, как указывают исследователи, породила множество проблем, начиная от установления ее заглавия, имевшего несколько вариантов: «Агасфер. Вечный жид», «Странствующий жид», «Агасфер. Странствующий жид». Впервые с точным названием, выражающим последнюю волю Жуковского, произведение опубликовал С.И. Пономарев. Он же сделал новый шаг в решение вопроса о количестве стихов, входящих в текст поэмы, который в процессе перебеливания сократился почти на 30 стихов, так что, как установлено Д.В. Долгушиным, в посмертном 10-м томе последнего прижизненного собрания сочинений Жуковского текст оказался опубликованным «с большим количеством серьезных отклонений от рукописи поэта, грубых переделок текста, что

затем вошло в следующее», шестое издание сочинений Жуковского¹. Попытки восстановить авторский текст поэмы предпринял П.А. Ефремов, редактор седьмого издания сочинений поэта, насчитавший более 80 искажений, допущенных предыдущим редактором Д.Н. Блудовым. Пономарев, готовящий поэму к печати по рукописям, во многих случаях уточнил ее текст, хотя и он позволил себе «поправить» авторский текст «Странствующего жида»².

Обратим внимание и на издание «Стихотворения» одного из младших современников Жуковского – А.С. Хомякова, вышедшее в московской «Университетской типографии» в 1888 г. Это – четвертое издание сборника, опубликованного через полгода после смерти поэта в 1861 г., наиболее полной на то время публикации лирики поэта-славянофила, известного русского религиозного философа. В книгу вошли почти все его стихотворения 1826–1859 гг., отличающиеся широкой тематической палитрой: природа, любовь, патриотические чувства, религиозно-философские проблемы. Композиция книги, выстроенная в соответствии с хронологическим принципом, позволяет увидеть поэзию Хомякова в эволюции.

Значком «V» читателем отмечены на уровне строки с заглавием следующие стихотворения: «Думы» (1831), «Иностранке (А.О. Россети)» (1832), «Жаворонок, Орел и Поэт» (1832), «Вдохновение» (1832) и «Ключ» (1835) (с. 43, 42, 46, 48, 57).

Издание сочинений писательницы и переводчицы, хозяйки известного московского салона Е.П. Ростопчиной из библиотеки Тюменцева также крайне интересно, так как оно запечатлело одну из страниц особого «раздела» в истории русской культуры – творчества русских женщин XIX в. Книга вышла под заглавием «Поэмы, повести, рассказы и новейшие мелкия стихотворения графини Е.П. Ростопчиной» в Санкт-Петербургской печати В.И. Головина в 1866 г. Она делится на два раздела. Первый – «Поэмы, повести и рассказы в стихах» – содержит такие лиро-эпические произведения, как «Любовь в Испа-

¹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2009. Т. IV. С. 541.

² Там же. С. 535–554, 587–599.

нии (романсеро)), «Уроки жизни, рассказы из воспоминаний», «Му home», «Монахиня, историческая сцена», «Бальная сцена, отрывок из романа», «Донна Мария Колонна-Манчини», «Версальские ночи в 1847 году». Раздел «Новейшие мелкие стихотворения» включает в себя 23 произведения, принадлежащих к позднему периоду творчества писательницы («Судьба современных художников», «В майское утро», «В лунную ночь», «Портрет с натуры» и др.)¹.

В коллекцию изданий русской художественной литературы первой половины XIX в. Тюменцева входит немало изданий русской прозы. Так, например, он владел первым томом Полного собрания сочинений Фаддея Булгарина – нового, сжатого (компактного) издания, исправленного и умноженного, с портретом автора и снимком с его почерка», изданного в семи томах в Санкт-Петербурге в 1839–1844 гг. в типографии Н.И. Греча. Первый том представляет собой прижизненное издание романа «Иван Выжигин», ставшего не просто первым русским романом, но первым русским бестселлером², в котором активно использовалась поэтика западноевропейского плутовского романа. Неслучайно отрывки из будущего романа были опубликованы в «Северном архиве» в 1825–1827 гг. с подзаголовком «Русский Жиль Блаз», намекающим на связь со знаменитым романом французского сатирика А.-Р. Лесажа. Отдельное издание романа вышло в 1829 г. уже с другим подзаголовком: «Нравственно-сатирический роман». С этим же подзаголовком роман опубликован и в составе Полного собрания сочинений Булгарина 1839–1844 гг. В книге множество помет – отчеркиваний, подчеркиваний, значков «X», «V», записей, сделанных красным, простым карандашом, чернилами, особенно в первых 24 главах, что, безусловно, следует изучить специально.

Тюменцев владел и несколькими томами сочинений И.И. Лажечникова, также стоявшего у истоков русского романа, являвшегося зачинателем русского исторического романа. В коллекции Тюменцева –

¹ В книге имеются пометы, однако вопрос об их авторстве следует изучить дополнительно.

² См. об этом подробнее: Лебланк Р. «Русский Жилблаз» Фаддея Булгарина // Новое литературное обозрение. 1999. № 40.

шестой том собрания сочинений писателя, вышедшего при его жизни, в 1858 г., в Санкт-Петербургском издательстве П.И. Крашенинникова, в восьми томах, отпечатанного в типографии Я. Трея. Том содержит третью и четвертую части третьего по счету романа Лажечникова «Басурман», опубликованного впервые в 1838 г. и сразу высоко оцененного В.Г. Белинским, который писал следующее: «В этом романе автор вышел на совершенно новое для себя поприще, вступил в состязание с г. Загоскиным как автором “Юрия Милославского” и г. Полевым как автором “Клятвы при гробе господнем”... Для двух первых своих романов г. Лажечников взял содержание из эпохи, начатой Петром; в третьем он решился перенестись своим воображением дальше и глубже, в эпоху, где вся надежда на одну фантазию, где собственное свидетельство или рассказы отца, деда – невозможны. <...> Изобразить в романе Россию при Иоанне III совсем не то, что изобразить ее в истории: долг романиста заглянуть в частную, домашнюю жизнь народа, показать, как в эту эпоху он и думал, и чувствовал, и пил, и ел, и спал. А какие у нас для этого факты... Где литература, где мемуары того времени?... Остаются летописи – но с ними далеко не уедешь, потому что они факты для истории, а не для романа. Но для художника достаточно одного факта, одного намека, чтобы живо представить себе полную картину жизни народа в известную эпоху». И далее, делая замечания автору по поводу сюжета и главного героя, критик с особой силой подчеркивает «лучшую сторону в романе – историческую» и созданный писателем образ Иоанна III: «Самая лучшая сторона в романе – историческая, а самое лучшее лицо – Иоанн III. Душа отдыхает и оживает, когда выходит на сцену этот могучий человек, с его гениальною мыслию, его железным характером, непреклонною волею, электрическим взором, от которого слабонервные женщины падали в обморок... В нем мы снова увидели сильный талант г. Лажечникова. Он глубоко верно понял идею Иоанна и верно очертил его характер <...> Таким-то везде является у г. Лажечникова Иоанн III: ум глубокий, характер железный, но все это в формах простых и грубых. Кроме того, описания приема послов, казней, политических операций Иоанна, разных русских обычаев того време-

ни составляют одну из блестящих сторон нового романа. Поэтических мест много; интерес везде поддержан»¹. Третья часть и первая глава четвертой пестрят читательскими пометами, требующими отдельного внимания.

Кроме того, в книжном собрании Тюменцева находятся 3 тома – первый, пятый и шестой – из Полного собрания сочинений писателя, изданного в 1899 г. Товариществом М.О. Вольф. Первый открывается критико-биографическим очерком С.А. Венгерова и содержит повести и статьи Лажечникова («Беленькие, черненькие и серенькие», «Новобранец 1812 года», «Знакомство мое с Пушкиным», «Некоторые поверья мордвы», «Отрывок из романа “Колдун на Сухаревой башне”» и др.), в пятом и шестом томах публикуется исторический роман «Последний Новик», впервые опубликованный в 1831–1833 г. и рассказывающий о прибалтийской кампании 1701–1703 гг., которая велась в ходе Северной войны между Россией и Швецией. В первых двух частях этого романа (т.е. в т. 5) находим множество помет владельца книги, также заслуживающих специального изучения.

Упомянутый Белинским роман Н.А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем», первый исторический роман автора, с которым, по словам критика, Лажечников вступил в «соствязание», также имеется в библиотеке Тюменцева. Издание романа Полевого из библиотеки Тюменцева представляет собой первый том «Сочинений» Полевого, подготовленных А.А. Петровичем и отпечатанных в московской типо-литографии Товарищества И.Н. Кушнеров и К^о в 1903 г. Первым изданием роман вышел в 1832 г., издание 1903 г. было четвертым после него.

В основе романа Полевого – события, происходившие между 1433 и 1441 г., связанные с борьбой между Василием Васильевичем (внуком Дмитрия Донского) и Юрием Дмитриевичем (братом Дмитрия Донского) за Великокняжеский престол. Полевой привлекает в повествование очень широкий исторический контекст, усиливая тем самым эпический потенциал произведения. Особенностью романа,

¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 3. С. 18–19, 21.

жанр которого сам автор определяет как «русская быль», является синтез исторического материала и романной интриги, в связи с чем современник Полевого А.А. Бестужев-Марлинский, также писавший в жанре исторической повести, отзываясь о романе «Клятва при Гробе Господнем» следующим образом: «Ему вспало на ум: досказать русскую историю – повестью... так сказать, показать подбой княжеской мантии, распоясать крестьянина, растворить ум и сердце русского народа и застать там причину событий в едва заметном зерне»¹.

Художественное воспроизведение исторического события у самого Марлинского тоже было основано на истолковании авторской позиции, а не на изучении подлинных исторических причинно-следственных связей. Поэтому, положительно отзываясь о романе Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем», А. Бестужев писал ему: «Пусть другие роются в летописях, пытая их, *было ли так, могло ли быть так* во времена Шемяки? Я уверен, я убежден, что оно так было... в этом порукой мое русское сердце, мое воображение, в котором старина наша давно жила такою, как ожила у вас. К чему ж послужила бы поэзия, если б она не воссоздавала минувшего, не угадывала будущего, если б она не творила, но всегда по образу и по подобию истины!» (письмо Н. Полевому от 25 июня 1832 г.)².

Тюменцев владел и третьим томом четвертого издания Второго полного собрания сочинений А.А. Бестужева-Марлинского (части VII, VIII и IX). Оно вышло в санкт-петербургской типографии Министерства государственных имуществ в 1847 г. В томе, разносторонне представляющем наследие Марлинского в жанре повести, напечатаны такие исторические произведения писателя, как «Роман и Ольга», «Изменник», связанные с идеологией декабристов, военные повести «Вечер на бивуаке» и «Второй вечер на бивуаке», так называемые кавказские повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году», «Следствие вечера на Кавказских водах», «Мулла-Нур», а также постдекабристские сочинения «Фрегат Надежда» и «Мореход Никитин» с обра-

¹ Марлинский А.А. Клятва при Гробе Господнем. Русская быль XV века. Сочинения Н. Полевого. М., 1832 // Московский телеграф. 1833. № 16. С. 547.

² Русский вестник. 1861. Т. 32, № 3. С. 328.

зом положительного героя в центре. О проявленном интересе Тюменцева к кавказским и военным повестям Марлинского свидетельствует множество помет, изучение которых также выходит за рамки данного раздела.

Художественная литература второй половины XIX в., традиционно считающаяся периодом расцвета русской прозы, в библиотеке томского коллекционера, вероятно, отражая его личные интересы и пристрастия, представлена прежде всего несколькими изданиями русской поэзии. Так, в ней хранится третий, последний, том четвертого издания исправленного и дополненного автором первого Полного собрания сочинений А.Н. Майкова. Это издание выпущено А.Ф. Марксом в Санкт-Петербурге в 1884 г. В том вошли поэмы Майкова, его стихи начала 1880-х гг., а также прозаические сочинения. В книге фигурной скобкой отмечены две последние строфы стихотворения «Для них свобода – что виденье...», вошедшего в раздел «Из дневника», на полях за скобкой написано слово «свобода» (с. 108). На с. 257, в авторском предисловии к трагедии «Два мира», где он говорит о ее творческой истории и называет ее «предшественницу» – поэму «Олинф и Эсфирь», в которой была сделана первая попытка изобразить поразившую еще в юности «картину столкновения древнего греко-римского мира <...> с миром христианским», подчеркнуто название поэмы.

Тюменцеву принадлежал также первый том первого трехтомного издания сочинений известного поэта второй половины XIX в., вошедшего в историю литературы прежде всего своими юмористическими и сатирическими стихотворениями, а также переводами, Б.Н. Алмазова. Издание выпущено московской «Университетской типографией» в 1892 г. Первый том сочинений Алмазова украшен его портретом, гравированным на стали Ф.А. Брокгаузом, снабжен кратким биографическим очерком. В предисловии «Об издании» говорится, что первые его два тома «можно считать за полное собрание стихотворений» поэта, «так как они заключают в себе приблизительно все, что было им написано в стихах»¹.

¹ Сочинения Б.Н. Алмазова : в 3 т. М., 1892. Т. 1. С. 11.

Действительно, издание довольно полно представляло стихотворное творчество Алмазова, активного члена «молодой» редакции «Москвитянина», затем печатавшегося в «Библиотеке для чтения», «Русском вестнике», в юмористических журналах «Развлечение», «Зритель», «Искра» и др. Так, первый том содержит оригинальную и переводную лирику (главным образом «подражания» Гомеру, Ф. Шиллеру, В. Гете, А. Шенье, А. де Мюссе). В книгу вошли также выполненный Алмазовым первый русский перевод средневековой французской героической поэмы «Песни о Роланде», сопровождавшийся статьей и примечаниями переводчика, а также поэмы «Покаяние», «Сатирик», «Цезарь», «Истина», «Отшельник» и др.

Обратим внимание на издание сочинений еще одного русского поэта второй половины XIX в. – «Сочинения Я.П. Полонского». Это – первый том многотомного издания, предпринятого Санкт-Петербургским книгопродавцом-типографом М.О. Вольфом (1869–1874). Он вышел в свет в 1869 г. и содержит стихотворные и прозаические произведения писателя. По словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, откликнувшегося на выпуск первых двух томов, Полонский являлся «писателем второстепенным и несамостоятельным», берущим «дань со всех литературных школ», и был к этому времени «очень мало известен публике»¹. Действительно, к концу 1860-х гг. было опубликовано несколько небольших стихотворных сборников поэта, ряд из них в провинциальных городах (Одессе, Тифлисе), несколько оттисков отдельных его стихотворений, драма «Дареджана Имеритинская» (1852), «Кузнечик-музыкант. Шутка в виде поэмы» (1859) и первый прозаический сборник «Рассказы Я.П. Полонского» (1859). Так что данное собрание сочинений Полонского можно называть первым прижизненным.

Именно оно, в частности его первый и второй тома, дало повод полемике, развернувшейся вокруг творчества Полонского и шире – русской поэзии второй половины XIX в. В ответ на довольно резкую оценку стихотворений Полонского, данную Салтыковым-Щедриным

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. М., 1937. Т. VIII. С. 373.

в «Отечественных записках» в связи с выходом в свет первых двух томов его собрания сочинений, И.С. Тургенев написал письмо-протест в редакцию «Санктпетербургских ведомостей», в котором он не только писал о «недобросовестной критике», встречающей творчество Полонского «одним лишь глухим молчанием или гаерскими завываниями, свистом и кривляньями», но и давал отрицательные характеристики поэзии Некрасова, в угоду которому, как считал Тургенев, Салтыков-Щедрин резко высказался о Полонском¹. Год спустя полемику продолжил Н.Н. Страхов, выводя ее на проблему «вражды» некрасовских журналов «ко всякой поэзии, кроме той, которою занимается г. Некрасов» (стр. 129). Полонского Страхов называет «настоящим, прирожденным поэтом», не принадлежащим к какому-либо направлению, что, по его мнению, не может быть равно определению «плохой» поэт². В книге Тюменцева имеются многочисленные размытые записи чернилами, сделанные прямо по тексту произведений, что не характерно для библиофила. Установить их содержание и авторство не представляется возможным.

В библиотеке Тюменцева хранится Полное собрание сочинений русского поэта Н.Ф. Щербины, напечатанное в Санкт-Петербургской типографии Министерства путей сообщения (А. Бенке) в 1873 г. Грек по матери, Щербина вошел в русскую литературу главным образом как автор антологических стихотворений из древнегреческой жизни. Сочинения поэта до 1873 г. выходили трижды, в 1850-е гг.: «Греческие стихотворения» (1850), «Новые греческие стихотворения» (1851) и «Стихотворения» (1857). Первое Полное собрание сочинений, которым и владел Тюменцев, вышло только в 1873 г. Произведения в нем распределены по следующим жанрово-тематическим разделам: «Стихотворения», «Новогреческия мелодии», «Песни о природе», «Ямбы и элегии», «Песни Русского на чужбине», «Эпиграммы», «Сонник Русской Литературы», «Доморощенные наброски русского ленивца и ипохондрика у себя и заграницей» и «Сатирическая летопись. 1841–1869 гг.».

¹ Санктпетербургские ведомости. 1870. № 8 (от 8 января).

² Заря. 1870. № 9. С. 129 второй пагинации и 147.

Наконец, обратимся к еще одному изданию – первому тому второго трехтомного издания «Стихотворения 1881–1889 гг.» С.Г. Фруга¹, популярного русского и еврейского поэта рубежа XIX–XX вв., открывшего еврейскую тему в русской литературе, создавшего национальный еврейский эпос в русскоязычных поэмах и балладах. Фруг писал свои лирические произведения в русле поэтики А.Н. Апухтина, С.Я. Надсона, органично вписываясь с русский литературный процесс своего времени. Книга вышла в Санкт-Петербургской типолитографии А.Е. Ландау в 1890 г. В первом томе издания выделено несколько разделов: «На библейские темы», «Легенды и сказания», «Элегии», «Листки из дневника», в них вошло чуть более 70 стихотворений, и «Поэмы», в который включены такие произведения, как «Дочь Иефея», «Последний бой», «Диспут», «Последнее свидание», «Смерть Саула» и др.

Классическая русская проза второй половины XIX в. представлена в библиотеке Тюменцева только первыми двумя томами второго, исправленного и дополненного, издания Полного собрания сочинений писателя-разночинца Н.Г. Помяловского, выпущенного книгопродавцом С.В. Звонаревым в Санкт-Петербурге в 1868 г. и отпечатанного в типографии К. Вульфа. Первый том, украшенный портретом писателя, открывался биографическим очерком «Николай Герасимович Помяловский», написанным этнографом, писателем Н.А. Благовещенским, и включал в себя дебютный очерк писателя «Вукол» и самые известные повести Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов», складывающиеся в дилогию о разночинце Егоре Ивановиче Молотове. В биографическом очерке на с. XVI знаком «X» отмечен перечень ранних сочинений, написанных Помяловским для «Семинарского листка», но не опубликованных там в связи с его закрытием. Выше, на с. VI–VII, таким же значком отмечен абзац об «Очерках бурсы»:

¹ Об издании сочувственно отзывался литературный критик и историк русской литературы А.М. Скабичевский в своей книге «История новейшей русской литературы (1848–1890)», вышедшей в 1891 г. Фруг назван в ней «одним из самых симпатичных, искренних и, главное дело, истинных поэтов» (Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб., 1891. С. 518).

В своих «Очерках бурсы» Помяловский первый с такою силою и беспощадностью раскрыл перед глазами общества ту глубокую педагогическую язву, в которой образуются бурсаки. Элегантное общество с содроганием отвернулось от этих картин и не хотело верить, что в наше время могут происходить такие безобразия, но бурсаки сразу узнали свое родимое гнездышко и от души сказали писателю «спасибо» <...>. Помяловский в своих очерках успел описать только времена кулачного права <...>. Это был еще дикий, не сложившийся в определенные формы хаос, из которого потом постепенно выработывалось товарищество, а в этом товариществе, в этой ассоциации умов, с целью бороться против устаревшей формы воспитания, и сказалась впоследствии сила, которая многих удержала от погибели. Эту-то силу и думал потом обрисовать покойный, думал разъяснить ее спасительное значение и первые признаки ее указал в пятом очерке «Переходное время бурсы».

Второй том как раз и содержал «Очерки бурсы» и ряд неоконченных сочинений Помяловского, но пометы в томе отсутствуют.

Что касается драматургии второй половины XIX в., то и она представлена в библиотеке Тюменцева не традиционными именами классиков, а третьим томом «Сочинений» русского драматурга, потомка Богдана Хмельницкого, Н.И. Хмельницкого, выпущенных А.Ф. Смирдиным и отпечатанных в Санкт-Петербургской типографии К. Крайя в 1849 г. (в рамках серии «Полное собрание сочинений русских авторов»). Хмельницкий, автор так называемых «светских комедий», в основном переводов и переделок пьес французских драматургов второго ряда, имел успех в театральной жизни северной столицы, но он не был озабочен публикацией своих произведений.

Собственно издание, которым владел Тюменцев, является второй их публикацией, после издания 1829–1830 гг. «Театр Николая Хмельницкого», вышедшего в Санкт-Петербурге в двух томах. В третьем томе «Сочинений» Н.И. Хмельницкого, которым владел Тюменцев, опубликованы историческая комедия из времен Петра I «Царское Слово, или Сватовство Румянцева», историческая драма «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Присоединение Малороссии», оригиналь-

ная комедия-водевиль «Обер-Кухмейстер Фельтен», одноактные оперы-водевили «Новая шалость, или Театральное сражение», «Новый Парис», отрывки из комедии «Арзамасские гуси», «Отрывки из поморских очерков» и «поморский рассказ» «Мундир».

Очень показателен интерес Тюменцева не только к художественной литературе как таковой, но и к литературной критике. Кроме упомянутых выше статей и рецензий русских писателей – Державина, Дельвига, Жуковского и др., в библиотеке коллекционера имеются два тома сочинений Н.А. Добролюбова, классика русской литературной критики. Это – второй том первого издания сочинений критика, который при жизни печатался только в журналах. «Молодой критик не мог рассчитывать... на то, что цензура разрешила бы объединить в отдельном издании, в масштабах целенаправленных, сборника боевых публицистических статей, все те специальные литературно-критические разборы, которые по частям из месяца в месяц проходили в печать, и небольшие рецензии и попутные сатирические заметки в прозе и стихах, появлявшиеся на страницах “Современника”. <...> Безнадежность подобной издательской операции должен был хорошо понимать и Добролюбов», – писал Ю.Г. Оксман¹. Первое собрание сочинений критика было издано по инициативе Н.Г. Чернышевского и под его редакцией, отпечатано в Санкт-Петербургской типографии И. Огризко в 1862 г. Чернышевский не только собрал, систематизировал, но и проверил журнальные публикации Добролюбова по автографам и типографским гранкам.

Собрание сочинений Добролюбова было задумано Чернышевским в пяти томах, но в июле 1862 г. Чернышевский был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а через три недели, пишет Ю.Г. Оксман, «был спешно проведен через цензуру четвертый том сочинений Добролюбова, на котором это издание и оборвалось»².

¹ Оксман Ю.Г. Старые и новые собрания сочинений Н.А. Добролюбова. Критический обзор основных изданий за сто лет // Добролюбов Н.А. Избранные литературно-критические статьи. М., 1970. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0110.shtml

² Там же.

Несмотря на то, что издание Чернышевского было далеко не полным, Оксман писал нем: «Едва ли будет большим преувеличением утверждать, что “во весь голос” Добролюбов впервые заговорил лишь в посмертном издании своих произведений, что подлинно революционное звучание его статьи получили только после того, как в редакциях, освобожденных от цензурных усечений, они были объединены в четырехтомнике, выпущенном в свет Чернышевским в 1862 г.»¹ Именно это издание оказало мощное влияние не на одно поколение русских читателей, поскольку другие издания сочинений Добролюбова не разрешались его наследниками. Оно переиздавалось шесть раз (в 1871, 1876, 1886, 1896, 1902 и 1908 гг.), без изменения содержания, установленного Чернышевским. В 1884 г. все издания сочинений Добролюбова, как известно, были изъяты из общественных библиотек (вплоть до 1905 г.). И новые издания сочинений Добролюбова вышли только к пятидесятилетию со дня смерти критика, в 1911–1912 гг.

Во второй том собрания сочинений, открывающийся, как и остальные три, эпиграфом из стихотворения Добролюбова, написанного незадолго до смерти: «Милый друг, я умираю, / Оттого, что был я честен; / Но за то родному краю / Верно буду я известен. / Милый друг, я умираю, / Но спокоен я душою... / И тебя благословляю: / Шествуй тою же стезею», – вошли статьи-рецензии конца 1850-х гг. В оглавлении карандашом подчеркнуты следующие заглавия: Николай Владимирович Станкевич (Переписка и биография его, написанная П.В. Анненковым. М., 1858), «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью (Органическое воспитание, соч. Шнелля. – Книга о здоровом и больном человеке Бока)», «Френология, соч. М. Волкова», «Об истинности понятий и достоверности человеческих знаний, соч. А. Кусакова», «Первые годы царствования Петра Великого (“История царствования Петра Великого” Н. Устрялова)», «О нравственной стихии в поэзии, сочин. Ореста Миллера», «Буддизм, его догматы, история

¹ Оксман Ю.Г. Старые и новые собрания сочинений Н.А. Добролюбова...

и литература, сочин. В. Васильева), «Литературные мелочи прошлого года», «История русской словесности. Лекции Степана Шевырева», «О разных сочинениях С. Аксакова», «Сочинения Белинского» и «Что такое обломовщина» (последняя отмечена еще и значком «Х»).

Из второго издания сочинений Добролюбова, вышедшего в 1871 г. в Санкт-Петербургской типографии Н. Неклюдова «без перемены», в библиотеке Тюменцева находим четвертый том, в который вошли поздние статьи «По поводу одной очень обыкновенной истории», «Роберт Овэн и его попытки общественных реформ», «Любопытный пассаж в истории русской словесности» и др., а также «лирические пьесы», заглавие одной из них – «Ты меня полюбила так нежно» – подчеркнуто (с. VIII).

Тюменцев владел и вторым изданием сочинений брата Ап.Н. Майкова, литературного критика и публициста Вал.Н. Майкова, изданного в двух томах Б.К. Фуксом в 1901 г. и отпечатанного в киевской типографии Р.К. Лубковского. Первый том содержал критические статьи автора, второй – два раздела: «Научные статьи» и «Библиография». Издание украшено портретом Майкова и сопровождается предисловием Б.К. Фукса, в котором дается высокая оценка критических работ Майкова, «с достоинством занявшего место Белинского в “Отечественных записках”»¹, и вступительной статьей литературоведа Г.В. Александровского «Валериан Майков и его литературная деятельность». Многочисленные читательские пометы, авторство которых еще предстоит установить, находим в статьях «А.В. Кольцов», «Вальтер Скотт. – М. Загоскин», «Н.В. Гоголь» (ч. III), «Нечто о русской литературе в 1846 году», «И.С. Тургенев. Разговор. Стихотворение Ив. Тургенева. СПб., 1845» и «А.Н. Плещеев. Стихотворения А.Н. Плещеева 1845–1846. СПб., 1846».

Наконец, назовем еще одну книгу, точнее конволют из библиотеки Тюменцева – «Очерки по истории русской цензуры», включающий в себя оттиски ряда статей А.М. Скабичевского из журнала «Отече-

¹ Сочинения В.Н. Майкова. Киев, 1901. Т. 1. С. III.

ственные записки» за 1882–1884 гг.¹ Внимание читателя привлекли очерки XXXVII и XXXIX. В первом, на с. 205 на нижнем поле под абзацем, где речь идет о запрете перевода Нового Завета, изданного Библейским обществом с двумя параллельными текстами – церковнославянским и русским, из-за «революционной тенденции одного места», обнаруженного цензурой в переводе ст. 21 в первом «Послании к Коринфянам» и приведенного дословно Скабичевским, имеется запись: «Совершенно верный перевод: по-польски “скорее свободой пользуйся”. А в следующем стихе: “За дорого куплен: не будьте же рабами человек”. 1 к Кор. VII». В XXXIX очерке речь идет о Полежаеве и его поэме «Сашка», на которую также обрушилась цензура и которую Скабичевский называет «пародией на “Евгения Онегина”» и «оппозицией против Магницких и Рудничей», которые продолжили цензурный кодекс Шишкова (с. 91). Ниже приводится еще один пример цензурной политики, проводившейся в соответствии с Уставом 1828 г., – «Литературная газета» Дельвига, «чуждая каких бы то ни было политических тенденций и вполне оправдывавшая свое название <...>, в ней ... участвовали все ... почтенные и несомненно благонамеренные корифеи русской литературы <...>. Но газета имела несчастье соперничать и полемизировать с “Северной пчелою” Греча и Булгарина, а последние к этому времени успели уже втереться в доверенность к гр. Бенкендорфу» (с. 102). В отрывке о «Московском телеграфе» Полевого, боровшегося с «Вестником Европы» в лице Каченовского, имеется подчеркивание в характеристике «свежих побегов молодой зелени в лице шеллингистов, из которых особенно выдавался Ив. Киреевский» (с. 103, здесь и выше подчеркивания Тюменцева. – *И.А.*).

Таким образом, исследование показало, что чтение художественной литературы для Г.К. Тюменцева было важным источником переживаний, наблюдений над человеком и обществом, приобретения

¹ В 1892 г. в издательстве Ф.Ф. Павленкова эти и другие статьи вышли отдельным изданием под тем же заглавием, что и конволют Тюменцева, в конце которого подшит оттиск рецензии на труд Скабичевского из «Вестника Европы» за 1892 г. (№ XI).

жизненного опыта. Активным читателем и собирателем изданий художественных произведений Тюменцев стал с юных лет, и это его увлечение распространилось на всю жизнь. Круг осмысленных им художественных произведений, несмотря на то, что его личная библиотека, конечно, не позволяет установить этот круг в полном объеме, велик. Художественная литература нужна была ему не только для того, чтобы находиться в курсе происходивших и происходящих в мировой литературе событий, но для постоянного внутреннего саморазвития. Конечно, у Тюменцева было не случайное собрание изданий художественной литературы, оно подбиралось в соответствии с определенными принципами, личными пристрастиями и бережно хранилось, о чем свидетельствует наличие личного штампа владельца на всех книгах, характеризующее только истинных книголюбов.

Разумеется, собрание художественной литературы Тюменцева не самое большое, по сравнению, например, с личными библиотеками русских писателей Жуковского, Некрасова, Толстого, Лескова и др., но не будем забывать, что это – библиотека одного из сибирских интеллигентов, жившего безвыездно вдалеке от столицы, в Томске, со второй половины 1860-х гг. В связи с этим фактом его коллекция художественной литературы поражает прежде всего содержанием. Первое место в ней, безусловно, занимают книги отечественных авторов, среди которых и русские классики, и современные Тюменцеву писатели, статус которых определился уже в XX в., и поэты, и прозаики, и драматурги, и литературные критики. Вторую группу составляют издания зарубежных писателей, начиная с античных и кончая современными владельцу библиотеки. Кроме истории литературы, они представляют и историю русского художественного перевода.

В целом же книги, собранные Тюменцевым, открывают интересные и показательные страницы истории русского и европейского литературного процесса, рецепции западной литературы в России, в ее глубокой провинции, отечественной книжной культуры и русской (сибирской, в частности) культуры чтения.

2.3. «Записная книжка с различными стихотворениями разных авторов» Н.Н. Наумова как отражение читательских интересов владельца (1900–1901 гг.)

В собрании отдела рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета хранится личный архив Н.И. Наумова – писателя-народника (1838–1901), большую часть своей жизни прожившего в Томске. В составе архива содержится до сих пор не привлекавшая внимания исследователей «Записная книжка с различными стихотворениями разных авторов», владельцем которой являлся старший сын писателя – Николай Николаевич Наумов (1876–1937). В ней 47 листов. Все записи в книжке сделаны почерком Н.Н. Наумова.

В книжке есть несколько датированных записей. На л. 1 размещено «Расписание лекций на 1900/1 год», на л. 16 – «Расписание репетиций», датированное: «Окт.<ябрь>», л. 31 об. сверху подписан: «23 августа 1901 года», 36 об. – «29 августа 1901 г.», л. 45 – «17 августа». Эти указания позволяют датировать заполнение книжки 1900 г. – августом 1901 г., т.е. оно приходится на первый год обучения Н.Н. Наумова в Московском Константиновском межевом институте, куда он поступил в 1899 г. и который окончил в 1904 г., получив высшее математическое и геодезическое образование и звание межевого инженера.

Большая часть жизни Николая Николаевича, как и его отца, прошла в Сибири. Родившись в Петербурге (крестным отцом его был Н.А. Некрасов, с которым семья Наумовых была дружна, как и с Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, И.С. Тургеневым, В.Г. Короленко, Г.И. Успенским, М.Е. Салтыковым-Щедриным), уже в 6 лет он переехал вместе с семьей в г. Мариинск Томской губернии. В 1888 г. семья Наумовых переезжает в Томск. Здесь Н.Н. Наумов получил среднее образование в Алексеевском реальном училище, окончив его в 1897 г. Кроме того, все дети Наумовых получили хорошее домашнее образование и – главное – воспитание в семье, представляющей собой образец сибирского интеллигентного семейства

конца XIX в.¹ В Томске Наумовы сблизилась с выдающимися людьми своего времени, представителями научной, литературной, культурной интеллигенции: Г.Н. Потаниным, М.Н. Ядринцевым, со многими профессорами Томского Императорского университета, политическими ссыльными (К.С. Станюковичем, В.Г. Короленко, С.С. Синегубом, С.И. Коржинским, Д.А. Клименцом, А.И. Иванчиным-Писаревым, Э.Г. Салищевым), не порывая связей и со многими русскими писателями, редакторами журналов, издателями, определявшими лицо общерусского литературного процесса². Эта среда, безусловно, оказала большое влияние на становление личности Николая Николаевича и других детей Наумовых³.

Как и многие автодокументальные тексты, записная книжка Н.Н. Наумова характеризуется синкретической жанровой природой⁴,

¹ См. об этом на сайте: Родословная: Поповы. URL: <http://derevo-roda.ru/rodoslovnaya-naumovi.html>

² См.: Скабичевский А.М. Николай Иванович Наумов. Его жизнь и сочинения // Новое слово. 1897. № 5. С. 137–156; Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы, 1848–1892. 5-е изд. СПб., 1903. С. 245–248; Наумов Н.И. Автобиография [публ. и прим. А.Г. Попова] // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 175–180; Кожевников С.Е. Николай Иванович Наумов. Очерк жизни и творчества писателя. Новосибирск, 1952; Попов И.Н. Жизнь и творчество Н.И. Наумова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967; Бурмакин Э.В. Томск уходящий : (свободное повествование). Томск, 1995. С. 37–48; Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 128–146; Широких (Забродина) Л.П. Наш род. Из глубины веков. Гл. 2: Наумовы. URL: <http://russianpoetry.ru/proza/yese-i-stati/nash-rod-iz-glubiny-vekov-glava-2-naumovy.html>

³ Н.Н. Наумов переехал в Сибирь в 1909 г., работал в Барнауле помощником начальника съемки, с 1911 г. преподавал математику в Семипалатинске, Омске, на станции Зима Иркутской губернии, в Иркутске, позже работал землемером в Томской области.

⁴ Не останавливаясь на проблеме жанра записной книжки, сошлемся на имеющиеся исследования: Цейтлин А.Г. Труд писателя. Гл. 7 (раздел «Записная книжка»). М., 1968.; Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 80–86; Янушкевич А.С. Записная книжка «Разные замечания» В.А. Жуковского как факт творческой биографии поэта и явление русской культуры // Проблемы метода и жанра. Томск, 1997. Вып. 19. С. 32–43; Бондарев А.П. Автор и читатель в эстетической

находясь на пересечении с рукописным литературным альбомом¹ и читательским дневником², в связи с чем можно говорить о ее многофункциональности и полисемантической. В частности, содержащая в себе переписанные художественные произведения ряда русских и зарубежных писателей (чаще всего с указанием имени автора), практически точно следующие авторским текстам (сравнительный анализ показал разночтения в пунктуации и в редких случаях в лексике), а также мнения владельца о некоторых из них, записная книжка Наумова демонстрирует не только читательские вкусы и практики представителя молодой сибирской интеллигенции, оказавшегося на рубеже веков в столичной студенческой среде, но, по сути, встречу двух литературных и, шире, культурных потоков: общерусского и сибирского – в его читательской рецепции.

В первую очередь следует обратить внимание на композицию записной книжки и структурообразующие тексты альбомной – большей ее части. Молодой читатель открывает свою книжку цитатой из романа Г. Сенкевича «Семья Поланецких». На л. 1 об. приводится песенка о весне, побеждающей все несчастья, ее напевает художник Свирский (гл. XLVIII):

Весна дохнула теплом,
Зацвели шиповник и крес,

деятельности // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 4. С. 26; Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004. С. 374–383.

¹ Одна из первых классификаций альбомных книжек была сделана в 1828 г. П.Л. Яковлевым, который разделил все альбомы по темам, в частности, он описывает и тип альбома молодых людей: Яковлев П.Л. Записки москвича. М., 1828. Кн. 1. Альбомом как элементом бытовой культуры занимались Ю.Н. Тынянов, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, В.Э. Вацуро, Ю.М. Лотман, позднее Л.И. Петина, О.Б. Авилова, А.В. Чеканова, Т. Маркинова, М.В. Калашникова и др.

² Жанр читательского дневника еще ждет своего исследования, хотя особенности дневника как автодокументального жанра сегодня привлекают внимание ученых (см., напр.: Егоров Е.Г. Русский литературный дневник 19 века. История и теория жанра. М., 2003; Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст. (Россия, XIX–XX). М., 2007; Кобрин К.Р. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. С. 288–295 и др.).

А я пою об одном,
Не зная ни горя, ни слез,
Пою, чтобы слезы не лить;
Перестал и тебя я любить!¹

Заканчивается книжка записанной во второй половине августа 1901 г. песней П.-Ж. Беранже «Соловьи» в переводе В.С. Курочкина. Стихотворения очевидно перекликаются не только на уровне жанра, но и образа лирического героя, его настроения:

Ночь нависла тяжелою тучей
Над столицей веселья и слез;
С вечной страстью и с песнью могучей
Вы проснулись, любовники роз! (л. 46 об.).

Вместе с тем следует отметить политическую направленность песни Беранже, в частности критику представителей аристократии, поработанных «тельцом золотым». Темы внутренней свободы, любви, независимости от материальных благ, стремления к духовным ценностям жизни, демократический социально-политический пафос, развиваемые в песне Беранже, являются главными во всей записной книжке Н.Н. Наумова.

В этой связи характерным является количественное преобладание в подобранных Наумовым для своей записной книжки стихотворений С.Я. Надсона, одного из самых популярных поэтов 1880–1890-х гг. – они составляют пятую часть от всех выписок. Так, на л. 2–2 об. записаны подряд 3 стихотворения: «Есть у свободы враг опаснее цепей...», «Нет, я лгать не хочу...» и «Ни к ранней гибели, ни к ужасу крушений». Подборку объединяет образ лирического героя, не способного к равнодушному приятию мироустройства, при котором побеждают несправедливость и духовное рабство:

Есть у свободы враг опаснее цепей,
Страшней насилия, страданья и гоненья;
Тот враг неотразим, он – в сердце у людей,
Он – всем врожденная способность примиренья. <...>

¹ Тексты цитируются по рукописи: ОРК НБ ТГУ. Ф. 2 (архив Н.И. Наумова). Оп. 1. № 191 (далее листы указаны в круглых скобках).

Вера в жизнь формирует и концепцию любви Надсона: за свою возлюбленную лирический герой готов сражаться, чтобы не отдать ее «толпе»:

Пусть другие послушно идут за толпой,
Я не стану их звать к позабытым богам,
Но тебя, с этой ясной, как небо, душой,
О, тебя я так скоро толпе не отдам!..

Наполненное мотивами лермонтовской «Думы» («Печально я гляжу на наше поколенье...») и посвященное судьбе современного Надсону поколения, стихотворение «Ни к ранней гибели, ни к ужасу крушений» завершает первый надсоновский интертекст, созданный Наумовым-читателем в его записной книжке:

Ты сын последних дней... Едва не с колыбели
Ты уж впитал в себя расчетливость купца,
И в жизни для тебя желанней нету цели,
Как счастье сытого, здорового самца.
С оглядкой любишь ты и молча ненавидишь...

Еще четыре стихотворения Надсона – «Во мгле», «Если душно тебе...», «Упали волнистые кудри на плечи...», «Старая сказка» – переписаны Наумовым подряд на л. 31 об.–35 об. Кроме того, на л. 35 об. записано заглавие еще одного стихотворения Надсона «На могиле Герцена», но сам текст в записной книжке отсутствует.

Первое из перечисленных произведений продолжает тему потерянного поколения. Рассматривая и себя как представителя этого поколения, лирический герой рисует его общий портрет, используя в качестве основного мотив утраты юношеских высоких идеалов, столкнувшихся с «обычной чередой жизни». На смену мечтам пришел всеразрушающий нигилизм как обратная сторона рационализма и материализма:

Мы входим в мир, всё отрицая,
Без жажды пользу приносить <...> (л. 31 об.).

Однако даже это стихотворение с красноречивым названием «Во мгле» заканчивается характерным для поэта призывом лирического героя «проснуться», «идти вперед, к заре».

Настроения рассмотренного произведения продолжены в следующем переписанном Наумовым на л. 32 об. стихотворении – «Если

душно тебе...», которое уже было переписано ранее – на л. 11. Этот повтор свидетельствует об особой актуальности данного стихотворения для владельца книжки. В нем акцент сделан на теме искусства, которое трактуется как единственное спасение и для отдельного человека, и для современного общества в целом:

Если в сердце твоём оскорблен идеал,
Идеал человека и света,
Если честно скорбишь ты и честно устал, –
Отдохни над страницей поэта. <...> (л. 32 об.).

Стихотворение вновь заканчивается призывом к читателю научиться у поэта «беззаветно и свято любить», отзываться душой «всем, кто ищет и просит участия». Продолжая рассматривать надсоновский текст в записной книжке Наумова, отметим стихотворение «Упали волнистые кудри на плечи...», пронизанное сложнейшим настроением лирического героя – необычайным трагизмом мировосприятия, не позволяющим разделять веру возлюбленной в любовь и счастье, и последним в его земной жизни желанием любви:

И в это мгновенье хочу я, родная,
Чтоб ты наклонилась на миг надо мной
И кудри мои чтоб, любя и лаская,
С чела отвела ты холодной рукой (л. 33 об.).

Переписанное произведение Наумов снабдил читательским комментарием, касающимся его темы и внутреннего состояния лирического героя: «В этом стихотворении необыкновенно мило изображаются стремления молодой и чистой девушки к личному своему счастью (чтобы в то же время принести счастье любимому человеку) и глубокая скорбь благородного думающего и развитого бедного молодого человека, подавленного страданиями о судьбе меньшей братии и разными сомнениями и противоречиями, происходящими в его душевном мире. Он желает и жаждет смерти, он не может отдалиться исключительно своему личному счастью, удовлетвориться только своей личной жизнью, но стремление к личному счастью так велико в нем, что он мечтает, как в последние минуты его земной жизни он увидит всю любовь и преданность чистого девственного сердца ненаглядной

девушки под звук ее голоса, как под чудную музыку он отдаст душу свою Небесному отцу, положив таким образом конец бессильным желанием разрешить назойливые вопросы времени, не дававшие ему покоя при жизни» (л. 34–34 об.).

Надсоновский интертекст записной книжки Наумова завершается, если не считать неосуществленного намерения внести в нее стихотворение «На могиле Герцена», «Старой сказкой». Под таким заглавием в собрании сочинений Надсона была напечатана поэма, которая первоначально должна была называться «Сказка». Фрагменты из нее, выделенные самим поэтом для публикации в «Отечественных записках» (1882), были озаглавлены «Весенняя сказка». Отброшенные части позднее публиковались как самостоятельное произведение, в котором текст «Весенней сказки» опускался. В таком виде «Сказка» печаталась и в собрании сочинений, которое и оказалось в руках Н.Н. Наумова. В выписанных строфах вновь возникает мотив юности, по ощущению напоминающей прекрасный сон, который оберегает нежная любящая мать. Она отвлекает от рыдающей за окном вьюги, от детских страхов, тревожных вопросов и сомнений, которые мешают уноситься в воображаемый мир¹.

Кроме указанных стихотворений, в записной книжке Наумова находим еще одно (вписано не позднее октября 1900 г.) – «Друг мой, брат мой», предваренное выпиской из «Истории новейшей русской литературы» А.М. Скабичевского: «Вся поэзия Надсона, словно солнце в капле воды, отражается в известном стихотворении “Друг мой, брат мой”, которое недаром считается его шедевром. В нем действительно заключается квинтэссенция всей его поэзии» (л. 14). Фраза, заключающая цитату из Скабичевского: «Вот это знаменитое стихотворение», позволяет предположить, что Наумов переписал его в свою книжку из названной монографии. В самом деле, в этом стихо-

¹ Стихотворение «На могиле Герцена» также строится на противопоставлении богатой, отталкивающей лирического героя суетой Ниццы тихому кладбищу, где время как будто застыло. Былым страданиям борца за свободу противопоставлена вечность.

творении соединились и главные проблемы его творчества, и его пафос, и призыв к читателю не падать духом и верить в то, что

Настанет пора – и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь! <...> (л. 14 об.).

Вторым по частотности обращения в записной книжке Наумова выступает французский поэт П.-Ж. Беранже, прославившийся своими антимонархическими и антиклерикальными песнями, которые стали символом независимости и свободы слова, за которыми стояла культура демократических масс. Кроме песни «Соловьи», о которой речь шла выше, в книжке записано еще 4 стихотворения. Причем из пяти произведений Беранже четыре записаны подряд на последних страницах книжки: «Действие вина», «Дурное вино», «Самоубийцы» и «Соловьи» (л. 42–46 об.), занимая в ней сильную – финальную – позицию.

Первое из них (в переводе В.С. Курочкина), заключая в себе остросатирическую сценку, герой которой, выпивая вино стакан за стаканом, обретает все более ясный взгляд на окружающую его действительность, сопровождается замечанием Наумова об истории его создания: «Стихотворение это относится ко времени первого заключения Беранже в тюрьме Sainte Pélagie в 1821 г. В подлиннике оно носит длинное заглавие: Мое выздоровление, ответ сомурцам, которые, чтобы прошло мое сумасшествие лечить неизлечимых, прислали в тюрьму запас Шамбертэна и Романэ, предписав мне внутренний душ во время моего заключения. Охотниками из другого департамента был прислан <1 слово нрзб.> запас дичи на все время его заключения» (л. 42).

В духе народной смеховой культуры создана и переписанная Наумовым в свою записную книжку песня «Дурное вино» (также в переводе В.С. Курочкина).

Песни Беранже вобрали в себя черты многих лирических жанров: памфлета, пародии, лирической исповеди и др. Так, третье переписанное Наумовым стихотворение поэта представляет собой философское размышление лирического героя о теме самоубийства, корнями своими уходящей в проблему свободы нравственного выбора лично-

сти. Ведя мысленный диалог с ушедшими из жизни по своей воле молодыми людьми, мотивирующими свой поступок беспросветностью окружавшей их действительности, лирический герой, не осуждая «безумцев-детей», занимает другую позицию:

Творец земли! Прости им тяжкий грех.
Не ведали, что мы, в цепи творенья,
Не для себя рождаемся – для всех (л. 45 об.).

Еще одна песня Беранже «Переселение душ» записана Наумовым сразу за подборкой стихов Надсона, на л. 36–36 об., как бы объединяя эти два поэтических интертекста внутри записной книжки. Представляя собой характерное для Беранже стихотворение-диалог лирического героя-поэта с его душой и одновременно являясь исповедью перед лирическим героем его души, «Переселение душ» посвящено теме многогранности и таинственности внутренней жизни личности, переключаясь в этом с заинтересовавшей Наумова тематикой и проблематикой выписанных им произведений Надсона. Переключка интертекстов Надсона и Беранже возникает в записной книжке Наумова и благодаря общей теме поэта и поэзии, также явно привлекающей внимание владельца книжки.

В книжке-альбоме Наумова можно выделить еще два собранных им авторских интертекста. Первый принадлежит известному русскому поэту второй половины XIX в. Я.П. Полонскому. На л. 5–7 подряд переписано три его стихотворения: «На корабле», «Царство науки не знает предела...» и «Вперед и вперед!...». Взятые вместе, они раскрывают поэтическую позицию Полонского. «На корабле» создано в рамках традиций позднего романтизма, трактуя одну из главных проблем 1830–1850 х гг. – «высокого реального дела», «органического соединения реального, действительного и идеального» как восстановления изначальной целостности бытия на основе веры в Бога¹. «Царство науки не знает предела...», публикация которого стала поводом для полемики о поэзии Полонского между М.Е. Салтыковым-Щедриным

¹ См. об этом: Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск, 2011. С. 7.

и И.С. Тургеневым, уравнивает взгляд на творчество поэта, в котором гражданственность, не означавшая концентрации внимания на выполнении «гражданского долга», как его понимали революционеры-демократы, но являвшаяся осознанием своих обязанностей в отношении общественного благополучия, органично сочеталась с идеями «чистого искусства». Не самый активный и радикальный в социальной борьбе, лирический герой Полонского готов умереть за правду, другое дело, что его любовь к России выражается в соответствии с эстетикой романтизма, возвышающего как героическую личность человека рефлексирующего и глубоко чувствующего окружающую его действительность. Именно такого лирического героя – свободного поэта, который ищет «оружья в стихах», мы видим в переписанном Наумовым стихотворении Полонского «Вперед и вперед!..»:

Не раб, – а поэт я, – гордыней обиженный... –
Не в ваших нестройных рядах
Пойду я, – нет! ратник свободы униженной,
Оружье найду я в стихах (л. 7).

Другой авторский текст, созданный Наумовым в его записной книжке, составили стихотворения И.С. Никитина, тоже продолжавшего традиции романтизма. Из многообразной по тематике и жанровой палитре лирики Никитина Наумова привлекли три стихотворения: «Мне, видно, нет иной дороги» и подряд записанные «В альбом А.Н. О-вой» («Послушный вашему желанью...») и «Медленно движется время...». Первое написано в форме исповеди лирического героя, страдающего от несоответствия жизни идеалу, от окружающих его бессмысленных человеческих страданий и личных невзгод. Успокоение он видит в смирении перед Богом. Сочувствием к страданиям народа пронизано и стихотворение Никитина, переписанное Наумовым в записную книжку – «Медленно движется время...», которое в конце XIX в. пели на мотив революционной песни Л.П. Радина «Смело, товарищи, в ногу...», хотя пафос Никитина сводится к призыву преобразования жизни («добрым делом и словом»). Третье стихотворение, привлечшее внимание Наумова, «альбомное», отличается грустными интонациями, лиризмом и особой трактовкой темы поэ-

зии, в которой несовершенной реальности лирический герой-поэт может противопоставить, эстетически ее преодолевая, воспевание красоты, молодости, добра.

Остальные выписки в записной книжке Наумова представляют отдельные произведения разных авторов, и вместе с тем они тоже складываются в цельные, дополняющие друг друга тексты. Так, выделяется ряд тематических групп, составленных Наумовым и характеризующих его читательские интересы и еще один вид его работы с текстами. Рассмотренные выше темы поэта и поэзии, неудовлетворенности жизнью, далекой от идеала, переполненной народным страданием и болью, ставят в один ряд со стихотворениями Никитина, Надсона, Беранже «Песню Ежова», выписанную Наумовым, судя по подписи, из романа М. Горького «Фома Гордеев»¹. Здесь же назовем «Сибирскую колыбельную песню» И.В. Оммулевского-Федорова (у Наумова переписано без заглавия), «Песню» («Взгляни, мой друг, по небу голубому...») В.И. Красова. В этот же ряд произведений, отличающихся пафосом борьбы с общественной несправедливостью словом и «добрым делом», мечтами о светлом будущем, Наумов ставит стихотворения «Для битвы честной и суровой...» А.А. Голенищева-Кутузова, «Свободное слово» К.С. Аксакова, «Грядущее» С.Г. Фруга, поэтов разных эпох, и «Оду к радости» Шиллера, которую он составляет «по нескольким переводам (В. Бенедиктова, Ф. Тютчева, М. Дмитриева и др.)», о чем и извещает в заглавии переписанного текста.

Важнейшей темой для Наумова-читателя, судя по его записной книжке, является любовь и связанный с нею образ женщины. Этот интерес характерен для русской альбомной культуры, вместе с тем он органично вписывается в порубежную эпоху с витавшим в ее воздухе «женским вопросом». Наряду с рассмотренными выше стихотворениями следует обратить внимание на ряд других выписок. Так, на л. 3 находится «Отрывок из романа “Семья Поланецких”» Г. Сенкевича, упоминавшегося выше, в котором главными темами стали семья, любовь, отношения между мужчиной и женщиной. Наумов выписывает

¹ Это же стихотворение входит в рассказ М. Горького «Грустная история».

фрагмент рассуждений главного героя Станислава Поланецкого об особенностях женского мира, по сравнению с мужским (гл. XXIII): «После этого¹ ему пришли в голову совсем другие мысли. Он вспомнил о Литке, ее матери (Хвастовской), Марыне² и только теперь заметил, насколько женский мир, – созданный главным образом для любви и для счастья ближних, – отличается от мужского, преисполненного соперничества, борьбы, драки, гнева, дуэлей и усилий к обогащению и значению. И в данную минуту он почувствовал, что уже давно не испытывал, что если существует на свете отдых, спокойствие и счастье, то их нужно искать среди любящих женщин. Но эта мысль шла вразрез с его философскими взглядами последних дней и поэтому очень обеспокоила его. Однако, сравнивая эти два мира, он пришел к тому заключению, что женский любящий мир имеет свои основы и цель к существованию. Если бы Поланецкий был сведущ в Священном Писании, то, наверное, вспомнил бы слова: “Мария избрала лучшую часть жизни”» (подчеркнуто Н.Н. Наумовым. – *И.А.*).

Далее образ женщины в записной книжке Наумова усложняется темой трагической женской судьбы – в интерпретации Т.Г. Шевченко, из баллады которого «Причинна» выписано рассуждение повествователя о судьбе с героини-сироты, превращенной гадалкой в «причинную» (помешанную), чтобы та меньше тосковала о любимом, ушедшем на чужбину:

Така її доля... О Боже мій милий!
За що ж ти карасш її, молоду?
За те, що так щиро вона полюбила
Козацькії очі?.. Прости сироту! <...> (л. 4).

В своей книжке Наумов-читатель выстраивает целую галерею женских образов: возлюбленная, мать, дочь, жена. Так, в ней находим стихотворение «Умирающая мать» А.Н. Апухтина, одного из последних русских романтиков. Эта психологическая зарисовка создает образ матери, любовь и заботу которой о ближних может остановить

¹ Имеется в виду разговор с паном Машко о дуэли.

² Литка, ее мать Эмилия Хвастовская и Марыня, жена Поланецкого, – три положительных женских образа романа.

только смерть. Образ любящей матери, спасающей душу и достоинство своего сына в последний день его жизни перед казнью, находим в балладе М.Л. Михайлова «Белое покрывало» (перевод стихотворения «Der Weisse Schleier» австрийского поэта М. Гартмана, был популярен у русского читателя конца XIX в.). Противоположный образ матери, избаловавшей сына и не подготовившей его к взрослой жизни, оказывается в центре стихотворения «Барыня» (не подписано). В стихотворном «Монологе для сцены» «Стрелочник» русского актера и драматурга А.Ф. Федотова создан образ девочки Кати, которая едва не погибла под поездом из-за недосмотра отца-стрелочника. Катя, чудом оставшаяся в живых, не понимая причины переживаний отца, склоняется над ним с потрясающе искренним утешением, не ведая того, что спасает отца от безумия: «Нельзя реветь таким большим, да кто ж тебя обидел, тятя?». Образ девочки здесь – это воплощение природного женского сострадания и доброты.

Образ женщины-мечты, женщины-воспоминания о любви, хранящей лирического героя, томимого «неясною тревогою», «вихрем бытия», возникает в стихотворении «Подернут дымкой сизою...» (подписано: Мазуркевич), записанном на л. 41 об. В книжке Наумова находим и «Песню» высоко оцененного В.Г. Белинскими поэта 1830–1850-х гг. В.И. Красова («Взгляни, мой друг, – по небу голубому...»). Лирический герой воспеваает возлюбленную, созданную «для счастья любить». Этим же настроением преклонения перед возлюбленной пронизано стихотворение великого князя Константина Константиновича (Романова) «Я на тебя гляжу, любясь ежечасно...». Переписанное без посвящения великой княгине Елизавете Федоровне, супруге великого князя Сергея Александровича, оно создает идеальный портрет женщины, носительницы божественной внешней и внутренней красоты:

Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту! (л. 18 об.).

В круг читательских интересов Наумова попадает и любовная лирика представителей золотого века русской поэзии – молодым сибирским читателем, обучающимся в столичном институте, в книжку-альбом подобраны и переписаны такие шедевры, как «Разуверение» Е.А. Баратынского (л. 18–18 об.) и «Я вас любил...» А.С. Пушкина (л. 18 об.), и рубежа XIX–XX вв. («Другу», не подписано (Н.Я. Агнивцев?) – л. 16 об.–17).

Читательское восприятие темы любви и образа женщины раскрывается в записной книжке Наумова и в нескольких выписках из прозаических произведений. На л. 7 об.–9 находятся «Выдержки или, вернее, выписки: Мечты о любимой девушке» из очерков писателя-народника, русского революционера А.И. Фаресова «В одиночном заключении». Цитаты представляют собой фрагменты из гл. VI. Первая из них – гимн женщине, способной сберечь «человеку и на каторге его характер и достоинство, нужные и для испытания, и для жизни по освобождению» (л. 7 об.). Ниже переписаны строки из А. де Мюссе, цитируемые в гл. XIX («Кровь вносит в сердце представленья...»), л. 7 об.) и стихотворение «Лишь вы одни нас не забыли...» неизвестного автора (нераскрытый псевдоним Помеха В.) из гл. XXI (л. 8), развивающие ту же тему.

Показательны в плане характеристики читательских практик Наумова и его объемные выписки из повести И.С. Тургенева «Переписка» (л. 21 об.–31 об.). В центре повести, как известно, находятся психологически сложные образы Алексея Петровича, «лишнего человека», его возлюбленной Марии Александровны, типичной «тургеневской девушки», и комплекс проблем, связанных с этими типами героев и с одной из центральных для Тургенева темой любви. Выписки Наумова, озаглавленные им «Два замечательных письма из известной “Переписки” Тургенева», содержат, во-первых, краткий пересказ предисловия автора-повествователя об истории переписки и ее участниках, во-вторых, обоснование выбора для выписки двух писем из 15, составляющих тургеневское произведение, в-третьих, сами письма и, наконец, читательский анализ проблематики повести, ее образов и авторских приемов их создания.

Приведем предваряющую выписки запись Н.Н. Наумова: «Один наш соотечественник некто Алекс.<ей> Петр.<ович>, живший под конец своей жизни за границей, положил начало переписки с бывшей симпатией своего родного брата, после окончательной ее размолвки с ним. Приведу только два письма, заслуживающих особого внимания читателя по тем мыслям, которые в них выражены. На первое насмешливое и нетактичное, хотя и не злое письмо Алексея Петровича Мария Александровна написала коротенький и холодный ответ. На это письмо Алексей Петрович написал еще два письма, прося во втором разрешения продолжить переписку, и когда он получил в ответ послания “Какой вы странный человек! Ну да”, то написал следующее письмо, четвертое по счету» (л. 21 об.–22). И далее без отступлений от текста Тургенева переписаны письмо VI (четвертое из написанных героем), в котором он, в духе тургеневской философии природы и человека, рассуждает о смысле своей жизни, о роли в его судьбе обстоятельств и собственной воли, о мечтах молодости, о любви, прошедшей «невозвратно», и ответное, седьмое у Тургенева, письмо героини. Оно посвящено рассуждениям о русской женщине, ее судьбе и положении в обществе, воплощением чего Мария Александровна считает себя и свою жизнь, и здесь ее позиция сближается с авторской.

Выписку указанных писем продолжает следующая читательская запись Н.Н. Наумова:

Сколько незаслуженных страданий пришлось пережить скромной, доверчивой и милой провинциальной девушке, когда все ее лучшие мечты, порывы молодости и лучезарная надежда на счастье были так жестоко, так безжалостно разбиты любимым ею человеком! Каким глубоким трагизмом дышат строки этого письма! Только кисть великого художника русского слова могла так верно, так жизненно правдиво и в то же время так женственно изобразить в немногих простых, но сильных выражениях все беззащитное и жалкое положение сознательно живущей провинциальной девушки, когда она впервые разочаровалась и осталась покинутой временно увлеченным ею молодым человеком! Поневоле не верится как-то, чтоб это письмо мог написать мужчина, так пронзительно хорошо и тонко изображена психология чистой женской души, и разница или – вернее, глубокая пропасть, отделяющая женский душевный мир от мужского. Сколько горькой правды в следующих словах, изображающих глубокую

разницу женской психологии от мужской «Но тут-то и является различие между мужчиной и женщиной. Мужчине ничего не значит начать новую жизнь, стряхнуть с себя все прошедшее: женщина этого не может. Нет, не может она сбросить свое прошедшее, не может оторваться от своего корня – нет, тысячу раз нет!» Это говорит нам великий знаток женского сердца, великий психолог женской души, автор таких бессмертных женских типов, как, например, Ася, Лиза (в романе «Дворянское гнездо»), Наташа (в романе «Рудин») и т.д. Трудно не согласиться с этим мнением высоко-талантливого писателя русской земли! Но на этом письме переписка Алексея Петровича и Марии Александровны не оканчивается. Напротив, с этих пор она ведется очень аккуратно, между ними завязывается или, вернее, возобновляется «письменное» знакомство, с течением времени их духовная связь крепнет, и далее идет пересказ истории увлечения героя балериной, «благодушно» пользовавшейся презренным металлом своего обожателя (л. 29 об.–30).

Далее следует читательский анализ последнего письма Алексея Петровича к Марии Александровне:

В нем он замечательно подробно и правдиво описывает свою последнюю любовь, нисколько не обманывая себя относительно личности своей пассии. Достойно замечания определение любви, как ее понимал Алексей Петрович. Этим определением и закончу свои заметки, навеянные на меня чтением этого бессмертного произведения Тургенева (л. 30 об.)¹.

Судя по выпискам и комментариям, интерес Наумова, кроме указанного выше, вызвала тема провинции: Мария Александровна для него «милая, сознательно живущая провинциальная девушка». В этом плане характерны три выписки из «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина, так и озаглавленные: «Мысли Салтыкова-Щедрина о провинции»:

О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самостоятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаниями те мелкие вожелания, исключительно направленные к материальной стороне жизни, к доставлению крошечных удобств, которые имеют то неогценное достоинство, что устраняют всякий повод для тревог души и сердца?.. (л. 37).

¹ И далее выписано это определение.

Да; жалко, поистине жалко положение молодого человека, заброшенного в провинцию! Незаметно, мало-помалу, погружается он в тину мелочей... (л. 38).

О вы, которые живете другою, широкою жизнью, вы, которых оставляют жить и которые оставляете жить других, – завидую вам! И если когда-нибудь придется вам горько и вы усомнитесь в вашем счастье, вспомните, что есть иной мир, мир зловоний и болотных испарений, мир сплетен и жирных кулебяк – и горе вам, если вы тотчас не поспешите подписать удовольствие вечному истцу вашей жизни – обществу! (л. 38 об.).

Все выписки посвящены теме измелъчания человека в обывательской будничной жизни, с особой силой захлестнувшей провинцию, которая осмысливается писателем как понятие не столько географическое и не только социально-историческое, но бытийное, нравственно-психологическое, что и находит читательский отклик Наумова¹. Интересно, что далее следует выписка, снабженная читательским заглавием – «Мысли, выраженные Достоевским в Дневнике за 1876 год о русской женщине». Здесь утверждается идея «возрождения русской женщины в последние двадцать лет», которое связывается с «подъемом» ее духовных и интеллектуальных запросов, «жаждой высшего образования», в чем «она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества» (л. 39 об.).

Заключая анализ записной книжки Н.Н. Наумова, подчеркнем, что она, представляя собой совокупность отдельных выписок и цитат, является целостным текстом, создававшимся вдумчивым читателем, которого отличают своя культура чтения, свои принципы и приемы работы с художественным текстом. Смысл записной книжки, составляемой ее владельцем как некое единство, возникает в результате

¹ В этот же тематический ряд встает и выписка слов автора о пошлости из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (сцена у Одинцовой): «Появление пошлости бывает часто полезно в жизни: оно ослабляет слишком высоко настроенные струны, отрезвляет самоуверенные или самозабывчивые чувства, напоминая им свое близкое родство с ними. С прибытием Ситникова всё стало как-то тупее – и проще; все даже поужинали плотней и разошлись спать получасом раньше обыкновенного» (л. 3 об.). В афористической форме здесь обозначена другая сторона погруженности человека в «матерьяльную» жизнь.

читательских соотнесений отдельных выписок, выписок и собственных примечаний и др. Рассматриваемый эгодокумент, таким образом, отражает мировосприятие его владельца, питающее его культурную среду, в том числе круг и особенности чтения. Вместе с тем осмысление книжки, центрированной вокруг личности ее составителя, выводит нас за пределы его внутреннего мира, личных читательских интересов и практик – в область сибирской словесной культуры, читательских практик молодой сибирской интеллигенции и их взаимодействия с общероссийским и западноевропейским контекстами.

2.4. Молодежные читательские практики Томска на рубеже веков

Предпосылками появления широкой молодежной читательской аудитории в этот период стали бурное развитие сферы образования и рост учебных заведений: гимназий, семинарий, училищ, открытие Томского Императорского университета, Технологического института. В прямой зависимости от увеличения количества учебных заведений растет и число библиотек. Как отмечает исследователь Т.П. Карташова, «в начале XX в. Томск был единственным за Уралом городом, имевшим три высших учебных заведения. Высокий статус университетского города способствовал формированию новой для Сибири социокультурной среды, в которой студенчество занимало определенное место со своими нуждами, потребностями и читательскими интересами»¹.

Сословный состав томского студенчества на рубеже веков был достаточно демократичным, что было обусловлено вовлечением в образовательную сферу представителей непривилегированных сословий. В Томский университет было разрешено поступать выпускникам ду-

¹ Карташова Т.П. К вопросу об обеспеченности студентов учебными пособиями (по материалам томской прессы начала XX в.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 2 (4). С. 55–65.

ховных семинарий, реальных и коммерческих училищ, кадетских корпусов, большую долю обучавшихся в них составляли дети мещан, крестьян, сельского духовенства. По сравнению с Московским университетом, в котором обучались преимущественно дети дворян и чиновников (44,9%), мещан (18,8%), почетных граждан и купцов (16,9%), в Томском университете преобладали представители духовенства (44%), достаточно высок был удельный вес мещанства, а детей дворян и чиновников было существенно меньше (18,9%)¹. «В силу этого состав студентов Томского университета может быть определен в значительной степени как разночинский». Еще более демократичным был студенческий состав Томского технологического института, где, по сравнению с университетом, «было меньше детей дворянства и духовенства, но больше сыновей крестьян и мещан»².

Таков в социальном аспекте массовый молодежный читатель этого периода, вовлеченный в образовательный процесс и формирующий свою субкультуру чтения с присущими ей читательскими предпочтениями. «Ядро чтения» студенчества составляла не только учебная и научная литература, востребованная в процессе обучения, но и нелегальная социально-политическая литература. Так, хранящиеся в отделе редких книг Научно-технической библиотеки Томского политехнического университета книжные собрания студентов начала XX в. содержат труды К. Маркса, К. Каутского, сочинения Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского, «Анархию» М. Бакунина и др. Это было обусловлено тем, что «среди технологов было много убежденных революционеров, проводивших агитационно-пропагандистскую работу в студенческой и рабочей среде»³. Книги социал-демократического и марксистского содержания интересовали молодых читателей, ищущих

¹ Ищенко О.В. Сословный состав томского студенчества в начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 12 (90). С. 117–119.

² Там же.

³ Васильева В.А. Круг чтения студентов Томского технологического института начала XX в. // Археография книжных памятников : сб. науч. тр. Новосибирск, 1996. С. 253–260.

щих свое место в жизни и аргументы в пользу правильности своего формирующегося материалистического мировоззрения, основными чертами которого были атеизм и радикализм. Подобную запрещенную литературу распространяли частные агенты, она составляла «львиную» долю изданий в нелегальных студенческих библиотеках.

В своих неопубликованных воспоминаниях «Из жизни студентов Томского университета до 1900-х годов» известный сибирский врач-гигиенист К.М. Гречищев приводит интересный факт создания такой нелегальной библиотеки, которая функционировала во времена его студенческой жизни. «Студенты, поступающие в Томский университет, особенно студенты с семинарским образованием, приезжали в Томск в значительном своем числе не только заряженные желанием получить специальное высшее профессиональное образование, но и расширить свой общий кругозор знаний, чтоб стать сознательными сынами отечества и полезными общественными деятелями. Но богатейшая фундаментальная библиотека Томского университета разочаровывала эту часть студентов. Библиотека оказывалась “оскопленной”. Основные руководства по социологии, политической экономии, государственному праву, даже по естественной истории были изъяты из нее и попали в особое, запретное для студентов книгохранилище»¹.

Оценив это положение, инициативная группа студентов из пяти человек решила устранить подобную несправедливость, предоставив возможность интересующимся студентам пользоваться запрещенными литературными источниками. Для этого в помещении, где была спрятана запретная часть библиотеки, был проделан секретный лаз, через который один или два человека из указанной группы проникали в книгохранилище, отбирали там книги и затем по установленному знаку с предосторожностями передавали их своему товарищу в тайник. В итоге созданная нелегальная библиотека функционировала в течение 1894–1899 гг. и насчитывала в своем фонде не менее 300 книг².

¹ Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета до 1900-х гг. // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 179.

² Там же. Л. 20.

Этот пример является показателем читательской самоорганизации студенчества с характерными для него формами самоопределения, выживания, рефлексии, поиска своей социальной и культурной идентичности. Как отмечает историк А.Е. Иванов, для учащейся молодежи конца XIX – начала XX в. характерна академическая субкультура студенческой корпорации, воплощаемая в деятельности землячеств, организации нелегальных библиотек, изданиях студенческих газет и журналов¹. Такие самостоятельные общественные организации носили просветительский характер, были школой гражданского самосознания и общественного поведения для молодежи, в то же время формируя ее читательские потребности и устойчивый интерес к чтению. Именно студенческая аудитория являлась читательской группой, наиболее заинтересованной в том превращении культурного капитала в социальный, который осуществляется в процессе чтения.

В рассмотрении читательских практик рубежа веков особый интерес представляет функционирование собственных библиотек при студенческих землячествах, организованных на паевых, кооперативных началах. О массовом распространении этих негласных форм студенческих организаций в России начала XX в. свидетельствует тот факт, что только в Московском университете в 1912 г. насчитывалось 150 землячеств, в Петербургском университете действовало 62 землячества, объединивших 1 581 человек, или 16% студентов². В русле общероссийской тенденции в Томске с появлением вузов возникают Тобольское, Забайкальское, Енисейско-Красноярское, Иркутское и другие землячества, в рамках которых создаются библиотечные комиссии, контролирующие деятельность библиотек. На общем собрании принималось положение о правилах пользования библиотекой и условиях ее пополнения новыми изданиями за счет пожертвованных книг и литературы, приобретенной на отчисления от членских взносов

¹ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М. : Новый хронограф, 2004. 408 с.

² Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М. : Тип. О-ва распротр. полезн. книг, аренд. В.И. Вороновым, 1903.

и некоторые поступления от коммерческой деятельности землячеств. Как вспоминает К.М. Гречищев, который был главным библиотекарем в землячестве при Томском университете в 1897–1898 гг., «в общем для развития библиотеки путем покупки книг оказывались иногда немалые средства. Бывали месяцы, когда книг покупалось на 100 рублей. О покупке главный библиотекарь докладывал совету землячества, представляя списки купленных книг. И должен сказать, бывали случаи, когда совет землячеств не одобрил приобретения библиотекой некоторых книг»¹. В обязанности библиотекаря входила и вербовка новых членов, привлекаемых посредством беседы и рекомендации определенных изданий, непосредственно доставляемых их потенциальному читателю. Таким образом, эффективность работы библиотеки в значительной степени зависела от агитационной энергии библиотекарей. Тем не менее «всегда был живой спрос на книги, представлявшие большой интерес для студенчества. К ним относились издания по социологии, политэкономии, естествознанию и художественной литературе»². Проявляли интерес студенты и к современным журналам. Так, в протоколе заседания правления Иркутского землячества от 10 марта 1913 г. зафиксировано сообщение тов. Аулецкого о том, «что им выписано журналов (“Русская мысль”, “Завет”, “Русское богатство” и “Современный мир”) и куплено сборников (“Знамя”, “Земля”, “Шиповник”, “Северные записки”) всего на сумму 22 руб. 77 коп.»³

Типологической чертой массового читателя конца XIX – начала XX в. является интерес к информации разностороннего характера: от повседневных событий городской жизни до мировых новостей, освещаемых в газетах, от публикации материалов для самообразования во всевозможных брошюрах до развлекательного, «легкого» чтения, заполнившего в этот период книжный рынок.

Характерно, что во многих студенческих библиотеках землячеств этот читательский интерес вызвал появление разделов художествен-

¹ Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета... Л. 20а.

² Там же.

³ Дело Иркутского студенческого землячества в Томске // ТОКМ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 6.

ной литературы. В Иркутском землячестве на повестку общего собрания в 1913 г. был вынесен вопрос о создании, наряду с научной, беллетристической (художественной) библиотеки, при этом баллотирование предложения о ее необходимости получило единогласное положительное решение¹. Уже через год ввиду увеличившегося количества художественных книг было даже предложено снять отдельную квартиру для беллетристической библиотеки, но этот вопрос убрали из повестки заседания правления как практически не осуществимый.

Таким образом, важно отметить, что молодежные читательские практики этого периода были связаны не только с традиционным учебным или социально-политическим чтением, но и с формами досуга, реализуя разнообразные познавательные и развлекательные цели.

Анализ каталогов томских публичных, ведомственных библиотек начала XX в. свидетельствует о достаточно разнообразной литературе, представленной в распоряжение читателей. Как правило, беллетристический раздел включал сочинения отечественных (В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова) и зарубежных классиков (В. Шекспира, Д.Г. Байрона, Г. Гейне, В. Гюго, Ч. Диккенса, Э. Золя), а также публикации произведений современников (рассказы и повести А. Чехова, В. Гаршина, Л. Андреева, М. Горького, И. Бунина, А. Куприна, М. Арцыбашева, И. Потопенко, Н. Златовратского, Н. Телешова)². Однако, как отмечал в своем исследовании А. Рейтблат, утилитаристский подход к художественной литературе нередко приводил к тому, что «написанным на высоком художественном уровне, сложным и неоднозначным произведениям

¹ Дело Иркутского студенческого землячества в Томске // ТОКМ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 6.

² Каталог книг библиотеки Томского общественного собрания. Томск, 1905; Каталог книг Томской городской публичной библиотеки. Томск, 1901; Каталог книг библиотеки профессионального общества работников печатного дела в г. Томске. Томск, 1913 и др.

И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого молодежь часто предпочитала дидактические и одномерные, но выполненные в «прогрессивном духе» романы Н.Ф. Бажина и А.К. Шеллер-Михайлова»¹.

Формирующаяся на рубеже веков новая культурная парадигма массовой литературы, обусловленная социальной стратификацией общества и расширением читательской аудитории, во многом определила эстетические предпочтения молодежи того времени. В газете «Сибирская жизнь» за 1903 г. опубликована интересная статистика, касающаяся читательских предпочтений подписчиков Томской бесплатной библиотеки, более половины которых, согласно приведенным данным, составляли учащиеся, причем их число за период с 1898 по 1901 г. выросло почти втрое (с 545 до 1 550 чел.).

Задавшись поиском ответа на вопрос: что читают, что ищут в книгах и что больше всего возбуждает в них интерес у подписчиков, – автор статьи Антропов приводит факты, подтверждающие преобладание потребности читателей в беллетристике, или «легком чтении». Требования по отделу изящной словесности растут в несоизмеримых пропорциях: «...за 3 года число выдач по этому отделу увеличилось почти вдвое, тогда как по всем остальным отделам число выдач увеличилось только на 1/5»². Анализируя данные о количестве выдач по писателям, среди которых самыми популярными и востребованными оказались Жюль Верн и Немирович-Данченко, автор подчеркивает, что приводимые факты в высшей степени показательны: «они наглядно иллюстрируют вкусы и умственные запросы подписчиков библиотеки», которые ищут в книге «не поучения, не ответов на “вопросы жизни”, а приятного развлечения в часы досуга». Характерно, что в качестве главных предпочтений читателей названы в первую очередь черты, характеризующие массовую литературу, – «эффектность, фантастичность и лубочная яркость красок по-

¹ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М. : Изд-во МПИ, 1991. 221 с.

² Антропов. Томская бесплатная библиотека и ее читатели // Сибирская жизнь. 1903. № 31 (7 февраля).

вестования»¹. Об этом же свидетельствует и приводимый в статье факт возрастания за 1902 г. количества выдач книг таких авторов, как Боборыкин, Потапенко, Мордовцев, Крашевский и др. «Человек из народа» еще не научился понимать литературное произведение с его художественной и социальной стороны, и интересуется им главным образом с точки зрения его увлекательности и действия на воображение», – подводит итог своим размышлениям о читателе автор публикации².

Подобная ситуация с читательскими интересами отражена и в обзоре деятельности библиотек в адресно-справочной книжке «Весь Томск» за 1911–1912 г. Приводимые в ней данные подтверждают размытость эстетических критериев читателей этого периода, запросы которых наряду с классикой обращены к массовой литературе начала века. «Из книг более всего читают Толстого (531 запрос), Амфитеатрова (522), Вербицкую (341), Арцыбашева (218), Андреева (206)»³. Беллетристика начала века, в духе модернистской эстетики и этики поднимающая запретные темы взаимоотношения полов, безграничной свободы личности, отвечала духовным запросам читающей молодежи и пользовалась у «детей рубежа веков» (А. Белый) скандальной популярностью.

Читательские интересы томской молодежи в этом отношении мало чем отличались от круга чтения студентов столичных вузов. Так, например, в обзоре центральных журналов, приведенном в газете «Утро Сибири» за 23 декабря 1911 г., автор отмечает, что «современное студенчество ищет прежде всего удовлетворения духовной потребности в художественной литературе». Согласно данным, собранным комиссией студенческой библиотеки Санкт-Петербургского технологического института, «в искании художественной литературы студенчество чутко отражает все колебания “моды”. Тут... встреча-

¹ Антропов. Томская бесплатная библиотека и ее читатели // Сибирская жизнь. 1903. № 31 (7 февраля).

² Там же.

³ Чавыкин Г.В. Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. Томск : Тип. Дет. приюта и Дома трудолюбия, 1911.

ются и “Тнев Диониса”, и “Конь бледный”, Ремизов, Арцыбашев, Со-логуб, Андрей Белый, Кузьмин, Вербицкая и проч.»¹

Характеризуя молодежные читательские практики рассматриваемого периода, нельзя не отметить еще одну тенденцию массового чтения – повальное увлечение молодых читателей детективной литературой, «пинкертоновщину», ставшую общероссийской традицией. В своих воспоминаниях об этом периоде житель Томска писал: «Я очень любил читать книги, иногда читал до 12 часов ночи. Из-за этого чтения я однажды чуть не устроил пожар. Была у меня толстая интересная книга автора Рокамболь, где подробно описывались река Темза, лондонские трущобы и все, что там творилось. Еще увлекались “Пинкертоном”, “Ником Картером”, “Шерлок Холмсом” и др., эти книжечки стояли по 5 коп. Родители мне запрещали читать после 11 часов, и я устраивался в своей кухне так: стол закрывал одеялом, под столом приспособливал керосиновую лампу, а сам с книжкой там уселся. Сколько прошло времени, не знаю, только отец меня вытащил сонного, одна ножка стола, доска и часть одеяла затлела, а я весь был в саже. Ну, конечно, после этого случая чтение по ночам прекратилось»². Пинкертон – сильный, волевой герой, реализующий себя в напряженных и опасных авантюрах, восстанавливающий нарушенный миропорядок, что сближало его с фольклорным персонажем, – стал властителем дум юношества. Несмотря на предупреждения о том, что детектив – низкопробный жанр, который «болезненно возбуждает любопытство, развращает детское воображение, будит нездоровые и зверские инстинкты, навсегда убивает охоту к художественному и идейному чтению»³, томскую молодежь в первое десятилетие XX столетия буквально захлестнула волна сыскной литературы.

Этот читательский интерес вызвал у местных авторов стремление соответствовать вкусам массового читателя. Так, в газете «Сибирские отголоски» за 1907 г. в выпуске 40 номеров публикуется уголовно-

¹ Утро Сибири. 1911. № 13 (23 декабря).

² Рымарев Г.С. Воспоминания сибиряка периода 1895–1920 гг. // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 165.

³ Сибирская жизнь. 1909. № 65 (22 марта).

бытовой роман конторщика Управления Томской железной дороги В.В. Курицына, скрывавшегося под ироничным псевдонимом «Не-Крестовский». Само название его приключенческого романа «Томские трущобы» привлекало читателя описанием «дна» дореволюционного Томска, купеческого и босяцкого, равно погрязших в преступлениях. И хотя роман не отличался особыми литературными достоинствами, он стал местным бестселлером и активно обсуждался повсюду, особенно в молодежной среде. Следуя принципу серийности, характерному для массовой литературы, автор вслед за этим создает другие произведения с не менее интригующими названиями: «Человек в маске», «Томский Шерлок-Холмс». В некрологе на безвременную смерть романиста Георгий Гребенщиков с горечью писал: «Был спрос, и – к стыду Томска – большой, на романы Не-Крестовского, и он давал их. Этот спрос на лубочный товар служит лучшим примером того, как поэт В.В. Курицын не нужен был томицам, что как поэта его не хотели знать и не знали»¹.

Однако молодежные читательские практики в Томске конца XIX – начала XX в. не были однородными: наряду с массовыми запросами формируются читательские группы, в которых пробуждается интерес к серьезной и хорошей книге, научной и художественной. Примером этого становится появление в Томске литературного и общественно-политического журнала «Сибирский студент», издававшегося ежемесячно с 1914 по 1916 г. Его редактор – известный общественный и политический деятель, публицист и этнограф Михаил Бонифатьевич Шатилов, имя которого носит сегодня областной краеведческий музей, – в духе областничества поставил цель: объединить творческие студенческие силы будущих строителей Сибири, ибо «студенчество – это отражение общественного целого, его барометр»². Ориентацией на прогрессивно настроенную молодежь обусловлено выделение постоянных разделов журнала, посвященных обсуждению актуальных вопросов науки и искусства, критики и библиографии, заграничной,

¹ Гребенщиков Г. Над свежей могилой // Сибирская жизнь. 1911. № 13 (18 января).

² Сибирский студент. 1914. № 1.

русской и студенческой жизни. Особый интерес вызывает беллетристический раздел, где регулярно печатаются произведения формирующегося местного авторского корпуса: стихи Г. Вяткина, П. Радилова, рассказы В. Бахметьева, В. Шишкова, Г. Гребенщикова, А. Казанского и др. Несмотря на то, что журнал просуществовал всего три года, его роль в литературном процессе и становлении молодежных читательских практик дореволюционного Томска была достаточно заметной.

«Отношение читающей публики к выбору книг служит прекрасным показателем общественного настроения. История читающей публики – одна из интереснейших и ярких страниц из истории общественного развития», – писал Н.А. Рубакин¹. Изучение молодежного чтения позволяет в целом говорить о коренных трансформациях читательской аудитории на рубеже веков, носящих не только региональный, но и общероссийский характер и во многом предопределивших «мироустроительную» функцию, которую начинает выполнять для своих читателей книга, конструирующая для них образ мира.

¹ Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения. СПб. : Склад издания в кн. магазинах Н.П. Карбасникова, 1895.

Глава 3. СЕЛЬСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

3.1. Сельский читатель Томской губернии. Создание инфраструктуры чтения и эволюция читательских практик сельского населения

В начале XX в. Россия еще только становилась самой читающей страной. К этому времени ее территория начала покрываться сетью библиотек, а книга стала не только предметом личного потребления, но и предметом коллективного, общественного использования. В губернском городе Томске и уездных городах губернии книжная продукция находила сбыт через книжные магазины, лавки, продавалась в типографиях и издательствах либо выписывалась по почте. Найти нужную книгу в городе уже не составляло большого труда. Купить или выписать книгу в сельской местности было гораздо труднее.

Распространение книг на селе шло различными путями. В Европейской России, помимо ярмарочной и разносной торговли (офени), а также бесплатной раздачи книг населению религиозными и общественными организациями, активно развивалась стационарная торговля через земские книжные склады и магазины. В силу того, что в Сибири земство отсутствовало, отсутствовали и книжные склады. Большие расстояния и недостаточно развитая транспортная система препятствовали развитию стационарной книжной торговли, далеко не во всех селах были почтовые отделения связи. Попытки устройства книжных лавок и организации стационарной книжной торговли, предпринятые П.И. Макушиным, потерпели неудачу. В 1896 г. П.И. Макушин попытался организовать так называемые лавки-шкафы

в деревне, но за 5 лет существования они принесли убыток в 10 тыс. руб., а книги были расхищены либо утеряны¹.

Это не означает, что в села книги совсем не поступали. Книги привозили с собой священнослужители, немногочисленные чиновники (волостные писари и крестьянские начальники) и интеллигенция (учителя, фельдшеры, агрономы); с 1830-х гг. в губернии создавались приходские библиотеки, существовали библиотеки при волостном правлении и при церквях. Особую роль в сохранении традиций древнерусской книги играло старообрядчество.

Книги имелись и в училищных библиотеках, открытых разными ведомствами (МВД, МНП), церковно-приходских и школ грамоты Ведомства православного исповедания.

Библиотеками при школах могли пользоваться не только ученики, но и другие жители села. При открытии училища по смете полагалось 50 руб. на обзаведение собственной библиотекой. Чем дольше существовало училище, тем солиднее были библиотечные фонды. Несмотря на многочисленные газетные заметки об ужасном состоянии сельских училищ и отсутствии духовной пищи, далеко не все училища страдали от недостатка книг.

К 1 января 1900 г. в библиотеке Крутихинского училища (основано в 1871 г.) состояло 803 экземпляра учебных пособий и книг для чтения, в Панкрушинском (с 1882 г.) – 1 060 экземпляров, Вознесенском (с 1857 г.) – 1 147 экземпляров, а в с. Тальменском – 276 учебных пособий и 1 438 книг для чтения².

Однако частым явлением было наличие в библиотеке училища всего нескольких книг или же их полное отсутствие. В школьных отчетах значилось, с одной стороны, что «сельские училища большей частью не имеют нужды в учебных пособиях», а с другой – что в библиотеках сельских училищ книги быстро ветшали и их приходилось исключать из фонда.

В начале XX в. начались коренные изменения в книжном и библиотечном деле сибирского региона. Связано это было, прежде всего,

¹ ТОКМ. № 10992/7. Тетрадь 2-я. 1872–1916 гг. Л. 7.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 516. Л. 2–4, 14, 17, 23.

с модернизационными изменениями, которые проходили в Сибири ускоренными темпами. Основными факторами, повлиявшими на это ускорение, были строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, ускорение темпов заселения и хозяйственного освоения земель за Уралом, вследствие чего происходило быстрое освоение огромного края.

Железная дорога ускорила и расширила продвижение книг и периодических изданий в Сибирь. Доставка литературы из центра стала более легкой и доступной. Вызванные строительством Транссибирской магистрали высокие темпы экономического роста, переселенческое движение в Сибирь, возникновение новых населенных пунктов сопровождалось строительством новых школ, церквей, открытием библиотек. Изменялись состав сибирского населения и уровень его грамотности.

При отсутствии земства и земских книжных складов, а также убыточности сельской стационарной книжной торговли наиболее стабильным каналом распространения книги и печати в деревне стали бесплатные народные библиотеки, заботы о которых легли на местное сообщество. Местные жители находили помещение для библиотеки и средства на ее содержание, а также библиотекаря. Помощь в организации библиотек и пополнении их фондов оказывало открытое известным книготорговцем и просветителем П.И. Макушиным «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии», которое за 1902–1919 г. основало около 600 бесплатных библиотек и взяло на себя ответственность за формирование читательского спроса на селе¹.

Формально библиотеки открывались сельскими обществами, дирекциями училищ, обществами трезвости, кредитными и потребительскими кооперативами. На практике кто-то из активных жителей села или лидер инициативной группы обращался с просьбой к Обществу содействия помочь открыть бесплатную библиотеку и выслать

¹ Пронина М.Г. Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX–XX веках. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1986. С. 39–50.

для нее книги. Такими инициаторами чаще всего становились учителя и священнослужители как наиболее образованные и заинтересованные в просвещении народа социальные группы, имеющие педагогический опыт и знакомые с крестьянским менталитетом. Общество оказывало организационную, методическую и в некоторых случаях финансовую помощь.

Просветительные общества играли также роль посредника между властными структурами, от которых зависело открытие библиотек, и крупными книгоиздательскими и книгопродавческими фирмами, поставляющими книги в сельскую местность.

При создании инфраструктуры чтения на селе не менее важным было создание системы методической помощи. Это и подбор готовых библиотечек, и составление индивидуальных для каждой сельской библиотеки каталогов, ответы на запросы читателей и рекомендации библиотекарям.

В настоящее время архив Общества содействия находится в фонде документов Томского областного краеведческого музея¹ и включает в себя 1 697 документов об открытии и деятельности библиотек, переписку библиотекарей с П.И. Макушиным и его дочерью Елизаветой Петровной о выписке газет и книг, а также письма о запросах читателей и возникших проблемах на местах.

Помимо финансовой и организационной помощи сельские библиотекари нуждались в советах, какие книги купить, а также какие газеты и журналы выписать в библиотеку.

Учитель О. Мельников из с. Проскоковское обращался к П.И. Макушину с просьбой составить приблизительный список книг, наиболее желательных для библиотеки. На частные пожертвования он приобрел для Проскоковской библиотеки полное собрание сочинений Некрасова, но в каталог не стал заносить, так как не был уверен, можно его иметь в числе книг народной библиотеки или нет².

¹ ТОКМ. 14167/1–1697. Документы Общества содействия устройству сельских библиотек-читален в Томской губернии.

² ТОКМ. 14167/32.

Священник В. Ляхин из с. Криводаново Томского уезда обратился в Общество содействия с не менее важным вопросом: «Какой бы нам на 1912 г. выписать журнал или газету, по своему изложению вполне доступный пониманию грамотного простонародья. Теперь столько журналов, что не знаешь, какому довериться. Мы получаем 14 газет и журналов, но ни один не понятен вполне деревне. Не откажите прислать печатный перечень газет и журналов, теперь издающихся, достойных внимания. Теперь масса реклам и не знаем, какому верить»¹.

Несмотря на многочисленные рекламные проспекты, изданные Обществом содействия с подробной инструкцией о том, как открывать библиотеку и правильно вести дела, на этапе становления библиотек самыми важными проблемами оставались не финансовые, а правовые, а также отсутствие опыта библиотечной работы у непрофессиональных библиотекарей.

Народные библиотеки были поставлены в особые условия существования, в них допускалась только та литература, которая разрешалась «Правилами для бесплатных народных библиотек-читален» от 15 мая 1890 г. и каталогами Ученого комитета Министерства народного просвещения. Помимо Правил от 15 мая 1890 г. и разрешительных каталогов, книжный состав библиотек также ограничивался многочисленными циркулярами Министерства народного просвещения. Поэтому до 1905 г. сельские библиотеки комплектовались исключительно продукцией столичных типографий. Из периодики для народных библиотек чаще всего выписывались такие журналы, как «Нива», «Всходы», «Родина», «Сельский вестник»². Это объяснялось тем, что каталогами Ученого комитета местная периодика не учитывалась вообще, а популярная либеральная газета «Сибирская жизнь» администрацией учебного округа была признана безусловно непригодной для обращения в народных библиотеках³. Несмотря на то, что большая часть сельских библиотек была открыта уже после 1905 г., когда обя-

¹ ТОКМ. 14167/101.

² Отчет совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии за 1901–1903. Томск, 1904. С. 7–8.

³ ТОКМ. 10992/197.

зательные каталоги Ученого комитета Министерства народного просвещения, жестко регламентирующие чтение, были отменены, последствия разрешительной системы надолго оставались в памяти и сознании читателя из народа. Заведующие библиотеками неоднократно обращались к П.И. Макушину с просьбой выслать список разрешенных в народные библиотеки книг, консультировались по конкретным изданиям.

Так, заведующий Шелаболихинской библиотекой в письме от 4 марта 1914 г. писал: «В Шелаболихе найдутся также люди, которые с удовольствием уступили бы имеющиеся у них книги, но, зная, что не всякая книга допустима в нашу библиотеку, принимать я не решаюсь, поэтому прошу Совет Общества помочь мне в этом»¹.

Активное переселение из Европейской части России и быстрые темпы экономического роста разрушили патриархальный уклад и замкнутость сибирской деревни. Из разных уголков огромной губернии, принявшей на себя основной поток мигрантов, П.И. Макушину приходили письма с просьбой открыть народную бесплатную библиотеку и прислать книги. Вот одно из писем: «Население села Высокой Гривы состоит преимущественно из крестьян-переселенцев, из которых грамотных найдется не менее 1 200 человек. Многие постоянно почти обращаются ко мне с просьбой – дать что-нибудь почитать. А у меня, ввиду того, что училище еще не так давно открыто (с 1 января 1912 г.) в библиотеке не имеется ни одной книжки для внеклассного чтения», – писал заведующий Высокогривским МНП училищем Г.В. Лаврентьев².

Повсеместное развитие народного образования и активное строительство начальных школ сделали возможным приобщение широких слоев населения к знанию, к светской книге. Получив основы грамотности, крестьяне могли самостоятельно путем чтения повышать свой образовательный уровень, формировать свою точку зрения на животрепещущие вопросы.

Из письма священника Терешкинской церкви Иннокентия Серышева: «Хотя в нашем селе имеется две школы... обе они находятся в

¹ ТОКМ. 14167/1128

² ТОКМ. 14167/1051.

плачевном состоянии и понятно, библиотек школьных, не говоря уже о народных, в них нет никаких. В церковной библиотеке нет также подходящих для народного чтения книг... Надо сознаться, что народ здесь очень любит читать, жадно накидывается на газеты и книжки, некоторые даже пробовали поодиночке и вскладчину выписывать газеты, журналы (“Природа и люди”, “Вестник знания”, “Ниву”, “Родину” и др.). В одном Терешкино более 80 человек грамотных... Мы просим выслать нам насколько возможно большую библиотечку с книгами самого разнообразного содержания (дабы мы могли удовлетворить самым разнообразным вкусам и спросам многочисленных читателей), начиная с научного содержания книг, кооперации, медицины и сельского хозяйства, и кончая этнографического, географического, исторического и беллетристического содержания, а если возможно, то и журналы... Лично я уверен и знаю, что библиотека принесет здесь огромную пользу – ибо население очень любит читать – как молодежь, так и взрослые и пожилые»¹.

Начало XX в. характеризуется не только резким ростом читательской активности на селе, но и важными качественными изменениями. Это и секуляризация чтения, и переход от религиозной к светской книге. Светская книга, представленная в основном лубочной литературой, постепенно вытесняется более качественными «изданиями для народа».

Так, библиотеку в с. Алтайском, открытую в 1905 г. местным церковно-приходским попечительством совместно с Обществом содействия и Павленковским фондом, уже в первый год работы посетили 215 читателей, и было произведено 1 940 выдач книг. Наибольшим спросом пользовались романы, повести и рассказы А.Н. Толстого и Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.Я. Данилевского, В.И. Немировича-Данченко, Г.-Х. Андерсена. Читали книги и духовно-нравственного содержания (173 выдачи), 114 книг из раздела русской и всеобщей истории². В 1906 г. книговыдача выросла до 2 758³.

¹ ТОКМ. 14167/1280.

² ТОКМ. 14167/1001.

³ ТОКМ. 14167/1002.

Переписку с Обществом содействия вел член попечительства священник А. Рыбкин, выписывая книги в читальню для народного чтения и литературу для личного использования: «...Прошу послать толкование на Апокалипсис Андрея Кесарийского. Можно наложенным платежом. Кроме сего прошу распорядиться о высылке еще поваренной книги: “Экономная кухарка” М.И. Хмелевской. 1-я книга нужна к 26-7 декабря для споров с раскольниками, а посему чем скорее будет выслана, тем лучше»¹.

Данный пример свидетельствует о том, что, помимо удовлетворения духовных запросов и заполнения досуга, книга находит практическое, утилитарное применение, становится ежедневной потребностью на работе и в быту.

Быстро изменяющийся традиционный крестьянский уклад оказал влияние не только на ценностные ориентиры, но и на функциональные обязанности жителей села. Повсеместно в сельской местности появляются потребительские и кредитные товарищества, маслодельные артели и кооперативы. Члены правления товариществ и кооперативов все чаще становятся ходатаями об открытии библиотеки для своих членов, ежегодно выделяя из прибыли от 25 до 150 руб. на покупку книг и выпуск газет. Новые приемы ведения хозяйства, бурное развитие животноводства и маслоделия требовали новых знаний, внедрения новой техники, изучения специальной литературы.

Кредитные и потребительские общества и кооперативы все чаще заказывали книги по сельскому хозяйству и кооперации. Так, правление Колыванского кредитного товарищества (Змеиногорский уезд) выделило 50 руб. на покупку книг по кооперации, сельскому хозяйству и ремеслам², в библиотеку Плесо-Курьинского училища была заказана литература по полеводству, огородничеству, лесоразведению, скотоводству и птицеводству³.

Библиотекой села Карасевского Барнаульского уезда, открытой в 1913 г., пользовались жители всех деревень и сел, входящих в состав

¹ ТОКМ. 14167/992.

² ТОКМ. 14167/1642.

³ ТОКМ. 14167/1034.

Карасевского кредитного товарищества, которое и выделяло средства на комплектование. К концу 1915 г. библиотека имела 300 книг и 150 читателей, выписывались такие газеты и журналы, как «Алтайское дело», «Русское слово», «Сибирское сельское хозяйство», «Вестник кооператива»¹.

Хотя по статистике большая часть народных библиотек открывалась при школах и заведовалась учителями, необходимо учитывать, что в сельской местности Томской губернии преобладали церковно-приходские школы, находящиеся под управлением епархиального начальства. В Сибири не было той конкуренции между министерской, церковной и земской школами, которую мы встречаем в Европейской России, поэтому накопленный духовенством педагогический опыт, особое внимание к воспитательной стороне обучения и чтения были чрезвычайно востребованы при учреждении сельских библиотек, значительная часть которых была открыта в церковных сторожках либо дома у священников или псаломщиков. «Более 20 лет было моей мечтой открыть в Таловке публичную библиотеку», – пишет в своем письме попечитель и секретарь Таловского кредитного товарищества священник С. Добронравов (Змеиногорский уезд). После того как губернатор отказал в ходатайстве товарищества открыть библиотеку, дабы «не отвлекать членов товарищества от их прямых обязанностей», С. Добронравов обратился с просьбой в Общество содействия помочь устроить библиотеку при школе с условием, что библиотекарем будет один из учителей, а кредитное товарищество будет помогать материально. Взяв библиотеку под свое покровительство, всю ответственность за нее и организационную работу священник взял на себя².

Наряду с учителями сельское приходское духовенство уделяло большое внимание просвещению народа, открывало библиотеки и заботилось об их материальном положении, организовывая вокруг них заинтересованных лиц и попечителей. Вызывает интерес и репертуар чтения приходского духовенства. Так, в Смоленскую народную библиотеку Бийского уезда в 1915 г. было пожертвовано священни-

¹ ТОКМ. 14167/1076.

² ТОКМ. 14167/1610.

ком Дмитрием Смирновым 200 книг различного содержания, среди которых рассказы Л. Андреева, Л.Н. Толстого, К. Гауптмана и др.¹ Это свидетельствует о повышении интереса к светской книге и среди духовенства.

В целом на селе чаще всего спрашивали беллетристику: русскую и зарубежную классику, приключенческую, детскую и историческую литературу. Большой популярностью пользовались повести и рассказы современных писателей².

В современной исследовательской литературе, в основном основанной на общероссийском материале, до сих пор бытует мнение, что в крестьянской среде преобладала религиозная и лубочная литература, а классика была трудна для понимания людей, получивших грамотность, но не имеющих систематического образования³. Все помнят примеры легкого чтения – сонники, оракулы, про Милорда глупого, Еруслана Лазаревича. Выводы, сделанные на общероссийском материале, неоправданно распространялись на всю страну, в том числе и на Сибирь, хотя характер чтения в Европейской части России и в Сибири отличался.

Так, в крестьянской среде Верхнего Поволжья духовная литература находилась по востребованности на втором месте и занимала 19,5%⁴. По материалам центрального Черноземья среди читателей наибольшим спросом пользовалась беллетристика (48%), а духовно-нравственная литература составляла 26%⁵. На материале народных библиотек

¹ ТОКМ. 14167/870.

² Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2012. С. 81–85.

³ Буганов А.В. Духовная книжность и письменность русских крестьян XIX века // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 326.

⁴ Нуждина А.А. Книга в крестьянской среде Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Научные ведомости. 2007. № 8 (39). Вып. 4. С. 86–92.

⁵ Кононова Т.Л. Читательская аудитория и чтение в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Центрального Черноземья) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 265–269.

Томской губернии доминирование религиозной и лубочной литературы не подтверждается. В целом духовно-нравственная литература не занимала в чтении сибирских крестьян более 10–15%, а в большей части селений не превышала 3%¹.

Читательская аудитория сибирских народных библиотек в основном состояла из учащейся молодежи, в большей степени ориентированной на светскую книгу. Из ежегодных отчетов, поступающих в Общество содействия, видно, что книги и брошюры из духовно-нравственного отдела, обязательно присутствующие в народных библиотеках, читали мало или не читали совсем. Не читались также книги по философии, медицине и юридическим наукам.

В сохранившихся каталогах бесплатных библиотек и списках ветхих и утраченных книг отсутствовала и лубочная книга. Скорее всего, это объясняется более поздним открытием самих библиотек, которое приходится на начало XX в., когда уже был накоплен определенный опыт в издании и распространении книг для народа. К этому времени крупные российские издатели вместо лубочных книг перешли к изданию более качественной литературы. Книга стала доступной, дешевой и разнообразной. Такие «толстые» журналы, как «Нива», «Родина», «Вокруг света», вместе с подпиской бесплатно рассылали в качестве приложений произведения наиболее популярных писателей. Таким образом, целые собрания сочинений русской и зарубежной классики попадали даже в самые отдаленные «медвежьи» уголки.

Вопреки мнению о том, что открытые П.И. Макушиным сельские библиотеки комплектовались в основном изданиями промонархической и религиозной тематики, а классики русской и зарубежной литературы были представлены на книжных полках довольно скудно, библиотечные отчеты свидетельствуют о наличии разнообразного репертуара и большого интереса крестьян к классике.

Особой популярностью пользовались рассказы из народного быта Л.Н. Толстого «Где любовь, там и бог», «Хозяин и работник», «Чем

¹ Отчет совета общества содействия устройству сельских библиотек-читален в Томской губернии за 1904–1907 г. Томск, 1908. 49, 4 с.

люди живы». Они считались доступными для народного понимания и входили в обязательные и рекомендательные списки литературы для народного чтения, однако и его романы «Война и мир», «Воскресение» нередко находились в списках самых читаемых.

Так, в Койновской библиотеке среди 10 самых выдаваемых авторов на первом месте оказался Ф.М. Достоевский, его роман «Преступление и наказание» в 1912 г. был выдан 24 раза, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу – 24 раза, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя – 20 выдач. Далее шли сочинения А.С. Пушкина, А.Ф. Писемского, а Вальтер Скотт среди десяти самых читаемых книг оказался на последнем месте. В некоторых библиотеках среди выдач лидировали романы Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Воскресение», которые выдавались более 20 раз в год¹.

Делая заказы на новые книги, библиотекари отмечали неподдельный интерес крестьян к произведениям классиков. В ежегодных библиотечных отчетах на вопрос анкеты о том, нужно ли пополнить библиотеку и какими книгами, довольно часто встречаются следующие ответы: «Большой спрос на Пушкина, Лермонтова, Толстого и др. классику» (с. Тисуль, Мариинский уезд)²; «Желательно было бы иметь полное собрание сочинений Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Гончарова» (с. Прокудское, Томский уезд)³. Из с. Алтайского Бийского уезда в 1907 г. поступили запросы на следующие книги, которых не оказалось в библиотеке: произведения Аксакова, Достоевского, Островского, полное собрание сочинений Л.Н. Толстого (особенно «Война и мир», «Анна Каренина»)⁴. «Очень нужно [пополнить библиотеку] произведениями образцовых русских писателей: Л.Н. Толстого, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Жуковского, Лермонтова, Тургенева» (с. Балта Томского уезда)⁵. Казак Георгий Степанович Губко (с. Ново-Кривошеинское Томского уезда) пишет: «Желательно иметь

¹ ТОКМ. 14167/1145.

² ТОКМ. 14167/777.

³ ТОКМ. 14167/95.

⁴ ТОКМ. 14167/1004.

⁵ ТОКМ. 14167/113.

ввиду большого спроса Тургенева “Записки охотника”, Л. Толстого, Короленко, Чехова и другие»¹. «Нужен Достоевский», – пишет отставной есаул Иван Лукич Мокин со станицы Антониевской Бийского уезда².

В одних библиотеках заказывали сказки для детей, в других – литературу по сельскому хозяйству и кооперации, в третьих читали в основном периодику, но классика и современная беллетристика были востребованы повсеместно. Неоднородность крестьянской среды и разброс в читательских предпочтениях были большими. Так, в селе Плешковском Бийского уезда требовалось больше сказок, причем сказки читали не только подростки, но и взрослые из-за более крупного шрифта³. Во вторую очередь поступали запросы на рассказы, путешествия. В Нижне-Каменской народной библиотеке подписчики «в восторге от книг Лункевича, где так просто и понятно изложены сведения из физической географии и из жизни животных и проч., что положительно читаются нарасхват, но хотя пальму первенства получил Князь Серебряный (Алексея Толстого) и Юрий Милославский (Загоскина), последние книги знают почти все давнишние подписчики, но все-таки берут их и читают вновь. Очень часто спрашивают книгу “Хижина дяди Тома” (Бичер Стоу), но она у нас зачитана и приходится отказывать. Газету “Сибирская жизнь” и журнал “Сибирский земледелец” читают по воскресеньям в школе, потому что на дом их не даем»⁴.

Интересуясь отечественной литературой, чаще всего деревенские читатели спрашивали сочинения Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, особенно «Записки охотника», Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Рубакина, Н.А. Некрасова, В.Г. Короленко, М.Ю. Лермонтова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.И. Немировича-Данченко, басни И.А. Крылова. Из иностранной литературы самыми читаемыми были Г.-Х. Андерсен, Г. Бичер-Стоу, Г. Сенкевич, Д. Дефо, Ч. Диккенс, М. Твен и др.

¹ ТОКМ. 14167/152.

² ТОКМ. 14167/923.

³ ТОКМ. 14167/951.

⁴ ТОКМ. 14167/964.

В народные библиотеки и после 1905 г. по-прежнему закупались книги столичных издательств. Ассортимент местной книжной продукции с преобладанием делопроизводственной, справочной, научной и статистической литературы был для сельского читателя малопривлекательным. Исключением можно считать лишь газету «Сибирская жизнь», которая была популярна не только в Томске, но и имела широкое распространение на территории всей Сибири. Газета имела солидную литературную часть и стремилась познакомить своих подписчиков с новинками местной поэзии и прозы. Здесь публиковались первые рассказы В.Я. Шишкова, Г.Д. Гребенщикова, стихи Г.А. Вяткина, Вс. Долгорукова и М.Г. Васильевой, воспоминания Г.Н. Потанина и др.

Интерес к сибирской литературе и сибирской книге пробуждался и на селе, но процесс этот шел очень медленно. При анализе документов из архива Общества содействия о состоянии народных библиотек в Томской губернии были обнаружены лишь несколько писем с просьбой выслать книги о Сибири.

В 1915 г. в отчете о деятельности Романовской библиотеки ее заведующий писал: «...считаю нужным выразить желание иметь в библиотеке несколько книг, подробно ознакомили бы с Сибирью вообще, Томской губернией в частности и Алтайским округом в особенности, например, из трудов Потанина, Гребенщикова и других современных сибирских писателей, а также газеты: “Сибирскую жизнь” и “Утро Сибири”»¹.

В годы Первой мировой войны потребность в получении оперативной информации резко возросла. «По причине переживаемого времени спрос на книги крайне ослабел, газета же буквально расхватывается на захват», – писал учитель Овечкинского сельского училища в совет Общества содействия. Далее он писал: «Считая крайне нежелательным с нового года остаться без этой газеты, осмелюсь покорнейше просить Совет общества и впредь принять за свой счет высылку ее на все время войны»².

¹ ТОКМ. 14167/1419.

² ТОКМ. 14167/1220.

Несмотря на отсутствие средств, выписка газет для народных библиотек стала массовым явлением. Так, библиотекарь Зятьковской библиотеки Барнаульского уезда в анкете за 1915 г. сообщал, что «на будущий год ни журналов ни газет не выписано... средств не предвидится по причинам тяжелой жизни»¹. В следующем письме он просил Совет Общества содействия хотя бы одну «Сибирскую жизнь» высылать бесплатно, «ибо в такие времена каждое общество интересуется новостями». Если в 1915 г. газета была выписана на средства Общества содействия, то в следующем 1916 г. местное кредитное товарищество выделило 25 руб. на покупку книг и 5 руб. на выписку «Сибирской жизни»².

Помимо «Сибирской жизни», Общество содействия бесплатно или по льготной цене поставляло во многие читальни губернии местный журнал «Сибирский земледелец и садовод». Для увеличения объемов и географии распространения местной издательской продукции П.И. Макушиным была разработана долгосрочная программа адресной поддержки потребителей. Через скрытую рекламу и прямые дотации на подписку томских газет и журналов П.И. Макушин и созданное им Общество содействия постепенно оказывало влияние на читательские вкусы и интересы. А через газету «Сибирская жизнь» сельские жители знакомились с новинками сибирской прозы, поэзии и публицистики.

Вопреки мнению, что книгопродавцы сбывают в деревню все ненужное, литература, которая считалась низкосортной или бульварной, в народные библиотеки Томской губернии не попадала. Отбор в народные библиотеки был очень тщательным и многоступенчатым. Этот отбор происходил как на уровне правительства с помощью цензурных ограничений и составления обязательных и рекомендательных списков книг для народа, так и на уровне издателей и книгопродавцев, а затем уже и библиотекарями на местах.

Так как характер чтения прежде всего зависел от содержания и состава фондов библиотек, особая ответственность за их комплектова-

¹ ТОКМ. 14167/1063.

² ТОКМ. 14167/1064.

ние возлагалась на библиотекарей. Чаще всего ими оказывались учителя (75% библиотек находилось при школах). В силу своей профессии библиотекари-учителя заказывали в основном лучшие произведения русской и зарубежной классики и не допускали в библиотеку уголовно-бульварную литературу, которой было очень много на рынке.

Наиболее активные местные жители хотели не только получать книги и периодику, но и участвовать в распространении просвещения среди остальной крестьянской массы. Среди местных жителей с. Ново-Обинского Бийского уезда в 1915 г. был организован кружок любителей чтения, члены которого решили учредить Ново-Обинское библиотечное общество для привлечения и приучения крестьян к чтению.

Учредителями библиотечного общества выступили крестьяне М.Т. Ушаков и А.В. Матвеев, волостной писарь А.П. Буслов и его жена А.А. Буслова, учитель церковно-приходской школы В.А. Ландышев и священник Алексей Ландышев. На собранные по подписке 120 руб. были выписаны газеты: «Русское слово», «Русские ведомости», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Сибирская жизнь» и «Жизнь Алтая», и журналы: «Нива», «Родина», «Природа и люди» с приложением, «Всемирная панорама» с приложением, «Сатирикон», «Современник», «Современный мир», «Русские записки». Материальную помощь кружку оказало местное кредитное товарищество, ассигновав 100 руб. на покупку книг. На эти деньги были заказаны собрания сочинений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и других русских писателей-классиков¹.

Чтение русской и зарубежной классики свидетельствует о пробуждении духовных интересов в крестьянской среде, сельских читателей волновали вопросы не только практического, но и мировоззренческого характера. В книгах крестьяне видели единственный доступный источник знаний для повышения своего образовательного уровня.

В крупных промышленных и торговых селах, таких как Усть-Чарышская пристань, уже зарождался другой, более взыскательный тип читателя. Для них в читальню были заказаны рассказы Л. Андре-

¹ ТОКМ. 14167/884-886.

ева, «Горящие здания» К.Д. Бальмонта, 5 произведений К. Гамсуна, сочинения М. Горького, Г. де Мопассана (12 т.), Э. Золя, Г. Ибсена, «Борьба миров» Г. Уэллса, «Крейцера соната» Л.Н. Толстого и «Воскресение» (с рис. Л.О. Пастернака [!]), а также Ч. Ломброзо «Генный и помешательство», Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» и др.¹ Этот список говорит не только о более взыскательных, но и хорошо осведомленных о новинках литературы читателей.

Фонды сельских библиотек не могли претендовать на универсальность, но и об узкой специализации также не приходится говорить. В библиотеке обязательно должны были присутствовать книги для детского и душеполезного чтения, книги по истории и естествознанию, сельскому хозяйству и кооперации. Крестьяне просили книгу «хорошую», «умную» и «полезную».

Видно, что в среде сельских книголюбцев сложились собственные представления о «хорошей» и «полезной» книге. Кроме доступной цены и небольшого объема, ее текст должен был быть доступным для понимания и легко восприниматься на слух. Книги подбирались такие, что могли вполне удовлетворить невзыскательный и неизбалованный вкус крестьянина. «Кому что требуется, то и дадим», – писал П.И. Макушин в юбилейном отчете Общества содействия².

Чтение сельских читателей не было круглогодичным и имело сезонный характер, связанный как с особенностью сельскохозяйственного труда, так и с закрытием библиотек при школах на время каникул. В летние месяцы крестьяне практически не читали, зато в зимнее время у них было больше возможностей и времени для чтения.

Наличие лишь начальных школ в сельской местности Сибири и полное отсутствие школ среднего звена (гимназий, прогимназий, реальных училищ) также влияло на репертуар чтения. Ни взрослые, ни дети не читали книг на древних и новых языках из-за их незнания. Не было проявлено интереса и к модернистской литературе, которая

¹ ТОКМ. 14167/911.

² Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии : краткий очерк деятельности общества за время его существования и отчет совета общества за 1910–1912 г. Томск, 1912. С. 5.

вызывала повышенный интерес среди городской молодежи, в основном студенческой. Среди наиболее читаемых книг в сельских библиотеках мы не найдем таких популярных в начале века среди городской читающей публики авторов, как А.А. Вербицкая, Л.А. Чарская, А.В. Амфитеатров, А. Конан-Дойль.

Помимо индивидуального чтения на селе широко применялась практика прочтения книг вслух для малограмотных и неграмотных крестьян. Книги часто брались учениками в народных или школьных библиотеках и прочитывались в кругу семьи. Нередко практиковали чтение вслух и учителя во время школьных и внешкольных занятий с учениками, прививая тем самым любовь к книге.

Вот что писал о значении народных чтений заведующий Панкрушихинской библиотекой учитель В.Н. Голованов: «Книги, как и предполагалось, охотно берутся крестьянами, особенно молодежью, но далеко не всеми и не в таком количестве как было бы желательно... Но кроме этой есть еще другая более важная причина недостаточности подписчиков, это – очень слабая заинтересованность крестьян в книге, я пришел к решению устроить в своем селе народные чтения с волшебным фонарем. Мне кажется, что эти чтения, разумеется, правильно организованные, послужат довольно сильным средством в борьбе с равнодушием крестьян к книге»¹.

В праздничные и воскресные дни для жителей села проводились народные чтения с показом «туманных» картинок с использованием «волшебного» фонаря, или проектора. «В настоящем году, – пишет П.И. Макушину в 1913 г. заведующий Михайловской народной библиотекой (Каинский уезд), – училищем получен довольно приличный волшебный фонарь. С помощью его я надеюсь привлечь крестьян к школе и библиотеке, демонстрирование картин будет сопровождаться чтением»².

Тематика чтений была самой разной: духовно-нравственные рассказы, беседы на исторические темы, о законах природы, медицине и гигиене, сельском хозяйстве и вреде алкоголизма. Статьи научного

¹ ТОКМ. 14167/1039.

² ТОКМ. 14167/479.

содержания и известия с полем сражений чередовались с литературными произведениями. Лекторами выступали учителя, священники, грамотные крестьяне и другие представители нарождающейся сельской интеллигенции. Будучи самодостаточной формой культурно-просветительской работы, народные чтения поддерживали интерес к книге среди неграмотных и малограмотных крестьян.

При сельских библиотеках для пополнения средств на покупку книг и привлечения интереса к книге и чтению все чаще устраивались спектакли силами местных любителей.

«Крайне желательно получить в числе прочих книг пьесы Островского, а также пьесы других писателей, подходящие для народного театра», – писал в 1916 г. заведующий Балыксанской народной библиотекой учитель П. Ушаков¹. В декабре 1913 г. в пользу Косихинской народной библиотеки в помещении Косихинского 2-классного училища местное интеллигентное общество изъявило желание поставить комедию Гоголя «Женитьба» и водевиль Гулливера «Дело в шляпе»². Заведующий Мало-Бутырской народной библиотекой (Барнаульский уезд) А.Г. Александрова обратилась в совет Общества содействия с просьбой о пополнении библиотеки пьесами для народного театра, чтобы в течение зимы дать несколько спектаклей в с. Бутырках³. От заведующего Орехово-Логовским училищем К.И. Кондратьева поступил заказ на драматические сочинения, доступные «для постановки на сельской сцене, не богатой декоративностью. Желательны уже любимые народом Чехов, Мельников-Печерский, Короленко»⁴.

«Мы не просим у Вас материальной поддержки, – пишет П.И. Макушину заведующая Кольванской библиотекой М.И. Буткеева, – это мы надеемся со временем сами приобрести, а просим дать нам материалу, хотя бы для первых спектаклей, очень бы хотелось иметь Островского, так как это самые подходящие пьесы для деревни и ими,

¹ ТОКМ. 14167/931.

² ТОКМ. 14167/1283.

³ ТОКМ. 14167/1299.

⁴ ТОКМ. 14167/1251.

как очень понятными и содержательными, легче всего приохотить народ к театру»¹.

Во время Первой мировой войны на селе нередким явлением становится и кинематограф. При этом Обществу содействия приходилось не только поставлять материал для чтений и спектаклей, лент для кинематографа, но и хлопотать перед губернским начальством об их разрешении.

Когда в одном из писем П.И. Макушину заведующий Таловской библиотекой священник С. Добронравов обратился в Общество содействия за помощью в организации сеансов кинематографа при библиотеке (библиотека получила аппарат кинематографа в подарок), на обороте письма Макушин карандашом написал необходимые действия для получения соответствующего разрешения:

«1. Получить приговор от сельского о[бществ]ва, что против устройства кинематографа оно ничего не имеет.

2. Разрешение на здание.

3. Если училище, то разрешение училищного начальства.

4. Приложить план местности и план помещения в 2-х экземплярах (план должен быть засвидетельствован волостным начальством).

5. Подать прошение губернатору по строительному отделению от имени заведующего кинематографом, в данном случае от священника.

6. Указать, что кинематограф будет преследовать цели...

Если кинематограф устраивают не для учебных целей, а вообще для народа с взиманием платы за вход, то необходимо оплатить документы гербовым сбором»².

Прочитав эти требования и многочисленные запросы селян на проведение театральных постановок и кинематографических сеансов, становится понятным, для чего П.И. Макушину понадобилось учреждение в 1914 г. нового «Общества содействия устройству в селах и деревнях Томской губернии разумных развлечений».

Как и в губернском центре, процесс чтения в сельской местности сочетался с другими формами проведения досуга: музыкальными номерами, танцами, показом «туманных» картин, театральных пред-

¹ ТОКМ 14167/1639.

² ТОКМ 14167/1617.

ставлений и кинематографа. Необходимое оборудование продавалось в том же магазине Макушина. После продажи типографии Сибирскому товариществу печатного дела П.И. Макушин перешел на так называемую малую полиграфию – успешно торговал печатными машинками, мимеографами, гектографами и другой техникой, в том числе волшебными фонарями и кинематографами¹.

В результате модернизационных изменений в сельской среде появляются и все больше распространяются городские формы проведения досуга и городского образа жизни. Как и в городах, в сельской местности начинают развиваться различные формы самоорганизации местных жителей вокруг библиотек, появляются собственные культурно-просветительные организации и кружки любителей чтения, кружки любителей драматического искусства, способствующие продвижению книжной культуры в крестьянскую среду.

Сельские библиотеки, являясь первоначальным звеном, а впоследствии и основной частью инфраструктуры чтения, становятся комплексными информационными, образовательными и досуговыми учреждениями.

Как и в городской среде, читательская активность росла в том случае, когда у читателя имелась возможность принимать участие в создании сельской библиотеки и формировании ее фондов. Показателен пример детской народной «библиотеки-копейки» Каргатского сельского училища (Каинский уезд) как одного из наиболее удачных образцов участия и соучастия подрастающего поколения в создании и поддержании своей библиотеки.

Цели создания библиотеки описал в письме П.И. Макушину учитель Каргатского училища Павел Соловьев: «Необходимо составить такую библиотеку, подобрать такие книги, чтобы читатель, раз посетит библиотеку, не порывал бы с нею связи и потом»². Библиотека

¹ Шевцов В.В., Карташова Т.П. Инвестиционно-предпринимательская деятельность П.И. Макушина в области культуры и просвещения (по материалам томских архивов и периодической печати) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 102.

² ТОКМ. 14167/422.

управлялась самими детьми и существовала исключительно на средства, которые они собирали между собой в течение года по копейкам и пятачкам. В 1916 г. детьми было собрано 7 руб. для выписки «интересных» книг. П. Соловьев пишет: «Желая приучить их к самостоятельности, а также узнать, какие книги их больше всего интересуют, я выдал им четыре каталога книг и предложил самим выбрать книги для выписки. Ни одна книга из их списка мною не заменена и не исключена. Только последние пять мною добавлены по просьбе самих детей. Библиотека со времени ее организации пополнялась ими уже два раза через О[бщест]во содействия и теперь насчитывает 92 №»¹. Уже в первый год, когда были выписаны первые 42 книги, их выдача за время с 15 сентября по 20 декабря составила 557 раз. Затем на 3 руб. 54 коп. было выписано еще 58 изданий (в издательствах Сытина, «Посредника», несколько книг у Луковникова и Слепцовой). Детская «библиотека-копейка» пользовалась среди учеников громадным успехом. Деятельность ее была всецело сосредоточена в руках самих детей. У них имелись свой выборный библиотекарь, свой казначей, помощник библиотекаря и сборщик денег². Совершенно логичной и естественной стала следующая просьба П. Соловьева порекомендовать какую-нибудь книгу об организации и открытии просветительных обществ и учреждений в деревнях, чтобы в их программу могли входить народные чтения, лекции, «туманные» и кинематографические сеансы³.

Из этих документов мы видим, что при наличии небольших отличий в читательском репертуаре на селе и в городе механизм продвижения чтения остается неизменным, особенно в детско-юношеской среде. Главное условие успешности проектов – присутствие посредника между книгой и читателем. В детской среде – это присутствие и ненавязчивое руководство умного взрослого (родителя, воспитателя, библиотекаря, учителя и т.д.), его умение привлечь молодых людей к чтению, заразить силой собственного примера, сформировать вокруг

¹ ТОКМ. 14167/459.

² ТОКМ. 14167/453.

³ ТОКМ. 14167/461.

себя читательские клубы, группы, кружки, развивать читательское взаимодействие. Для взрослого читателя не менее важным оказалась помощь в ориентировании в море печатной продукции.

3.2. Читательские интересы и практики старообрядцев

В музеях и библиотеках Томска хранится целый ряд книжных собраний, принадлежавших старообрядцам, которые проживали на территории Томской губернии в XIX и XX вв.: это, например, библиотека первого старообрядческого епископа Сибири Савватия, библиотека Нифантовых, Заимочная и Скитская библиотеки. Эти книжные собрания демонстрируют особенности репертуара чтения старообрядцев. Он включает в себя такие сегменты, как литература богослужебная, богословская, полемическая, четья.

Богослужебные книги – это книги, признанные церковью и содержащие чинопоследования и молитвословия, а также уставные указания. В православной церкви совершать богослужения разрешается только по соответствующим книгам; то же относится и к старообрядцам. Среди богослужебных книг можно назвать Евангелие, Апостол, Псалтирь, Типикон (Устав), Служебник, Требник, Триодь и т.д.

Богословские книги содержат систематическое изложение религиозных догматов. Богословие представляет собой комплекс дисциплин, основными из которых являются: изучение и интерпретация священного писания (этим занимаются, например, библеистика, герменевтика); изучение и систематическое изложение церковного вероучения (апологетика, догматическое богословие и др.); исследование истории церкви; изучение внутренних аспектов церковной жизни (литурика, каноническое право и т.д.).

Полемические книги начали создаваться с момента возникновения старообрядчества; один из ярчайших примеров – труды протопопа Аввакума (Петрова). Существуют полемические сочинения, отражающие дискуссию старообрядцев с православной церковью; кроме того, поскольку старообрядчество не является монолитным, а подразде-

ляется на множество толков и согласий, имеется также полемическая традиция, представляющая споры представителей различных направлений в старообрядчестве между собой.

Четыре книги – это книги, предназначенные для чтения. Среди них были очень популярны сборники, включающие чтения на определенный день каждого месяца (Пролог, Минеи четы и др.), сочинения известных церковных писателей (Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина и др.). Однако встречались среди них и исторические сочинения (Хронограф и др.), естественнонаучные (например, травники) и даже беллетристические тексты.

В перечисленных выше старообрядческих библиотеках эти сегменты представлены в разной степени в зависимости от назначения библиотеки. Также специфика библиотек связана с тем, представителями какого старообрядческого согласия она формировалась. Старообрядчество подразделяется на два основных крупных направления: поповство и беспоповство; основная разница между ними заключается в признании или непризнании священства. К поповскому направлению относятся Белокриницкое согласие, беглопоповцы, федосеевские, часовенные и др. Среди беспоповских согласий можно назвать поморцев, филипповцев, бегунов (странников) и т.д.

В качестве примера библиотеки, принадлежавшей представителю Белокриницкого согласия, можно привести библиотеку первого сибирского старообрядческого епископа Савватия. Она была конфискована при аресте Савватия в Кузнецке в 1867 г. Реконструировать ее состав позволяет как опись, сохранившаяся в Государственном архиве Томской области, так и отдельные рукописи (11 ед.), хранящиеся сейчас в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ. Среди этих рукописей представлены сочинения уставного характера («Изложение о принятии приходящих от ересей», «Указ вкратце великого образа»), обрядово-догматического («Выписки о епископах», «Краткое показание о важности символа, образуемого двуперстным сложением»), историко-полемического плана («Краткое обозрение существования церкви единоверческой» и др.). В целом состав библиотеки дает представление не о круге интересов владельца,

а о круге исполняемых им обязанностей. Это в первую очередь библиотека, необходимая для работы (полемики, просвещения, бесед с единоверцами), личность она практически не характеризует.

Отметим такие внешние отличительные признаки этих рукописей, как малый формат и скромное убранство; все это свидетельствует о том, что рукописи принадлежали к походной библиотеке. Можно также говорить о широте функций, которые возлагались на епископа Сибирского: это совершение богослужений, полемика с иноверцами, организация обучения детей. Книги показывают нам высокий уровень книгописной мастерской, из которой они вышли, ее верность традициям древнерусской книжной культуры.

Представители старообрядческой семьи Нифантовых, проживавшие на территории Томской губернии в конце XIX – начале XX в., принадлежали к поморскому согласию. Библиотека Нифантовых была реквизирована в 1924 г. и хранится в настоящее время в Томском областном краеведческом музее. Это собрание реконструировала и изучила О.Н. Бахтина; в настоящее время идентифицированы все 26 книг из его состава: 7 рукописей и 19 книг кириллической печати. В качестве богослужебной литературы хозяева библиотеки рассматривали почти исключительно московские дониконовские издания (Апостол (М., 1623), Минея служебная на июнь (М., 1627) и др.); среди рукописей к богослужебным относятся лишь Псалтирь и Октоих. В качестве душеполезного чтения привлекались украинские издания (например, Кирилл Транквилион (Ставровецкий). Зерцало богословия. Киев, 1623), издания старообрядческих типографий и рукописи достаточно раннего письма – например, знаменитая «Книга степенная царского родословия».

Поскольку Алексей Нифантов характеризовался как очень грамотный начетчик, ведущий регулярные дискуссии с представителями официальной церкви, неудивительно, что среди принадлежавших ему книг были и синодальные издания XVIII в.: очевидно, полемист предпочитал досконально изучать доводы потенциального противника. Однако при анализе библиотеки Нифантовых следует помнить, что, весьма вероятно, в фондах ТОКМ отложилась лишь часть этого

книжного собрания. Поэтому представление о нем, которое мы можем сейчас составить, вполне может быть ограничено и однобоко.

На территории Томской области проживал целый ряд общин старообрядцев-странников – одного из самых радикальных старообрядческих согласий, не признающих священство и отвергающих большинство благ современной цивилизации. Обычно они компактно проживают в скитах, расположенных в труднодоступных местах, в тайге и избегают общения с внешним миром. Одним из примеров книжного собрания такой общины может служить Заимочная (Тиуновская) коллекция. Ее коллективным владельцем являлась старообрядческая община, проживавшая в конце XIX – начале XX в. в бассейне р. Кеть, которая включала в себя несколько семейных кланов. В настоящее время это книжное собрание рассредоточено по разным хранилищам: Томской областной краеведческий музей, Научная библиотека ТГУ, Институт истории СО РАН (г. Новосибирск). Собрание насчитывало более 100 ед. Изучением книг этой коллекции занимались как томские (О.Н. Бахтина, Л.Н. Приль), так и новосибирские исследователи (А.И. Мальцев).

Самая ранняя рукопись Заимочной коллекции – Евангелие (первая половина XVI в.); имеются три рукописи XVIII в.: богослужебные (Псалтирь с воследованием) и четыре текста (Пролог на сентябрь–февраль и др.). Остальные рукописи относятся к концу XIX – началу XX в.; наиболее известны из них дневниковые записи таежных жителей (например, «Островной летописец»).

В составе Заимочной коллекции обращают на себя внимание рукописи на бересте. Вероятно, они репертуарно восполняли круг чтения скитников в части преимущественно житийных и поучительных текстов, не перекрывая репертуар рукописей на бумаге того же собрания. Среди текстов нет ни ряда стандартных богослужебных, ни серьезных полемических, ни догматических сочинений. Кроме того, письма на бересте выполняли коммуникативную функцию; делались на бересте и различные записи бытового характера.

В целом Заимочная коллекция подтверждает необходимость более тщательного исследования практически не изученных по сей день

поздних рукописей на бересте. Они чрезвычайно интересны именно как исключения из правил, как примеры возрождения / затухания кириллической традиции – даже в том случае, если они являлись лишь единичными примерами.

Таким образом, рассмотренные выше старообрядческие библиотеки дают представление о книжных собраниях разных согласий: от представителей Белокриницкой иерархии до старообрядцев-странников. Видно, что состав библиотек определялся функциональным их назначением: так, сугубо практическая библиотека Савватия содержит преимущественно рукописи XIX в., призванные помочь ему в исполнении повседневных обязанностей, но никак не характеризует его личность. Что касается других библиотек, характерно наличие в них довольно ранних рукописей (в том числе XV–XVI вв.), а также их более «личностный» характер: наличие полемических заметок, частной переписки и даже дневников.

Одной из существенных проблем истории книги является вопрос распространения книги; ответ на него включает в себя рассмотрение проблем книготорговли, истории читателя и др. Очень часто выясняется, что книги мигрировали на огромные расстояния и сменяли нескольких владельцев; не являются исключением и белорусские издания XVI–XVII вв., отложившиеся в хранилищах Сибири.

Книги, напечатанные на территории Беларуси в XVI–XVII вв. оказывались в Сибири разными путями. В настоящее время выявлено 4 издания XVI в. в 6 экз., находящихся в двух хранилищах: Научной библиотеке Томского государственного университета и Томском областном краеведческом музее.

Самое раннее из белорусских изданий в томских хранилищах – Евангелие, напечатанное Петром Тимофеевым Мстиславцем в Вильно в 1575 г. Издание имеется в Томске в двух экземплярах; один из них, хранящийся в НБ ТГУ, поступил в библиотеку с коллекцией Тобольского церковного древлехранилища¹. Эта коллекция начала формироваться в XVII в. Назначаемые на сибирскую кафедру епископы и мит-

¹ ОРКП НБ ТГУ. В-755.

рополиты нередко привозили с собой как единичные книги, так и целые собрания. Тобольское собрание издавна привлекало внимание исследователей. Еще в 1850-е гг. известный краевед А. Сулоцкий писал, что соборная библиотека размещалась тогда в ризнице и в ней насчитывалось книг до 288 номеров. Он же говорил о том, что существовала опись Тобольской архиерейской ризницы, из которой краевед брал некоторые сведения о книгах¹.

Известно, что часть коллекции древлехранилища вместе с книгами Тобольской духовной семинарии и Знаменского монастыря в 1929–1930 гг. была передана в Государственный архив Тюменской области в Тобольске. В 1945 г. В.И. Малышев впервые составил охранную опись собрания Тобольского архива и музея². Более полное описание рукописей Тобольского архива было выполнено в 1975 г. Е.И. Дергачевой-Скоп и Е.К. Ромодановской³. Такова была судьба той части собрания, которая осталась в Тобольске.

Что же касается книг, оказавшихся в Томске, то, по предположению Н.А. Квашнина⁴, во время отступления колчаковцев уходившие с ними представители высшего духовенства Тобольска пытались эвакуировать и книжный фонд древлехранилища. Однако обоз был отбит красноармейцами, а книги попали в ВЧК и позже были переданы в Томский университет. Но более вероятным представляется другой вариант: часть тобольских книг мог привезти в Томск в середине 1920-х гг. сотрудник этнолого-археологического музея при ТГУ Порфирий Славнин. Это предположение подтверждается тем, что на некоторых книгах Тобольской коллекции (XVIII–XIX вв.) имеются записи, в которых говорится о культурном и историческом значении той

¹ Сулоцкий А. Описание краткое всех церквей, существующих в Тобольске и пространное Тобольского Софийского собора. М., 1852. С. 66.

² Малышев В.И. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // ТОДРЛ. М. ; Л., 1947. Т. 5. С. 15–158.

³ Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К. Собрание рукописных книг государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 64–143.

⁴ См.: Квашнин Н.А. Археографическое введение // Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остячком. Новосибирск, 1941. С. 14–17.

или иной книги; они датируются 1924 г. и подписаны: «П. Славнин». С 1920-х гг. книги из Тобольска находились в этнолого-археологическом музее при ТГУ, позже преобразованном в музей истории материальной культуры. 26 мая 1954 г. часть книжной коллекции музея (в том числе книги из Тобольска) была передана в НБ ТГУ¹.

Книги из Тобольского церковного древлехранилища легко идентифицируются по наличию типичного ярлыка с номером; читательских помет и записей на них обычно немного.

Второй экземпляр издания Апостола, находящийся ныне в коллекции Томского областного краеведческого музея, происходит из крестьянской старообрядческой библиотеки Нифантовых². Она принадлежала семье старообрядцев поморского согласия, проживавших в конце XIX – начале XX в. на территории Томской губернии, а глава семьи – один из братьев Нифантовых, Алексей – являлся известнейшим старообрядческим начетчиком. История и состав библиотеки уже становились предметом отдельного исследования³. Одна из особенностей библиотеки – наличие огромного количества помет и записей как на форзацах, так и на полях ряда рукописей и старопечатных книг собрания.

Ряд изданий был приобретен Научной библиотекой ТГУ и Томском областным краеведческим музеем в ходе археографической и консультационной работы в Томске и Томской области. Так, еще одно издание типографии Мамоничей также хранится в ТОКМ; это Евангелие учительное (1595) – так называемое «Евангелие учительное» (с пагинацией)⁴. Книга была приобретена музеем в 1981 г. Переплет у книги поздний, XVIII в.; имеется полистная владельческая запись украинской скорописью XVIII в.

¹ Архив НБ ТГУ. Т. 19. Л. 1–5.

² ТОКМ. 7904/1.

³ Старообрядческая библиотека Нифантовых (из фондов Томского областного краеведческого музея) : каталог / сост. О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак, Е.Г. Захарова; под ред. Н.А. Кобяк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 104 с., ил. Предисловие С. 10–17 о семье.

⁴ ТОКМ. 6254.

Два экземпляра виленского Апостола (тип. Мамоничей, после 1595) имеются в коллекции НБ ТГУ. Один из экземпляров¹ сильно пострадал и был отреставрирован: целый ряд листов восстановлен от руки полностью в XVIII в. Имеющиеся на книге записи позволяют установить, что она бытовала в Шелонской пятине Новгородской земли; более поздние записи свидетельствуют о ее пребывании в Городненском погосте. Книга была приобретена специалистами библиотеки во время консультации для населения в магазине «Букинист» г. Томска в 1981 г. Второй экземпляр этого же издания² был также приобретен при проведении консультаций для населения, но уже в НБ ТГУ в 1993 г. Последний владелец книги сообщил, что она находилась в дер. Богуславка Бобрыйского района в составе книжного собрания местной общины старообрядцев поморского согласия. Наставник общины передал книгу последнему владельцу, который и продал ее в библиотеку. Владельческие записи позволяют узнать, что в XVII в. этот экземпляр принадлежал семье туровских мещан Шаповалов; указаны на книге и имена других, более поздних владельцев, однако не всегда возможно установить, в каком именно населенном пункте они проживали.

Наконец, самое позднее из белорусских изданий XVI в. – Новый Завет с Псалтирью (Вильно, тип. братства, ок. 1596) имеется в одном экземпляре в НБ ТГУ³. Ряд записей XVI в. свидетельствует о бытовании книги в собственности лиц духовного звания (инок Иннокентий, поп Игнатий Федоров сын Обрамов, диакон Климент Давыдов). Однако поступила в библиотеку эта книга вместе с коллекцией Музея библиотековедения. Этот музей был создан в Томске в 1919 г. благодаря усилиям известного ученого-библиотековеда Д.А. Балики; истории Музея было также посвящено отдельное исследование⁴.

¹ ОРКП НБ ТГУ. В-1954.

² ОРКП НБ ТГУ. В-10175.

³ ОРКП НБ ТГУ. В-984.

⁴ Яковенко А.В. Музей библиотековедения в Томске (1919–1921) – малоизученная страница истории книжной культуры России : статья, представленная в виде доклада. URL: <http://elib.tomsk.ru/elib/data/2012/2012-0208/2012-0208.pdf> (дата обращения: 25.07.2016).

Белорусских изданий XVII в. в хранилищах Томская и Томской области на настоящий момент обнаружено 9 в 9 экз. Наиболее раннее из них – Новый Завет с Псалтирью (Евье, тип. братская, 1611)¹, поступившее в коллекцию ТОКМ в 1982–1983 гг. в составе так называемой Заимочной коллекции, приобретенной у семьи Тиуновых – старообрядцев-странников, проживавших на севере Томской области. Опись этого собрания также уже была опубликована²; пометы и записи на полях, рисунки в виде указующего перста свидетельствуют об активной работе читателя с книгой.

В НБ ТГУ самое раннее белорусское издание XVII в. – Служебник (Вильно, тип. Леона Мамонича, 1617)³. Книга поступила в НБ ТГУ с коллекцией Тобольского церковного древлехранилища; имеющиеся на ней записи свидетельствуют о бытовании ее в 1711 г. в составе Успенского Далматова монастыря (Шадринский уезд Пермской губернии).

Целый ряд книг поступил в НБ ТГУ в составе партии дублетов ГБЛ (РГБ)⁴. К таким книгам относится издание Спиридона Соболя «Лимонарь» (Кутейн или Буйничи, после 1632)⁵. Ряд книг, поступивших из ГБЛ, имеют на себе пометы А.Е. Викторова – первого хранителя Румянцевского музея; имеются и записи по результатам внутренних проверок РГБ: они содержат обычно указание выходных

¹ ТОКМ. 7350, 7366. Блок книги разбит, поэтому она была ошибочно атрибутирована ранее как два самостоятельных издания и записана в инвентарь как две отдельные единицы. Сердечная благодарность зав. отделом старопечатных и редких книг Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского Н.П. Бондарь за помощь в идентификации издания.

² Бахтина О.Н. Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Русская книга в дореволюционной Сибири: государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 139–161.

³ ОРКП НБ ТГУ. В-876.

⁴ Славянские книги кирилловской печати XVI–XVIII веков / сост. В.В. Лобанов; ред. М.Р. Филимонов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. Согласно книге суммарного учета НБ ТГУ, партия из 44 ед. поступила в НБ 3 января 1965 г., записана в инвентарь 11 января 1966 г.

⁵ ОРКП НБ ТГУ. В-1216.

данных книги и дублетность (в данном случае – 10-й экз.). Также из дублетов ГБЛ поступили в НБ ТГУ следующие издания: Иоанн Дамаскин. Октоих (Кутеин, тип. Богоявленская, 1646)¹; Новый Завет с Псалтирью (Кутеин, тип. Богоявленская, 1652)²; Памва Берында. Лексикон славено-российский (2-е изд., Кутеин, тип. Богоявленская, 1653)³ и Иоанникий Галятовский. Небо новое (Могилев, тип. Максима Вошанки, 1699)⁴. Некоторые из этих книг имеют признаки принадлежности известным крупным книжным собраниям: например, Октоих имеет на верхней крышке переплета ярлык библиотеки Троице-Сергиевой лавры и ряд записей на форзаце, свидетельствующих о пребывании книги в составе этого собрания еще в 1767 г. Новый Завет с Псалтирью (1652) снабжен ярлыком «Московского Публичного и Румянцевского музеев». «Лексикон» Памвы Берынды имеет ярлык библиотеки Московской Синодальной типографии и печать библиотеки Московской духовной академии.

Однако есть среди белорусских изданий XVII в. и такие, которые бытовали на территории Сибири. Среди них необходимо отметить два экземпляра, поступившие в НБ ТГУ с собранием Томской духовной семинарии. Семинария в Томске была открыта в 1858 г.; при ней имелась библиотека. В ее составе имелась и так называемая «раскольничья» библиотека⁵, куда поступали книги, изъятые у старообрядцев. После закрытия семинарии ее библиотека была передана в НБ ТГУ 8–13 марта (остальная часть 9 октября) 1920 г.⁶ Это Новый Завет с Псалтирью (Евье или Вильно, тип. братская, 1641)⁷ и Диоптра (Могилев, тип. Максима Вошанки, 1698)⁸. Обе книги имеют характерные

¹ ОРКП НБ ТГУ. В-1218.

² ОРКП НБ ТГУ. В-1221.

³ ОРКП НБ ТГУ. В-1222.

⁴ ОРКП НБ ТГУ. В-1225.

⁵ Есипова В.А. «Раскольничья» библиотека Томской семинарии. Некоторые аспекты бытования старообрядческой книги // Материалы I Всероссийской конференции «Культура как способ бытия человека в мире». Томск, 1996. С. 171–172.

⁶ Архив НБ ТГУ. Т. 3. Л. 60.

⁷ ОРКП НБ ТГУ. В-782.

⁸ ОРКП НБ ТГУ. В-1131.

ярлыки с номерами, написанными от руки, а также оттиски овальной печати «Фундаментальная библиотека Томской духовной семинарии» и записи типа «Сем. раск. библ. № 357». Диоптра имеет также полистную владельческую запись на нижнем поле л. 2–6 нн., 1–3 (вт. паг.), свидетельствующую о принадлежности книги енисейскому жителю Федору Давыдову сыну Матигорову. Фамилия Матигоровых хорошо известна в Сибири: так, в 1710 г. драгунский подполковник Федор Матигоров принимал участие в военном походе против башкир¹.

Также в Колпашевском филиале ТОКМ (ККМ) хранится еще одно издание: Кирилл Транквиллион (Ставровецкий). Учительное Евангелие (Могилев, тип. Богоявленского братства, Максим Вошанка, 1697. С изд.: Рохманов, 1619)². Книга была приобретена сотрудниками музея в г. Колпашево Томской обл. в 1966 г.; к сожалению, более подробных данных о последних владельцах получить не удалось.

Таким образом, белорусские издания XVI–XVII вв. были хорошо известны в Сибири; экземпляры этих изданий находились в собственности как частных лиц, так и организаций. Владельческие и читательские пометы на книгах указывают, что книги активно читались; особенно внимательными читателями являлись старообрядцы, оставлявшие на полях и форзацах как списки библиографических записей и ссылок, так и развернутые комментарии. Эти пометы и записи позволяют не только установить имя владельцев книги и место ее бытования, они являются интереснейшим материалом для реконструкции читательских практик разных слоев сибирского населения.

Репертуар и бытование как древнерусских, так и старообрядческих рукописных сборников неизменно привлекают внимание исследователей на протяжении целого ряда лет; в последние годы появился даже специальный термин для области филологии, изучающей средневековые сборники, – «мисцелланология»³. Рукописный сборник

¹ Сибирский летописец. Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, введенная в Тобольске / с предисл. Е.В. Кузнецова. Тобольск, 1892. С. 42.

² ККМ. 1157/3.

³ Грицевская И.М. Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских монастырей XV–XVII вв. : дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2013. 426 с.

позволяет представить читательские интересы составителя, но также, при наличии владельческих записей и помет, дает интересный материал для исследования процессов его бытования.

Недавно в фонд отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ (ОРКП НБ ТГУ) была записана рукопись, имеющая внешние признаки обращения в старообрядческой среде¹. История сборника, которую позволяют восстановить владельческие записи, весьма интересна и, как представляется, позволяет поставить ряд важных вопросов о читательских практиках старообрядцев и бытовании книги в старообрядческой среде.

Рукопись датируется серединой XVIII в., форматом в 2⁰. Ее сохранность не очень хорошая: утрачен переплет, фрагменты ряда листов. Часть листов отделяется от блока, рукопись сильно загрязнена, с обширными затеками; чернила местами угасают и плохо читаются. Рукопись пытались реставрировать: некоторые листы проклеены по краям бумагой машинной выделки.

Вся рукопись написана одной рукой, однако местами это поздний мелкий полуустав, местами же он переходит в скоропись: то убогую, то достаточно крупную и размашистую. Писцовая запись сохранилась на нижнем поле л. 21; она начата полууставом, а завершается скорописью: «Выписано ис печатной Псалтири учебныя полудестевой Иосифовскаго выходу царя Алексея Михайловича (далее скоропись. – В.Е.) на морском судне... рукою астраханскаго разночинца Ивана Ива...». Запись размещена после фрагмента «О том же крестном знамении, еже кладем на лица своя. Максим Грек пишет в своей книге. 207 лист, 3 глава». Следует отметить также изящное и со вкусом выполненное оформление книги, которое включает многочисленные заставки, концовки и инициалы. Возможно, художником был писец рукописи – во всяком случае, записи на концовках выполнены практически аналогичным почерком. Так, на л. 42 об. после окончания текста жития Петра и Февронии нарисован вензель, с двух сторон которого почерком основной рукописи указано: «Вень / зель»; такая

¹ ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Сборник старообрядческий. Рукопись середины XVIII в. 93 л.

же подпись имеется после концовки на л. 71. Запись на л. 77 об., после подборки выписок из толкового Евангелия, более подробна:верху подписано «Цвет райский», а ниже, рядом со стилизованным изображением двух птиц, пояснено: «Птицы / райския». На л. 83, после окончания текста сочинения «О сакраментях», рядом с концовкой поясняется, что на рисунке изображена «Ветвь плодоносная масличная». Возможно, имелись и другие пояснения, но часть рисунков была сильно обрезана при переплете.

Кратко охарактеризуем содержание сборника. Рукопись открывается оглавлением; далее следует полный текст Апокалипсиса (л. 2 об.–14). Следом читается блок выписок из Евангелия от Матфея, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника и других о посте и молитве (л. 14 об.–16), а также выписок из Кормчей, Требника, Апостола о вере, пострижении брад, униатах и др. (л. 16–19).

Составитель сборника внимательно ознакомился с содержанием разных книг Ветхого Завета. В рукописи полностью воспроизведены тексты книги Екклесиаста (л. 66–71) и книги премудростей Соломона (л. 90–93 об.); из книги Иисуса Сирахова переписаны главы 19 и 21 (л. 71 об.–72). Обширный блок выписок из Евангелий расположен на л. 72 об.–77.

Тексты Иоанна Златоуста также были хорошо знакомы составителю. Так, на л. 24 об.–28 об. читается обширный блок выписок из толкований Златоуста на Беседы апостольские, на л. 43–44 об. – из Маргарита, на л. 50–64 об. полностью переписан текст «Слова о оглашении к хотящим креститься, и о притчи винограда на ятых делателей», а также выписки из других текстов того же автора. Привлекало внимание составителя и творчество Кирилла Иерусалимского: на л. 29–33 помещена подборка небольших выписок из его произведений. Среди прочего там приводятся тексты «О разделении лун», определения астрономии и астрологии и др. Также со ссылкой на «Книгу Кирилла Иерусалимского» приведен фрагмент из «Прения святого Илариона со армяны» (л. 33 об.).

Отметим также список отреченных книг под заглавием «Книги ложныя, их же не подобает чести и держати православным христиа-

ном, суть же сии» (л. 33–33 об.). Представлены в составе сборника и житийные тексты, например «Месяца июня в пятый надесять день. Слово о Петре и Февронии, Муромских чудотворцах» (л. 38–42 об.), также на л. 83 об.–89 об. читается первое слово из Киево-Печерского патерики «О создании церкви святыя Богородицы Печерския» (в рукописи без заглавия), а также другие небольшие выписки из этого же памятника.

Интерес составителя к киевским изданиям проявился также в переписке полного текста произведения Сильвестра (Коссова), митрополита Киевского, «О сакраментх или тайнах в посполитости» (л. 78 об.–83); как следует из писцовой записи в конце текста, при переписке составитель пользовался пятым изданием книги.

Привлекает внимание ряд выписок, обозначенных составителем «Из Летописца...»; они встречаются в рукописи неоднократно (л. 34–36 об., 43–44 об., 48–49 об.). Во всех случаях фрагмент заголовка замазан в более позднее время, но на л. 34 под черной краской просматривается первая буква замазанного слова: «Д». Как удалось выяснить при анализе текста, это выписки из «Летописи, повествующей о деяниях от начала миробытия до Рождества Христова» Дмитрия Ростовского: о пьянстве, о блудниках и др.

Кроме того, в сборнике читается также текст, признанный старообрядцами и печатавшийся неоднократно в московских изданиях первой половины XVII в. (Книга о вере, Кириллова книга, Псалтири и др.)¹. Это «Ведомо же буди и о сем, яко подобает всякому христианину ведати право, како лице свое крестити крестообразно...» (л. 19 об.–21, отмечен Дружининым как старообрядческое сочинение²).

Таким образом, рукопись содержит сочинения, которые читались и в православной, и в старообрядческой среде. Отметим, что писец писал имя «Иисус» с двумя «И», однако позже первая буква практически везде была аккуратно выскоблена. Таким образом, можно пред-

¹ Успенский Б.А. Крестное знамение и сакральное пространство: почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004. С. 87, примеч. 76.

² Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. № 113. С. 306.

положить, что астраханский мещанин Иван Иванов не являлся старообрядцем, однако позже его рукопись попала в старообрядческую среду, где и была «отредактирована» в соответствии со взглядами новых хозяев. Свидетельством такого редактирования также является вымарывание имени Дмитрия Ростовского над подборками выписок из «Летописи, повествующей о деяниях от начала миробытия...» (л. 43, 48).

Однако сборник интересен не только своим содержанием и оформлением; он несет на себе многочисленные владельческие записи и пометы, которые могут рассказать о жизни и внутреннем мире его владельцев.

Ряд помет и записей позволяет подтвердить принадлежность рукописи представителям семьи Тиуновых. Неоднократно на разных листах указана фамилия владелицы: на л. 21 об. перед началом текста синим карандашом, скорописью XX в.: «Тиунова»; на полях л. 34 об., 43 об., 79 простым карандашом, скорописью: «Тиун...»; на л. 36 синим карандашом, скорописью на полях и поверх текста многократно: «Тиунова»; фамилия повторена синим карандашом и чернилами на л. 36 об.–37 об.; на л. 49 об. скорописью, простым карандашом: «Тиунова Матрена Митревна»; на л. 66 простым карандашом между строк, крупными печатными буквами: «Тиунова»; на нижнем поле л. 72 простым и синим карандашом несколько раз: «Тиунова», «Тиунова Матрена»; на л. 72 об.: «Тиунова Матрена Дмитриевна». Отметим, что владелица совсем не старалась писать на свободном пространстве бумажного листа: часто записи и маргиналии размещены по краю текста, между строк, а то и вовсе поверх текста.

Помимо упоминания имени владелицы имеются также пометы, позволяющие предположить наличие у владелицы дочери или младшей сестры: на л. 47 об. простым карандашом нарисован контур детской ладони, на ней подписано скорописью: «Катина рука»; на л. 49 об. рисунок контура детской ступни (?), подписан: «Катина рука». Кроме того, на л. 37 об. имеется карандашный рисунок с изображением женщины; на л. 47 об. помещен рисунок лошади. Таким образом, владельческие рисунки дают представление о семье и окру-

жающем владелицу мире. Особый интерес представляет рисунок, изображающий дом (л. 37); рисунок выполнен простым карандашом, очень тщательно: вычерчен по линейке. Собственно дом, изображенный на рисунке, выглядит довольно «празднично»: крыльцо, наличники, двускатная крыша.

Имеются в рукописи и пометы другого характера: на л. 2 об., 7, 8, 9 об., 10, 13, 19, 27 об., 33 об.–34, 36 об.–37, 42, 47 об., 65 об.–66, 68, 79, на полях и в тексте помещены рисунки, записи типа пробы пера, пересчет дат и арифметические расчеты простым карандашом и фиолетовыми чернилами. На л. 8 на полях простым карандашом, небрежной скорописью XX в. написаны неразборчивые маргиналии. На л. 13 об. помещен рисунок, нарисованный простым карандашом и неумело имитирующий по стилю заставки.

Представление о духовном мире владелицы рукописи могут дать тексты духовных стихов, переписанных на пустых местах листов простым и красным карандашом, поздним крупным полууставом; на л. 1 об.–2: «Напой, христианка, холодной водой страдалца, которой стоит пред тобой...». Это духовный стих «Агасфер»¹, исполняемый представителями РПЦ, а не старообрядцами. Чаще он встречается с началом: «Напой, самарянка, холодной водой...», имеются и другие разночтения.

На л. 2 об. начинается следующий духовный стих: «Люди добры, к вам взываю, посетите вы меня. Я в темнице помираю...»; продолжение текста читается на л. 5 об.: «Мне он верно предвещает, что прощуся я с тюрмой...», и л. 6 перед началом текста тем же почерком (с преобладанием красного карандаша): «Отворите мне темницу, я на свет еще взгляну». Стих представляет собой исповедь узника, умирающего в тюрьме; имеются отсылки к известным произведениям подобной тематики; так, в середине текста буквально воспроизведена строка из «Узника» М.Ю. Лермонтова («Отворите мне темницу...»). На л. 55 об. тем же почерком переписано стихотворение В.В. Благо-

¹ Духовные стихи: наглядное пособие для певцов – исполнителей духовных песнопений / [Чунины, и др.]. Ржев, 2013. С. 6.

вещенского «Вознесение Господне»: «Чрез сорок дней по воскресеньи, с учениками окружон...»¹.

Фамилия владелицы (Тиунова) при первоначальном знакомстве с рукописью дала возможность предположить, что речь идет о ком-то из семьи старообрядцев Тиуновых, проживавших в скитах на севере Томской области, в бассейне р. Кеть. Библиотека Тиуновых (Заимочная библиотека) уже становилась предметом внимания исследователей²; в настоящее время она хранится в Томском областном краеведческом музее. Наиболее известная часть этого собрания – рукописи и записки, написанные на бересте.

Отметим, что почерк записей обсуждаемой рукописи имеет некоторое сходство с почерком записок Заимочной библиотеки, включающей, в числе прочего, записки, адресованные Н. Коноваловой от ее знакомой, Марии Федоровны Тиуновой. М.Ф. Тиунова – дочь Ф.И. Тиунова, одного из жителей скитов, и сестра Петра Федоровича

¹ Библия для детей. Стихи русских поэтов на библейские мотивы. М., 2011.

² Бахтина О.Н. Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Русская книга в дореволюционной Сибири: государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 139–161; Она же. Некоторые проблемы описания рукописей на бересте XX в. // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века) : посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 981–988; Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А. Рукописи на бересте в XX веке: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы // Вестник РГНФ. 2011. № 3 (64). С. 86–95; Дутчак Е.Е. Скитская колонизация Западной Сибири: общее и особенное // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века) : посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 949–964; Есипова В.А., Куклина Т.Э., Данченко А.М. Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 121–127; Старикова Г.Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9. С. 35–39; Есипова В.А., Куклина Т.Э. «Заимочная» коллекция: рукописи XX в. на бересте. Томск, 2014. 124 с. и др.

Тиунова, который передал Заимочную библиотеку в музей. В настоящее время в ТОКМ хранятся три письма Марии Федоровны¹, адресованные Наталье Коноваловой, рукой которой выполнен ряд рукописей Заимочной коллекции, включая один из дневников². Близкими деталями почерка являются написания букв «ш» и «т» с подчеркиванием и надчеркиванием соответственно; кроме того, характерны нижние выносные петли у букв «д» и «у»: они сильно вытянуты влево. Однако есть и различия: например, буква «д» в рассматриваемой рукописи написана часто с верхней петлей, что не встречается в письмах из ТОКМ.

На настоящий момент нельзя с уверенностью утверждать, что Матрена Дмитриевна Тиунова принадлежала именно к тем Тиуновым, которые являлись насельниками скитов. Возможно, М.Д. Тиунова являлась родственницей М.Ф. Тиуновой – этим можно было бы объяснить сходство почерков.

Отметим содержание записок Марии Тиуновой, адресованных Н. Коновоаловой: в одном случае она приводит первый куплет известной песни военных лет «Темная ночь», в другом случае сообщает о своем посещении «картины», т.е. просмотре кино: название одной из картин не указано, вторая – «Судьба человека» (вышла на экраны в 1959 г.). Мария пишет о сильном эмоциональном воздействии, которое оказал на нее фильм («не смогу тебе описать, я сидела и горика плакала...»³).

Описанное выше изображение дома на одном из владельческих рисунков обсуждаемой рукописи могло, казалось бы, дать ключ к во-

¹ ТОКМ. 12676/17–12676/19.

² Старикова Г.Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9. С. 35–39; Приль Л.Н. «Островной летописец» // Труды Томского государственного историко-архитектурного музея. Томск, 1995. Т. 8. С. 183–221; Мальцев А.И. «Книга пасхальная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 263–272.

³ ТОКМ. 12676/19. Л. 1.

просу о том, проживала ли или бывала ли Матрена Тиунова на заимке в бассейне р. Кеть. Однако имеющиеся в диссертации Л.Н. Приль фотографии домов с заимки, где проживали Тиуновы и Коноваловы, не соответствуют этому изображению: заимочные постройки гораздо проще¹; временный характер их архитектуры отмечал и П.Ю. Рачковский по результатам их экспедиционного обследования в 1984 г.² Л.Н. Приль высказала предположение, что изображение, скорее, имело прообраз какую-то постройку в г. Колпашево или другом относительно крупном населенном пункте: это можно заключить именно из конструктивных особенностей постройки³. Так, на рисунке у дома имеется имитация украшений под крышей, над окнами и дверью. Следует отметить и записи на крыше нарисованного дома, выполненные вдоль линий, изображающих доски. Карандаш частично стерт, а почерк неразборчив, поэтому в настоящее время удается прочитать лишь фрагменты: справа читается: «...По дороги ветер дует, в поле литает листопад...», слева: «...будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны...».

Таким образом, в интересах Марии и Матрены Тиуновых обнаруживается определенное сходство: обе они не чужды развлечений (в одном случае – кино и песни, в другом – духовные стихи, бытовавшие в среде как старообрядцев, так и православных), обе уделяют внимание как светской, так и сакральной сторонам жизни. Обращает на себя внимание также наличие военных мотивов в письмах и владельческих пометах: в случае Марии это текст песни «Темная ночь», в случае Матрены – высказывание об обороноспособности страны.

¹ Приль Л.Н. Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в конце XIX – 80-х гг. XX в. (опыт реконструкции жизнедеятельности) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. С. 225.

² Рачковский П.Ю. Типы жилых и хозяйственных построек русских старожилов среднего Приобья второй половины XIX – начала XX в. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX-XXI вв. Томск, 2010 Вып. 2. С. 236–242.

³ Выражаю благодарность Л.Н. Приль за заинтересованное и результативное обсуждение ряда положений этой статьи.

Как видно, обсуждаемая рукопись несет на себе, выражаясь языком археологии, несколько «слоев» информации. Самый ранний из них оставлен непосредственно писцом и составителем сборника; о нем можно сказать лишь то, что он являлся астраханским разночинцем Иваном Ивановым и, вероятнее всего, им же были выполнены и элементы орнаментики: заставки, концовки и инициалы. Иван Иванов не являлся старообрядцем; как минимум имя Иисуса он писал с двумя «И». Следующий владелец, напротив, старообрядцем являлся с большой долей вероятности, но о нем трудно что-либо сказать, кроме того, что он «привел рукопись в соответствие» со старообрядческими традициями: первая буква «И» в имени «Иисус» систематически выскоблена на протяжении всей рукописи, вымарано имя Димитрия Ростовского в заглавиях нескольких статей.

Следующая владелица рукописи оставила о себе достаточно много сведений: начиная от своего полного имени (Матрена Дмитриевна Тиунова) и заканчивая изображением своего (?) дома и контурами ладони и ступни своей малолетней родственницы (дочери? сестры?) Екатерины. При всем обилии оставленных ею сведений личность ее все же остается загадочной. Во-первых, трудно сказать, являлась ли она сама старообрядкой (иными словами, являлась ли она описанным выше вторым владельцем рукописи, выскоблившем букву «И» в слове «Иисус»). Во-вторых, на настоящий момент невозможно однозначно соотнести Матрену Дмитриевну с известной семьей Тиуновых, владельцами Заимочной коллекции, хранящейся в ТОКМ: ничто, кроме сходства отдельных элементов почерка Матрены Дмитриевны с почерком Марии Федоровны Тиуновой, не указывает на их связь. В-третьих, тематика переписанных ею стихов, скорее, светская либо близкая тем стихам, которые и в настоящее время исполняются православными, но не старообрядцами.

Может сложиться впечатление, что для последней владелицы рукопись не имела особенной ценности. Действительно, состояние сборника оставляет желать лучшего, множество владельческих записей и маргиналий нанесено поверх основного текста. Это впечатление может быть верным: не исключено, что владелица просто не понимала текст

или не могла читать мелкий почерк при сильно выцветших чернилах; это действительно непросто. С другой стороны, исследователи уже отмечали такое явление, как использование какой-либо книги, понимаемой как семейная ценность, для фиксации важной информации (долговых записей, замечательных дат семейной истории и др.)¹. Логика здесь заключалась в том, что памятные записки на отдельных листах могут потеряться, а информация, зафиксированная, например, на форзацах большой книги, утратится с меньшей вероятностью.

Еще один вопрос, который позволяет поставить рассмотренный сборник: о взаимодействии старообрядческой и православной книжной культуры. Получается, что сборник, изначально созданный человеком, не принадлежавшим к старообрядчеству, оказался востребован и в старообрядческой среде, только был несколько «подправлен» в соответствии с ее нормами. Этот факт является еще одним свидетельством сложного взаимовлияния православной и старообрядческой крестьянских культур, материалом для исследования крестьянских читательских практик.

3.3. Технические аспекты создания книги и читательское поведение

В последние десятилетия XIX – начале XX в. в России получили широкое распространение различные техники тиражирования книги, которые сейчас принято называть «малой полиграфией». Нередко техники такого рода использовались для печати неподцензурных малотиражных изданий. Часть этих техник являлась безнаборной, в том числе гектографирование.

Гектограф технически представляет собой инструмент для безнаборного тиражирования текста; оригинал для воспроизведения изготавливается с использованием специальных гектографических чернил

¹ Knight J.T. “Furnished” for Action: Renaissance Book as Furniture // *Book History*. 2009. Vol. 12. P. 37–73.

путем переписывания от руки, либо такими же чернилами пропитывается лента печатной машинки – в этом случае текст печатается. Основу гектографического станка представляет собой емкость, заполненная смесью с включением глицерина; готовый оригинал прикладывается к поверхности смеси, на которой и отпечатывается текст. Затем на получившийся отпечаток прикладываются чистые листы, на которых появляется оттиск текста. Как отмечает Е.Л. Немировский, «характерной особенностью этого процесса было совмещение красочного резервуара с формой. Печатание здесь осуществлялось с некоторой эластичной массы, в недрах которой было заранее сформировано красочное изображение, причем красочный слой в процессе печатания не возобновлялся»¹. Устройство для гектографирования называют гектографом, оно было изобретено в 1869 г. в России М.И. Алисовым и усовершенствовано в 1879 г. чешскими изобретателями В. Квайсером и Р. Гусаком. В частности, гектографирование широко использовалась в русской нелегальной печати². Подробно биографию М.И. Алисова изложил Е.Л. Немировский³.

Каталогизация гектографированных изданий началась сравнительно недавно. П.И. Мангилевым была разработана методика описания таких изданий⁴. Одно из наиболее обширных на настоящий момент описаний – каталог старообрядческих гектографированных изданий Библиотеки академии наук (БАН) – было составлено Н.Ю. Бубновым. Этот каталог содержит описания 578 изданий⁵; в предисловии автором был дан также обзор работ, посвященных изучению и описанию старообрядческих гектографированных изданий.

¹ Немировский Е.Л. Изобретение книгопечатания. Технические аспекты. М. : Наука, 2000. С. 464.

² Дубровская Н.А. Подготовка оригиналов малотиражных работ к оперативному изданию. М., 1969.

³ Немировский Е.Л. Изобретение книгопечатания... С. 393–394, 464.

⁴ Описание старообрядческих гектографированных изданий : методические рекомендации / сост. П.И. Мангилев. Екатеринбург, 1993. 33 с.

⁵ Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской Академии наук / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2012. 460 с. (далее – Бубнов).

В числе прочего в описании гектографированных изданий отмечается их количественная характеристика, а также формат издания. В этой связи привлекает внимание экземпляр, хранящийся в Томском областном краеведческом музее¹. На титульном листе книги имеется заглавие: «Собрание священных правил и законов законоположителя и судии севаста Арменопула. Первое гектографическое издание. 1905 года. Издал Г.М. Калинин». Издание известно в нескольких экземплярах: уже упомянутый экземпляр ТОКМ, экземпляр Института истории СО РАН², а также экземпляр Лаборатории археографических исследований УрФУ³. Известна также продажа экземпляров издания на аукционах⁴.

Сочинение, которое опубликовано в составе описанного выше издания, принадлежит Константину Арменопулу (сер. XIV в.), известному византийскому юристу и канонисту. Известно, что он являлся судьей в Фессалониках; один из его известнейших трудов – «Шести-книжие», которое было задумано как практическое руководство для судей и включало, в числе прочего, ряд норм византийского церковного права. Также Арменопул составил «Краткое изложение Божественных и святых канонов» в шести разделах, представляющее собой сборник именно канонического права. Перевод этого сочинения на славянский язык был выполнен в середине XVII в. Епифанием Славинецким под заглавием «Епитом, или Сокращений». «Шести-книжие» неоднократно издавалось на греческом и латинском языках, в нашей стране было широко известно в рукописных списках, а пер-

¹ ТОКМ. 7904/150.

² № 2/71. Рукописи XVI–XX вв. и книги старой печати из собрания Института истории СО РАН / сост.: Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев, Т.В. Панич, Л.В. Титова). 2010. URL: <http://history.nsc.ru/n-tr.htm> (дата обращения: 09.02.2017).

³ № 7р/14. Константин Арменопул. Собрание божественных и священных книг. Гектограф. Нач. XX в. 497 л. Свердловское (IX) собрание. Описи фондов. ЛАИ УрФУ. URL: <http://hist.igni.urfu.ru/lai/inventory.files/man09.html> (дата обращения 20.02.2017). Сердечная благодарность П.И. Мангилеву, указавшему на этот экземпляр.

⁴ Аукцион № 25. «Редкие книги, рукописи, автографы, фотографии и плакаты». 3 апреля 2014 г., Москва. М., 2014.

вое издание на русском языке впервые вышло в свет в 1831 г.¹ Известны рукописи с текстом этого сочинения, например, одна из них хранится в библиотеке Троице-Сергиевой лавры². Имеется список этого сочинения и в составе коллекции ОРКП НБ ТГУ, однако он более поздний и относится к началу XX в.³ Эта рукопись была приобретена библиотекой в 2014 г., а до этого бытовала в составе библиотеки старообрядцев-странников, проживавших на территории Томской области в районе пос. Красный Яр Кривошеинского района. Таким образом, сочинения Арменопула пользовались известностью как в православной, так и в старообрядческой среде.

При описании экземпляра ТОКМ бросились в глаза некоторые особенности печати, а именно: по углам л. 236, 237 об., 290, 302–302 об. отпечатались фрагменты того же текста, воспроизведение которого читается на указанных листах; местами смазаны цифры пагинации (л. 280 и др.), смазан текст на л. 279 об., 80 нн. об. и др. Скорее всего, эти особенности вызваны сложностью технологического процесса печати в случае большого формата издания: они возникали в процессе снятия листа с оттиском с поверхности глицериновой смеси, о чем свидетельствует характер этих оттисков. Действительно, размер блока изучаемого экземпляра составляет 35,0 × 21,7 см – и это при том, что листы очевидно обрезаны при переплете. Листы в рассматриваемом экземпляре сшиты в тетради преимущественно по шесть; это означает, что изготавливались оттиски сразу же двойного разворота, а его размер при этом составлял как минимум 35,0 × 43,4 см. Очевидно,

¹ Перевод ручной книги законов или так называемого Шестикнижия, собранного отовсюду и сокращенного достопочтенным номофилактом и судьей в Фессалонике Константином Арменопулом. СПб. : Сенатская тип., 1831. 11, 264, 7, 273, 103 с.

² «Епитоми божественных и священных правил, бывшая от всечестнаго севаста и законохранителя и судии фессалонического господина Константина Арменопола». № 192. Фонд 173. I. Фундаментальное собрание библиотеки МДА. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=192&pagefile=192-0001> (дата обращения: 09.02.2017).

³ ОРКП НБ ТГУ. В-27.479. «Епитомии божественных и священных правил, бывшая от всечестнаго севаста и законохранителя и судии Фесалонического, господина Константина Арменополя». XX в. (нач.).

оперировать листом такого размера было непросто, поэтому и возникали дефекты в процессе печати.

Возникает вопрос: каковы были причины изготовления изданий такого значительного формата, особенно с учетом имеющихся технических проблем. Отметим, что формат большинства изданий как в каталоге Мангилева, так и в каталоге Бубнова обычно 4⁰ или 8⁰. Вообще гектографы большого формата встречаются достаточно редко; так, в каталоге Бубнова изданий форматом в 1⁰ описано 3 ед.; изданий форматом 2⁰ зарегистрировано 18¹.

Таким образом, получается, что экземпляр ТОКМ – практически единственное издание, напечатанное на гектографе в формате 1⁰ (за исключением также единственного настенного листа). Это предполагает, во-первых, соответствующее техническое оснащение типографии и гектографический аппарат с достаточно большой емкостью для глицериновой смеси. Как видно из каталога Бубнова, такой гектограф имелся в типографии, принадлежавшей Г.М. Калинину. Настенный лист такого же формата был отпечатан в типографии Феоктистова, но книг формата 1⁰ эта типография не выпускала. Значит, существовало две типографии, оснащенных гектографом, позволявшим делать оттиски в формате 1⁰: это предприятия Г.М. Калинина и П.С. Феоктистова. Издания в формате 2⁰ выпускала в основном печатня Д.В. Батова.

Рассмотрим подробнее тематику гектографированных изданий большого формата и их целевое назначение. Из трех изданий форматом в 1⁰, описанных Бубновым, два представляют собой варианты одного и того же издания – и это издание, экземпляр которого описан выше². Третье издание представляет собой настенный лист «О вере,

¹ Формат 1⁰: Бубнов. № 235, 538, 538а. Формат 2⁰: Бубнов № 3, 3а (вариант), 9, 94, 165, 165а (вариант), 186, 334, 334а (вариант), 405, 421, 456, 466, 481, 519, 519–519 (вариант), 571, 572 (вариант). Очевидно, что эта информация не является абсолютно полной и имеются другие большеформатные гектографированные издания; их выявление и библиографический учет – пока что дело будущего.

² Бубнов. № 538. «Собрание священных правил и законов законоположителя и судии Севаста Арменопула. Первое гектографированное издание. Издал Г.М. Калинин». 1905. 501 л.; № 538а. «Собрание священных правил. Издал Г.М. Калинин». 1905. 501 л.

надежде и любви, вернейших человеческого спасения средствах»; он напечатан в начале XX в. в Саратове, в тип. П.С. Феоктистова¹.

Изданий, напечатанных форматом в 2⁰, как отмечено выше, было несколько больше. Среди них также три настенных листа: краткая биография Андрея Денисова², «Малоспасаемые»³ и «Пророко-апостольския о последнем времени предречения», напечатанные в начале XX в. Д.В. Батовым⁴; также к настенным листам относится и «Копия с благодетельнаго законоположения. Об изменении порядка увещания перешедших от господствующей церкви в раскол»⁵, напечатанная Батовым, и вариант этого издания⁶. Еще три издания представляют собой ответы и опровержения на газетные публикации, а также письма⁷. Эти издания содержат 4–5 листов и по формату близки газетам, в которых и размещались опровергаемые заметки. Таким же образом оформлены «Представление уполномоченных старообрядцев г-ну министру внутренних дел 9 февраля 1903 г. в Петрограде»⁸

¹ Бубнов. № 235. «О вере, надежде и любви, вернейших человеческого спасения средствах». XX в. (нач.). Настенный лист в орнаментальной рамке, отпечатанный типографским способом в г. Саратове, в тип. П.С. Феоктистова.

² Бубнов № 3 [Андрей Денисов. Краткая биография]. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.). Настенный лист в рамке. Изд. Д.В. Батов.

³ Бубнов. № 186. «Малоспасаемые». Настенный лист. Батов Д.И. (изд.). XIX в. (кон.) – XX в. (нач.). 1 л.

⁴ Бубнов. № 466. «Пророко-апостольския о последнем времени предречения». Батов Д.В. XX в. (нач.). 1 л.

⁵ Бубнов. № 165. «Копия с благодетельнаго законоположения. Об изменении порядка увещания перешедших от господствующей церкви в раскол». [Батов Д.В.]. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.). 1 л.

⁶ Бубнов. № 165а.

⁷ Бубнов. № 334. «О скоропостижно умершем, народных суевериях и газетных фразах. Ответ старообрядца-поморца на статьи в газете «Московский листок» от 30 ноября 1891 года за № 333». [Батов Д.И.] 1891 г. 2 л.; № 334а (вариант); № 405. [Отзыв]. «Казанско-тульскому колоссальному учителю, энергичному ратобору староверия г. Гребенщикова, на полемическо-ироническое письмо 31 марта 1894 г. от получившего адресата. Отзыв». [Батов Д.В.]. 1894. 2 л.; № 429. [Письмо]. Батов Д.В. Тула, 1893 г. 4 л.

⁸ Бубнов. № 456. «Представление уполномоченных старообрядцев г-ну министру внутренних дел 9 февраля 1903 г. в Петрограде». 1903. 16 с.

и «Памятная записка о событиях, происшедших в последнее время в старообрядчестве»¹.

Если настенные листы предполагалось размещать на стенах в молельных или в доме, то письма, опровержения, обращение к министру внутренних дел выполняли, скорее всего, те же функции, что и газеты и листовки: они предназначались к оперативному информированию, прочтению, как и газета, в кругу единомышленников, но, вероятно, не предполагали длительного хранения. Из-за небольшого количества листов их можно было сложить в несколько раз, спрятать в карман, убрать в тайник – если в этом была необходимость. В случае же надобности их легко было уничтожить.

Имеются среди изданий большого формата также учительные, полемические тексты²; кроме того, в таком же формате изданы и «Деяния соборов 7420–7421 гг. в Вичуговской стране»³. В отличие от указанных выше изданий, они более значительны по объему (до 250 с.) и их немного: всего 7 изданий. Как видно, среди перечисленных изданий нет ни богослужебных, ни четких текстов, а полемические тексты хотя и представлены, но их немного; все же подавляющее их большинство издано именно форматом в 4⁰. Функцией этих изданий являлось фиксирование важной, значимой информации и сохранение ее в течение длительного времени, увековечивание.

¹ Бубнов. № 421. «Памятная записка о событиях, происшедших в последнее время в старообрядчестве». [Бриллиантов М.И.]. XX в. (нач.). 5 л.

² Бубнов. № 9. «Апология христиан старообрядцев или рассмотрение и опровержение обвинений, возводимых на старообрядчество духовно-господствующей литературой. [Боев А.Г., автор]. XX в. (нач.). 96 с.; № 481. Разбор и опровержение учения Федора Михайловича, составленный сторонниками Александра Васильевича. [Залесский М.И. и др.]. XX в. (10–20-е гг.). 254 с.; № 519. «Свидетельства от Святаго писания о единой святей и апостольской соборной церкви». [Залесский М.И., изд.]. 1914. 68 л.; № 519–519 вариант; № 571. «Учение православной церкви о святом апостоле Петре и о других апостолах и учение Александра Васильева и его единомысленника еретика папы римского. Разбор». Залесский М.И. XX в. (нач.). 145 л.; № 572 (вариант).

³ Бубнов. № 94. «Деяния соборов 7420–7421 гг. в Вичуговской стране». Залесский М.И. (сост.). 1915–1916. 200 л.

Собственно, можно предположить, что эти целевые установки и предопределяли использование именно таких форматов изданий, несмотря на технические проблемы при их печатании. Отметим, что преобладали среди изданий больших форматов все же однолистники, что является косвенным подтверждением проблемы с тиражированием.

Формат издания и содержание текста должны были порождать соответствующие читательские практики: если однолистники и летучие издания предполагалось располагать на стене либо носить с собой в свернутом виде, читать самостоятельно или среди единомышленников, то огромные по формату и количеству листов, одетые в тяжелые переплеты экземпляры не предполагали чтения, сидя в кресле или на лавочке; очевидно, они должны были располагаться как минимум на столе, внушая уважение своим размером. Скорее всего, чтение таких книг предполагало соответствующую торжественность обстановки или особый случай.

Таким образом, старообрядческие гектографированные издания большого формата ограничивались определенной тематикой и целевым назначением. Из-за технических проблем с печатью больших форматов наиболее часто таким способом печатались однолистные и летучие издания, а издания большого объема были сравнительно редки. Кроме того, далеко не каждая старообрядческая печатня обладала соответствующей техникой.

Представляется, что дальнейшее изучение читательских практик, связанных с разными типами гектографических изданий, может быть достаточно перспективным.

Техники украшения старообрядческих рукописей: к постановке вопроса

В данном разделе предполагается рассмотреть различные техники украшения старообрядческих рукописей на примере томских хранилищ – Научной библиотеки Томского государственного университета и Томского областного краеведческого музея. Исследователи уже об-

ращались к проблеме «комбинированных техник» украшения рукописи. Так, в каталоге О.Р. Хромова¹ наряду с цельногравированными книгами приводится также описание рукописей, в составе которых имеются гравюры. В рассматриваемых коллекциях также обнаружены аналогичные примеры.

В ряде рукописей отмечено использование для украшения оттисков клише, выполненных в технике ксилографии или гравюры на меди. Например, в коллекции НБ ТГУ имеется 4 таких рукописи, относящихся к XIX–XX вв. Среди них рукопись В-5360 – Цветник, написанный в Бийском уезде Томской губернии в 1834–1835 гг.; оттиски клише использованы здесь локально, на л. 2 об.–3. Также в единичном случае использовано клише для воспроизведения заставки еще в одной рукописи: В-5683 – Псалтирь с дополнительными статьями, датированная концом XIX – началом XX в. (л. 180).

В коллекции ТОКМ имеются более ранние примеры использования такой техники. Так, в рукописи ТОКМ 7903/3 (Григорий Богослов (Назианзин). 16 слов с толкованием Никиты, митр. Иракийского. XVII в., 20–30-е гг.) на л. 5 имеется оттиск клише заставки Московского печатного двора². Самое раннее издание, где было использовано это клише: Триодь цветная. М. : Печатный двор, печ. Кондрат Иванов, 1621³; самое позднее: Минея общая с праздничной. М. : Печатный двор, 1653⁴.

Еще один пример – рукопись ТОКМ 7560 (Лаврентий Зизаний Тустановский. Катехизис. XVIII в., нач.). На л. 18 этой рукописи оттиснута заставка-рамка, выполненная в технике гравюры на меди. Как сообщил О.Р. Хромов при консультации конкретно по этой рукописи,

¹ Хромов О.Р. Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XIX веков : каталог коллекции отдела письменных источников Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М. : АРТ-РОДНИК, 2013. 440 с.

² Зернова А.С. Орнаментака книг московской печати XVI–XVII веков. М. : Гос. б-ка им. В.И. Ленина, 1952. № 294.

³ Там же. № 41.

⁴ Там же. № 251.

эта гравюра происходит с Соловков и выполнена в конце XVII в., заголовки в центре написаны киншварью.

Также в ТОКМ был обнаружен еще один интересный пример. Издание Минеи служебной за апрель (М. : Печатный двор, 1625) представлено в коллекции ТОКМ двумя экземплярами; один из них, ТОКМ 7904/15, имеет в начале 7 рукописных листов. Это реставрация начала XIX в., выполненная четким, красивым полууставом, заголовки и инициалы киншварные. На л. 1 имеется оттиск штампа, по технике и рисунку сходный с оттиском, описанным в каталоге Хромова¹, хотя не совпадает с ним полностью.

Отметим, что в последнее время исследователи стали активно обращать внимание на эту проблематику, однако разработка вопроса находится пока в самом начале; так, ученые отмечают в качестве проблемы отсутствие единой терминологии и необходимость ее разработки².

Имеется в составе исследованных рукописей и такой метод украшения, как наклеивание на листы вырезанных из печатных книг гравированных заставок, концовок и других элементов украшения. В НБ ТГУ такие рукописи относятся к XVIII–XX вв., самой ранней из них является В-5488 (Месяцеслов. Начало XVIII в.). В нем вырезанные из старопечатных книг и наклеенные на лист заставки имеются на целом ряде листов: л. 1, 15 об., 34 об., 41, 49. В Цветнике В-5440 (середина XIX в.) на л. 76, 98 использованы инициалы, вырезанные из Острожской Библии. В рукописи В-5590 (Чин причащения и панихиды. 10–20-е гг. XIX в.) такой пример всего один: вырезанная из печатной книги гравированная заставка на л. 8, как и в старообрядческом сборнике В-5651 (сер. XIX в.) на л. 17 об.

Что касается рукописей XIX в., то интересен Апокалипсис (В-26.673. 20–30-е гг. XIX в.). В нем имеется не только вырезанная из

¹ Хромов О.Р. Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях... № 123. С. 407.

² Хромов О.Р. О составлении описаний-определителей гравированных заставок-рамок, встречающихся в русских рукописях XVII–XIX вв. // Румянцевские чтения. М. : Пашков дом, 2007. С. 372–379.

печатной книги заставка (л. 38), но также рукописные миниатюры, вырезанные из другой рукописи (на л. 40, 42 об., 46 об., 55 об.; вырезаны и наклеены фрагменты; рисунок дополнен на л. 57 об., 73, 74, 80 об., 93, 93 об., 98 об., 103).

В начале XX в. создатели рукописей начинают использовать для их украшения техническую новинку – «переводные картинки», декаль. Этот метод не прямой печати был изобретен еще в XVIII в. французским гравером Симоном Франсуа Равене. Русский художник А.И. Терехнев в 1840 г. получил привилегию на аналогичный способ украшения массовой посуды. Серьезным усовершенствованием технологии «переводных картинок» было изобретение в 1895 г. двухслойной бумаги. На тонком слое печаталось изображение, к нему добавлялась прослойка из толстой бумаги. Это изобретение способствовало ускорению и удешевлению производства и сделало «переводные картинки» действительно массовыми.

В рассматриваемых рукописях использовались преимущественно картинки с растительным рисунком, вполне реалистичным. В рукописи В-17.986 (Сборник старообрядческий смешанного содержания. нач. XX в.) имеются концовки в виде переводных картинок на л. 18, 20; в рукописи В-20.101 (Сборник старообрядческий полемический. Нач. XX в.) заставки и концовки из переводных картинок представлены на л. 59 об., 119 об., 182, 188 об.; в рукописи В-27.104 (Канонник. Нач. XX в.) заставка из переводной картинки растительного рисунка наклеена на л. 64 об. Подобные украшения имеются также в составе двух рукописей из так называемой Скитской библиотеки. Отметим, что три перечисленные рукописи происходят из скитов старообрядцев-странников, находящихся в районе пос. Красный Яр Кривошеинского района Томской области – т.е. они принадлежали представителям довольно закрытой и радикальной старообрядческой общины.

Наконец, отметим и такой элемент украшения, как использование желтой фольги – вероятнее всего, ее применяли как имитацию золота. В НБ ТГУ имеется рукопись с заставками из фольги – В-5548 (Слова постнические Исаака Сирина, 2-й редакции с дополнительными ста-

тьями. 1894–1895 гг.); в ней заставки из фольги имеются на л. 101 об., 244 об., 354¹.

Использование разных техник показывает не только уровень технической подготовки и навыков художника, но также его окружение и круг общения. Например, использование в рукописи оттисков, применявшихся ранее на Московском Печатном дворе, свидетельствует о том, что у мастеров, украшавших рукопись, имелись соответствующие клише. Следовательно, они должны были иметь связи с людьми, у которых была возможность получить эти клише в свое распоряжение – т.е. с теми, кто либо сам работал на Печатном дворе, либо имел соответствующий круг знакомых.

Использование штампов и вырезанных гравюр отсылает нас к проблеме соотношения рукописной и печатной книги. Получается, что либо печатная книга, из которой вырезались заставки, была уже дефектной, и не жалко было ее порезать, либо она в принципе считалась менее ценной, поэтому ее можно было повредить для украшения рукописи. Использование штампов может говорить либо о стандартизации украшения рукописи (и в этом смысле также о сближении с печатной книгой), либо это является свидетельством не очень хороших навыков рисовальщика у мастера, украшавшего рукопись. Но при этом можно предполагать у этого мастера хорошие навыки гравера или наличие в его распоряжении уже готовых штампов. О.Р. Хромов считает, что такие рукописные книги с гравюрами явились предшественниками цельногравированной книги и представляют собой своеобразное явление в книжной культуре России².

Использование для украшения декаля, или «переводных картинок», может являться свидетельством размывания традиции украшения книги. С другой стороны, на примере указанных выше рукописей можно говорить о том, что старообрядцы не стеснялись использовать

¹ Подробнее об украшении этой рукописи см.: Есипова В.А. Текст Исаака Сирина в восприятии художника-старообрядца конца XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 38–42.

² Хромов О.Р. Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях... С. 6–9.

современные им технические новинки. Отметим, что рукопись, в отличие от печатной книги, представляет собой результат штучного производства, нередко она изготавливалась по прямому заказу владельца (он же – читатель) и в силу этого может свидетельствовать, в числе прочего, и о его личных вкусах и предпочтениях.

Посмотрим на использование различных техник украшения книги с другой стороны. Представляется, что они могут свидетельствовать о вписывании книги в бытовой контекст, ставят ее в один ряд с бытовыми предметами (декаль, фольга). По этому вопросу существует интересная статья, автором которой является Дж.Т. Найт¹. В его работе рассматривается европейская книга периода Ренессанса и делается вывод о том, что происходит расширение функций книги: с одной стороны, она продолжает оставаться вместилищем текстов и смыслов, с другой же – становится немаловажным предметом интерьера, материальной обстановки, окружающей ее владельца. При этом следует учитывать, что для старообрядца, в отличие от ренессансного человека, книга являлась предметом сакральным. Рассмотренные примеры говорят о том, что книга, с одной стороны, важна и уважаема (ее украшают, о ней заботятся), с другой – она встает в один ряд с остальным повседневным окружением, в ней отражается вещный мир обладателя рукописи.

Интересно сопоставить эти соображения с известными высказываниями старообрядцев, которые часто можно слышать во время бесед с ними: так, при пересказе житийных текстов многие из них вписывают сакральные сюжеты в окружающий их мир, сообщая, скажем, о том, что Мария Египетская проживала в соседнем селе. То есть для ряда старообрядцев характерно «вписывание» сакрального в свой повседневный мир; использование же описанных техник при украшении рукописей представляет собой движение в обратном направлении: сакральное (в частности, тексты) овеществляется, причем делается это техническими средствами, доступными художнику и зачастую – довольно современными.

¹ Knight J.T. “Furnished” for Action: Renaissance Book as Furniture... P. 37–73.

Таким образом, описанные выше техники украшения рукописи эволюционировали со временем (ксилография, использование штампов, наклейки из фольги, «переводные картинки» и т.д.). С одной стороны, рассмотрение этих техник позволяет составить представление о том, какие технические возможности имелись в распоряжении художника. С другой стороны, использование определенных техник позволяет понять, что считалось возможным и допустимым при иллюстрировании рукописи, какие существовали эстетические нормы и как они эволюционировали. Например, использование такой технической новинки, как декаль, указывает на то, что старообрядцы были с ней знакомы и не считали недопустимым ее использование не только в быту, но и для украшения книг, содержащих сакральные тексты. Изучение этих техник в сочетании с исследованием текстов, которые иллюстрированы тем или иным способом, позволят получить новые знания не только об истории старообрядческой книги, но и о повседневной жизни старообрядческих общин.

Глава 4. ДЕТСКОЕ И ЮНОШЕСКОЕ ЧТЕНИЕ В ТОМСКЕ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

4.1. Круг детского домашнего чтения

Значительную часть читающей публики на рубеже XIX–XX вв. составляли дети¹. Ее формированию способствовали распространение образования и повышение его ценности в обществе, расцвет педагогики, в частности в области детского чтения, открытие библиотек, развитие детской литературы.

О значимости данной читательской аудитории в дореволюционном Томске свидетельствует ее влияние на местное книгоиздание и книгораспространение. Если в середине XIX в. в Томске, как и во всей Сибири, книги для детей еще не издавались, более того, их практически невозможно было найти ни в библиотеках, ни в книжных магазинах, то уже 1870–1890-е гг. эта недостаточность преодолевается. Детскими изданиями комплектуются библиотеки, в первую очередь при учебных заведениях. Первая частная Публичная библиотека Макушина при открытии содержала 173 наименования детских изданий, имела детское отделение, каталог библиотеки содержал пометы с указанием на читателя-ребенка. Также детские издания регулярно встречаются в каталогах Сибирского книжного магазина П.И. Макушина. Здесь, как известно, принималась подписка на детские журналы, а уже в 1906 г. Макушин выпускает отдельный каталог детских книг². С 1880-х гг. в Томске

¹ Куприянов А.И. О круге чтения детей и юношества в городах Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 43–56; Матханова Е.И. Круг чтения детей ссыльных декабристов // Распространение книги в Сибири конца XIX – нач. XX вв. Новосибирск, 1990.

² Каталог детских книг Публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске. Томск : Паровая типолитография П.И. Макушина, 1906. 22 с.

реализуются издательские проекты детской книги местных авторов, прежде всего учебной и художественно-литературной.

Каталоги библиотек, книжных магазинов, репертуар местных издательств, материалы о детской литературе в местной периодике должны послужить источниковой базой при изучении читателя-ребенка в дореволюционном Томске. Учитывая ценность и уникальность каждого, обратим внимание на их общий регулятивный характер, ограниченность цензурными, уставными, рекомендательными документами. Потому данные источники отражают общие официальные требования к детскому чтению.

На их фоне более неформальной выглядит детская домашняя библиотека. «Домашней библиотекой (личной книжной коллекцией) может считаться совокупность изданий и опубликованных документов (собрание, внутри коллекция), обладающих определенным смысловым единством, принадлежащая одному человеку или группе людей, представляющая культурную, историческую, научную, библиофильскую ценность, производственный интерес или нравственную значимость для всего общества или определенного круга людей»¹. Обладая качествами личной, персональной и семейной библиотек² домашняя библиотека ориентирована на чтецов, различных по возрасту, половой принадлежности, интересам, но живущих общесемейными интересами и традициями. Потому ее анализ позволяет воссоздать не только дух эпохи, но и интеллектуальную и духовную жизнь семьи, индивидуальное отношение к детству, задачи семейного воспитания и др., а также интересы и потребности в чтении ребенка.

«Одним из источников распространения книг в Сибири были личные (частные) библиотеки, хозяевами которых в основном было местное купечество»³, а также томские ученые и интеллигенты. Создание и пополнение детской библиотеки было особенно дорогим

¹ Шавыркина Н.А. Личная библиотека как социально-культурное явление : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 31.

² См. подробнее: Там же.

³ Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. В.А. Есиповой, Т.Л. Воробьевой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 215.

делом в силу высокой стоимости книг, малочисленности книжного рынка Томска, трудностей доставки книг из столичных издательств. Детский томский книжный рынок в целом был ориентирован на учебную и художественную, рекомендуемую в качестве обучающей, литературу. Дешевые детские издания можно было найти в каталогах и списках книг, предназначенных для начального взрослого и народного чтения, в силу понятности и увлекательности сюжета, простоты языка, свойственных детской литературе (в этом смысле показательно заглавие популярного в конце XIX – начале XX в. издания, составленного учителями Харьковской частной женской воскресной школы Х.Д. Алчевской и др. «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения» (СПб., 1884, 1888, 1889, 1900)). Дорогие качественные издания для детей в регион практически не попадали.

На сегодняшний день не описано ни одной детской домашней библиотеки дореволюционного Томска. Однако в Архиве ТОКМ нам удалось обнаружить две коллекционные описи № 161 и 162 под одинаковым названием «Книги дореволюционного издания для детей и юношества», насчитывающие 74 и 40 наименований изданий соответственно. Легенда к описи № 161 гласит: «Приобретена в 1979 г. сотрудником ТОКМ В.И. Косточко. Закуплена у А.В. Брытковой, проживающей в г. Томске»¹. В обеих коллекциях имеются книги, объединенные читательскими пометами, единообразным подчеркиванием отдельных мест (цветными карандашами, под линейку) и автографом, содержащим имя и фамилию владельца, иногда – указание на город Томск и год. Ввиду этого можно с уверенностью предположить, что в описях содержатся издания из одной и той же детской библиотеки, собранной на территории г. Томска в конце XIX – начале XX в., принадлежащей одному частному лицу: Вадиму Ефимову².

К сожалению, пока не удалось установить его личность, но, принимая во внимание уже признанную мысль о том, что и книги «соби-

¹ Книги дореволюционного издания для детей и юношества. К.о. № 161. ТОКМ. 6025/1-74; К.о. № 162. ТОКМ. 6064/1-40.

² Иные автографы на некоторых экземплярах коллекции носят явно случайный характер и связаны с бытованием книг.

рают» человека, можно утверждать, что это был человек образованный, знающий языки (в библиотеке имеются издания на немецком, английском языках), разбирающийся в классическом и современном литературном процессе (о чем свидетельствуют «взрослые» издания – тома из Полных собраний сочинений И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, К.М. Станюковича, С.Т. Аксакова, Г.П. Данилевского и т.п.), озабоченный вопросами семейного воспитания и домашнего образования (в коллекции присутствуют подборка журналов «Семья и школа», «Сборник журналов: для обучения игре на фортепиано...», «Руководство к умственным вычислениям или теория задач...», две хрестоматии по чтению, учебники английского и немецкого языков), компетентный в актуальных задачах педагогики, наконец, знающий историю и современное состояние детской и юношеской литературы.

Подборка изданий по читательскому адресу свидетельствует о том, что библиотека формировалась в расчете на средний-старший школьный возраст (большинство изданий имеют прямое указание: для детей старшего возраста, для юношества), а также на детей разного пола (практически в равном соотношении находятся издания, адресованные юношам или девушкам, что отражают заглавия, тематика, жанр книг: С.М. Макарова «Грозная туча: историческая повесть для юношества из времен Отечественной войны» и Л. Чарская «Лизочкино счастье»; Ф. Бернетт «История маленького лорда: повесть для детей» и Ф. Бернетт «Маленькая принцесса (приключения Сары Кру): повесть для детей»).

Наконец, по месту издания книг и качеству их редакционно-издательской и производственной подготовки можно говорить о состоятельности их собирателя, широких возможностях доставки изданий в Томск. Значительное место в коллекции занимают книги ведущих столичных издательств И.Д. Сытина, А.Ф. Девриена, М.О. Вольфа и др., чаще всего в картонном, коленкоровом переплете с применением кожи, металла, с иллюстрациями и дополнительным оформлением, с применением тиснения, золочения и других форм украшения книги, делающих ее дорогим изданием.

Классификация изданий библиотеки по типологии, авторскому и жанрово-тематическому составу позволяет выделить следующие ключевые моменты.

Большая часть коллекции состоит из литературно-художественных изданий, содержащих произведения зарубежных и русских авторов.

При выборе зарубежных – предпочтение собирателя отдается современникам-беллетристам, популярным в 1880–1890-е гг. Это книги американской детской писательницы Френсис Элизы Бернетт, американского беллетриста Томаса Бейли Олдрича («Приключения Тома Бейли. Воспоминания американского школьника»), австрийского писателя П. Розеггера, французской писательницы Шарлотты Шабрьер-Ридер («Одна-одинешенька») и др. Их произведения, собранные в библиотеке, объединяют автобиографическая основа, исповедальный тон, сентиментальный сюжет, что притягивало, прежде всего, юных читательниц. Эстетические качества художественного текста и этические нормы, раскрываемые через увлекательный сюжет, систему персонажей, соответствовали требованиям, выдвигаемым педагогами к детскому семейному чтению.

Среди изданий произведений зарубежных писателей в домашней библиотеке стоит выделить такие, которые пользовались огромной популярностью в дореволюционной России, особенно в кругу подростковой мужской аудитории. Это рассказы из охотничьей серии Майна Рида «Охотники за растениями», «Ползуны по скалам» (М., 1896), «Охотники за жирафами» (М., 1895), «Ямайские мароны» (М., 1896), «Путешествие» (Б.м., б.г.), романы Жюль Верна «Вокруг луны» (Б.м., б.г.), «Девственные леса» («Молодые охотники») (Б.м., б.г.), Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» (СПб., б.г.). Произведения данных писателей были включены в многочисленные рекомендательные списки для внеклассного, домашнего и народного чтения. Полезность ознакомления с ними детей педагогами определялась не только духовной, но и практической составляющей. За неимением достаточной литературы по географическим наукам художественные произведения жанра «путешествия» должны были восполнить этот пробел.

В частности, в авторитетных указателях книг для народного и детского чтения Алчевской за 1884 г. главное достоинство произведений М. Рида определяется как «соединение интересной фабулы со сведениями из области естественных наук, географии и этнографии...»¹.

Художественно-географическая «детская» литература в библиотеке дополнена очерковыми произведениями зарубежных и отечественных авторов: Н. Лендер «Путник. По Европе и Востоку: очерки и картинки» (СПб. : Изд. А.С. Суворина), В. Ирвинг «Путевые очерки и картины» (Б.м., 1879), Г. Сенкевич «Письма из путешествий: Америка, Рим, Венеция, Париж, Африка» (СПб., 1902), И.А. Гончаров «Фрегат Паллада. Очерки путешествия» (СПб., 1899). Несмотря на то, что названные издания не относятся к разряду детских, очевидна установка их приобретателя на читателя-ребенка. Неслучайно все издания содержат большое количество иллюстративного материала (по которому в XIX в. детская книга отделялась от взрослой) и указание на жанр «путешествия», привлекательный для юного читателя с точки зрения предмета изображения, сюжетно-композиционных жанровых форм. Между тем очерковая основа произведения, предполагающая объективность и фактическую достоверность воспроизведения мира, позволяла юному читателю получать научные географические сведения. Таким образом, наличие в домашней библиотеке зарубежной литературы жанра «путешествия» – не только следование вкусам юного читателя. В системе домашней библиотеки как целого занимательно-развлекательный характер чтения уравновешивался увлекательно-прагматическим, что соответствовало задачам домашнего обучения и развития ребенка.

Значительное место по количеству наименований в домашней библиотеке занимают детско-юношеские издания отечественных писателей-беллетристов. Среди них можно выделить серию книг авторов так называемого сентиментально-моралистического направления. Произведения В.П. Желиховской (Желиховская В.П. Мозаичная пе-

¹ Что читать народу? : критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х.Д. Алчевская и др. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1884. Разд. 6. С. 62.

реписка : роман для юношества в письмах. М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. Она же. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства. СПб. : изд. А.Ф. Девриена, [б.г.]. Она же. Из тьмы к свету: история мальчика-молокана : повесть для юношества. СПб. : изд. Девриена. [б.г.], Е.Н. Кондрашовой (Кондрашова Е.Н. Дети Солнцевых. СПб. : Изд. Девриена, 1899), М.Ф. Ростовской (Ростовская М.Ф. Поездка на Сергиевские серные воды : рассказы для девочек. СПб. : изд. М.О. Вольфа, 1863) рекомендовались для детского домашнего чтения и дополняли сентиментальную беллетристическую серию зарубежных авторов. Они привлекали, прежде всего юных читательниц, интимностью повествования (через жанры писем, воспоминаний), простотой и понятностью сюжета и пр.

Отдельное место занимают издания с произведениями Л. Чарской. В домашней библиотеке их восемь, пять из которых собраны серийой из приложений к журналу М.О. Вольфа «Задушевное слово», где регулярно печатались первые произведения еще никому не известной детской писательницы. Проникновение тоненьких книжек под названием «Голубая волна. Стихи и песни Л.А. Чарской» (СПб., 1853–1883. Вып. 1–6) в Томск и дальнейшее пополнение коллекции более поздними произведениями писательницы свидетельствует о ее возрастающей популярности вопреки официальному мнению критики. Книги писательницы в домашней библиотеке подчеркивают ее ненормативный характер, свободу выбора собирателя в угоду вкусам читателя-подростка.

Еще одним пластом рассматриваемой домашней библиотеки можно считать издания писателей так называемого художественно-реалистического направления, которое только набирало силу в художественной детской литературе 90-х гг. XIX в. при поддержке передовых педагогов и критиков. Из домашней библиотеки выделяются баталистические произведения для детей В.И. Немировича-Данченко «За далеких братьев. Повесть из последней русско-турецкой войны» (Бесплатное приложение к журналу «Всходь» за 1901 г. СПб. : типография А.Е. Колпинского, 1901), «Победитель» (М. : Издание журнала Юная Россия, 1914), «историческая повесть для юношества из вре-

мен Отечественной войны» С.М. Макаровой «Грозная туча» (СПб. : изд. Девриена, 1912), а также произведения малоизвестных авторов А.В. Круглова, А.И. Красницкого, В. Строева, А. Беляевой и др. Историческая, военная, социальная тематика произведений данного направления соответствовала вкусу подростка-мальчика и воспитывала патриотические чувства. Подобно литературе о путешествиях, достраивающей знания по географии, данные художественные произведения способствовали изучению истории. Исторический отдел выделялся во всех указателях по детскому и народному чтению, в него включалась литература разного вида. В домашней библиотеке рядом с художественными историческими произведениями находим научно-популярные издания, например «Европейские монархи и их дворы» (перевел с англ. и дополнил Ранцов В. СПб., 1891).

Еще одна «полка» литературно-художественных изданий домашней библиотеки включает произведения классиков русской «взрослой» литературы, но изданной для детей. Это «Избранные стихотворения М.Ю. Лермонтова...» (Харьков, 1914), «Лира: новейший полный литературно-музыкальный сборник» (М., 1904), «А.С. Пушкин. Собрание сочинений для детей» (СПб., 1913) и др. Их появление в детской библиотеке – свидетельство воспитательной концепции собирателя. В коллекции увлекательная беллетристика соседствует с классикой, проза – с поэзией, новые имена – с уже известными. В целом литературно-художественный отдел библиотеки достаточно обширен, при этом продуман, целостен, отражает основные тенденции, происходящие в детской и юношеской литературе конца XIX – начала XX в. И, как мы попытались показать выше, при отборе художественной литературы учитываются и вкусы читателя-подростка, и методико-педагогические указания, и стремление собирателя пополнить знания ребенка по основным наукам.

Поэтому закономерно, что значительное место по количеству изданий занимают в библиотеке научно-популярные и учебные издания. Большинство из них относится к естествознанию и географии, отраслям, признанным Комиссией при Министерстве народного просвещения первостепенными и введенными в учебный план программы 1–3-х клас-

сов средней школы. В предисловии к разделу «Естествознание» критического указателя «Что читать народу?» составитель Х.Д. Алчевская отмечает: «Эти книги должны занимать первенствующее место как по своему образовательному и воспитательному влиянию на человека, так и с чисто утилитарной точки зрения»¹. Далее, основываясь на наблюдениях за своими учениками, она подчеркивает сложность изучения предмета и предлагает программу его тематического изучения в следующей последовательности: окружающая природа – животный мир – местности и их жители – свойства тел и физические явления – человек – космос. В коллекции домашней библиотеки находим ряд изданий, соответствующих тому или иному тематическому разделу. Знания по окружающему миру, растениям и животным дает учебник И.И. Трояновского «Курс природоведения : в 3 ч. Ч. 1: Воздух, вода и земля : для младших классов средних учебных заведений. Ч. 2: Растение и его жизнь. Ч. 3: Человек и животные» (М. : Изд. Т-ва И.Д. Сытина); знания о человеке подробно представлены в отдельном имеющемся в библиотеке томе научно-популярного издания «Человек и природа. Основы естествознания в общедоступном изложении. Т. 6: Человек, ч. 1» (Л. : Сеятель, [б.г]); изучению типов местностей способствует целый ряд изданий: Е.Н. Водовозова «Как люди на белом свете живут. Французы» (М. : Задруга, 1918), В. Семенов Тянь-Шанский «Типы местностей Европейской России и Кавказа» (Петроград, 1915), «Альбом картин по географии Европы с 233 рисунками» (СПб. : Тип. Книгоиздательского т-ва «Просвещение», 1899), «Начальный курс географии. Часть 2-я (Азия, Африка, Америка, Австралия)» (сост. Г.И. Иванов, преподаватель 2-й гимназии. Петроград, 1917). Наконец, представление о вселенной давал имеющийся в библиотеке 3-й том из десяти томной Детской энциклопедии (его тематика – Естествознание). Таким образом, в книжном целом детской домашней библиотеки формировалось целостное знание о мире в его системе и взаимосвязях, что являлось одним из главных требований педагогики начала XX в.

¹ Что читать народу?.. Разд. 3. С. 2.

Стремление собирателя к универсализму доказывает и тематическое, и типо-видовое разнообразие изданий, и попытка к собиранию серий, частей, томов, и лучшее для того времени фундаментальное энциклопедическое издание издательства И.Д. Сытина. По качеству содержания, редакционно-издательской подготовки эта энциклопедия удовлетворяла вкусы самых требовательных родителей и педагогов. Ее наличие в детской домашней библиотеке – свидетельство и вкуса, и возможностей, и требовательного подхода к образованию и воспитанию своих детей.

Дополняют детскую домашнюю библиотеку подшивки иллюстрированных журналов «Семья и школа» (ежемесячный иллюстрированный журнал для детей. 8-й год издания. 1912. № 1–12), «Новые иллюстрации» (1916. № 1, 2), «Сибирская жизнь» (иллюстрированное приложение к журналу. 1914. № 240). Они также ориентированы на читателя-ребенка, разнообразие его интересов и потребностей в актуальной литературно-художественной, познавательной, общественной информации.

Анализ домашней детской библиотеки в г. Томске позволяет выявить точку зрения собирателя-интеллигента на вопросы домашнего воспитания, а также судить о круге чтения ребенка-подростка г. Томска в конце XIX – начале XX в.

4.2. Детское книгоиздание в Томске в конце XIX – начале XX в. как способ формирования читателя (на примере учебной книги)

Книгоиздание является одним из важнейших социальных институтов, влияющих на культуру чтения. С середины XIX в. педагоги определяли его особую роль в воспитании и развитии детей. Развитие отечественной педагогики и детской литературы способствовало мощному развитию детского книгоиздания. Исследователь детской книги С.А. Карайченцева, ссылаясь на материалы «Книги в России. 1861–1883», приводит следующие показатели: «В период с 1855 по 1881 г. издание детской литературы увеличивается в 5–6 раз. Всего за

этот период выявлено 1 647 изданий, что составляет 1,65% от общего числа выпущенных в это время в России книг (100 032 названия)¹. Динамика сохраняется и в последующие годы, вплоть до 1912 г. Крупные издательские фирмы А.Ф. Девриена, К.Л. Риккера, М.О. Вольфа регулярно включают книги для детей в свой репертуар.

Однако до многих провинциальных городов России детская литература не доходила в силу отдаленности от центра, неразвитости транспортной системы и системы книгораспространения. Так и в город Томск качественные детские книги проникали с большим трудом, дорого стоили, носили случайный характер в репертуаре городских книготорговых точек и библиотек. Недорогие детские учебные и литературно-художественные издания, часто рекомендованные одновременно и для народного чтения, можно было найти лишь в наиболее крупных книготорговых точках, Сибирском книжном магазине Михайлова и Макушина, В.М. Посохина, В.А. Феофанова².

Расцвет полиграфического производства в Томске в 1880–1890-е гг., приток в город образованных и талантливых людей своего времени (что связано с открытием Томского Императорского университета) позволили местным издателям реализовывать собственные издательские проекты в области детской книги. Тем самым решался ряд проблем в книжной культуре региона. Во-первых, преодолевался недостаток детских изданий, в которых особенно нуждался «маленький» читатель города, во-вторых, город встраивался в общероссийский литературный и издательский процесс, отвечая запросу создания отечественной литературы и книги для юного читателя, в-третьих, местные издатели получали возможность, с одной стороны, расширить свою читательскую аудиторию (в детской книге нуждались и начинающие читатели взрослой аудитории, эти книги рекомендовались, например,

¹ Карайченцева С.А. Книговедение: литературно-художественная и детская книга : учебник для вузов. М. : МГУП, 2004. С. 214. (Издания по филологии и искусству).

² См.: Развитие торговли в Томске и Томской губернии в XIX – начале XX в. // Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 110, 111, 126.

в воскресных школах) и, естественно, получить материальную выгоду, а с другой – реализовать культурно-просветительскую программу, направленную на формирование идеального образа ребенка.

В издании детских книг приняли участие все крупные типографии Томска, ведомственные (например, Губернского управления, Дома трудолюбия) и частные (В.В. Михайлова и П.И. Макушина, Н.Я. Беляева, Н.И. Орловой, С.П. Яковлева). По количеству наименований, типо-видовому разнообразию и продолжительности издания, несомненно, выделяется типография П.И. Макушина. Из составленного нами списка детских изданий¹, вышедших в Томске с 1880 по 1910-е гг., насчитывающего всего 33 издания, 20 выпущено в типографии П.И. Макушина. Первое издание, адресованное детям, вышло в 1885 г.; последующие выходили ежегодно вплоть до 1906 г. Когда типография Макушина была продана Сибирскому товариществу печатного дела, последнее продолжило выпуск региональной детской литературы.

Макушинские проекты в области детской книги носили системный характер. Их главной целью было распространение грамотности среди детей. Поэтому первые детские издания П.И. Макушина относятся к **учебной литературе**. В ней апробировались издательские подходы к специфически новому по целевому назначению и читательской аудитории продукту.

Зная проблему нехватки учебников, принимая личное участие в обеспечении томских библиотек, учебных заведений, книготорговых точек передовыми учебными изданиями², Макушин запускает ряд собственных издательских проектов, различных по предметной области (арифметика, русский язык, чтение), жанровой природе

¹ Следует отметить, что в рассматриваемый период детская читательская аудитория определялась общо и не классифицировалась по психолого-педагогическим признакам. Адресованность издания детям обозначалась либо в названии книги, часто через обозначение жанра, либо на титульном листе, либо в статьях редактора и издательском аппарате, либо через оформление и иллюстрирование книги. Все это учитывалось нами при составлении списка.

² См. подробнее: Книжная культура Томска (XIX – начало XX вв.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 109–112.

(учебник, азбука, учебное пособие, хрестоматия), читательскому адресу (для учителей, учащихся-детей, учителей и учеников одновременно). Тем самым издатель отрабатывает модель учебной книги, наиболее приспособленной к книжным условиям региона.

Отталкиваясь от опыта издания научных и научно-популярных книг, которые преобладали в репертуаре макушинской типографии и на которые возлагались функции учебной литературы¹, в 1894 г. П.И. Макушин издает Учебник начальных занятий по арифметике². Несмотря на то, что в выходных данных отсутствует указание на читательский адрес, из анализа издания понятно, что она рассчитана на специалиста, скорее всего учителя. Об этом свидетельствуют стиль и способ изложения материала. В учебнике представлены научные знания о предмете. Его цель – представить методику начального обучения арифметике, рекомендовать приемы и способы обучения математическим навыкам. От научной книги учебник отличает специфический аппарат: учебно-методическое вступление; дидактические материалы – таблицы вычитания, сложения, умножения, деления; объяснительные примеры; задачи. Материал поделен на отделы по полугодиям и рассчитан на трехгодичное обучение. К сожалению, учебник не снабжен выпускными сведениями, неизвестен его автор, поэтому трудно судить о его издательской и маркетинговой судьбе. Для нас важно, что это была одна из первых попыток освоить новый вид востребованного в Томске специфического издательского продукта.

Прямо противоположный проект учебного издания, практикоориентированного, направленного на читателя-ребенка, Макушин предпринимает в 1896 г. В это время в его типографии выходит Азбука для обучения грамоте алтайских инородческих детей³. С одной стороны, ее издание, связанное с деятельностью алтайских миссионеров

¹ См.: Книжная культура Томска (XIX – начало XX вв.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 93.

² Учебник начальных занятий по арифметике. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1894. 54 с.

³ Азбука для обучения грамоте алтайских инородческих детей. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1896. 32 с.

и христианизацией инородцев, позволяло П.И. Макушину расширить читательскую аудиторию, внести свой вклад в государственную образовательную программу; с другой стороны, это был проект, позволяющий апробировать новый вид издания – учебный, новый жанр – азбуку, для новой читательской группы – детей.

К этому времени в России уже сложилась определенная традиция издания подобных азбук; в частности, на алтайском языке первый букварь «Алтай кижиер балдарын бичикке уредерге азбука» («Азбука для обучения грамоте алтайских инородческих детей») вышел в свет в 1868 г. в Санкт-Петербурге, его второе переиздание было осуществлено в 1882 г. в Казани. Благодаря деятельности различных миссионерских школ, а с 1876 г. – Переводческой комиссии Православного Миссионерского общества, подобные целевые издания выходили и на других языках: татарском, чувашском, черемисском, киргизском и пр.¹ Поэтому в макушинском издании азбуки лишь осваивается шаблон такой учебной книги. Издание достаточно традиционно как по содержанию, так и по редакционно-издательской подготовке. В нем воплощается практическая направленность в обучении: к минимуму сведены теоретический материал и научные знания о предмете, работа с книгой предполагает формирование практических умений и навыков.

Основным методическим приемом усвоения материала является опора на родной язык: к русскому слову, словосочетанию или предложению дается вариант на алтайском языке. Отбор лексики укладывается в традиционные для данного вида учебного издания тематические группы: семья, быт, знакомый ребенку, природа, животный мир, пословицы и поговорки. Тексты для начального чтения выполняют религиозно-нравственные функции и имеют явно идеологический воспитательный приоритет в соответствии с целью издания. Так, уже с середины книги, с буквы Ц, появляется церковная лексика. В разделе на букву Щ приведен целый богослужебный текст, обращение

¹ Бабин В.Г. Религиозно-просветительская система Н.И. Ильминского и ее роль в становлении национальных школ Поволжья, Приуралья и Сибири // Макарьевские чтения : сб. науч. ст. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2002. С. 37–48.

к матери Божией¹. В разделе ЪЮ, ЪЯ изучаются числительные, обозначающие счет до 10, в словосочетаниях с соответствующими существительными: «Один Бог, Два естества, Три лица, Четыре Евангелия...»². Раздел Праздники поделен на три части: в первой приводится перечень церковных праздников, связанных с Евангельской Историей Иисуса Христа, во второй части – с Историей Богородицы, в третьей – с православными постами.

Итак, обращение П.И. Макушина к изданию азбуки позволило отработать приемы и способы еще одного типа учебной книги, востребованного в регионе в связи с государственной образовательной программой.

По-настоящему новаторским издательским проектом П.И. Макушина в области учебной литературы является серия учебных пособий по русскому языку томского учителя А.И. Злобина, которая выходила с 1885 по 1902 г. Их основу составляют такие дидактические жанры, как немые диктанты (6 изданий), таблицы (5 изданий), примеры (2 издания). Издания связаны между собой. Они представляют, во-первых, разные разделы русского языка, а вместе охватывают полный курс, во-вторых, разные методики освоения предмета, которые в совокупности работают на глубокое и всестороннее освоение предмета, в-третьих, разные материалы в хрестоматийной части, которые в целом направлены на формирование нравственно-этических понятий. Полнота издательской серии определяется не только охватом учебного материала, но и воспитательной концепцией, реализуемой через отбор примеров и текстов, предназначенных для прочтения.

Редакционно-издательскую подготовку учебных пособий определяет двойной читательский адрес: учащие и учащиеся. Об этом свидетельствует аппарат ориентировки, а также тщательно составленные предисловия к каждой книге. Они преследуют две цели для двух читательских групп: методически-рекомендательную и ориентирующую

¹ Азбука для обучения грамоте алтайских инородческих детей. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1896. С. 14.

² Там же. С. 15.

жую. К изданию «Немые диктанты (без диктующего)...»¹ их два. Первое написано в безличной форме, занимает 15 страниц текста, подробнейшим образом разъясняет цель издания, способы работы с ним, отбор материала и пр. Второе занимает 2 страницы, адресовано специально учащимся, о чем говорят его краткость, тематический заголовок «Как пользоваться учащимися настоящими диктантами в классе и дома», субъектная форма выражения («списывайте в свою тетрадь...», «припомните подходящее правило...»²), инструктивный характер изложения, рубрикация, система выделений, примеры по работе с материалом.

Автором и издателем актуальность данного учебного пособия для региона обоснована и широтой использования. На титульных страницах изданий или в предисловии обязательно указываются варианты применения учебного материала. Так, на титульной странице «Немых диктантов (без диктующего)...»³ читаем: «для **самостоятельной** работы учащихся **в классе и дома**» (выделено нами. – *Е.Т.*), «курсе средне-учебных заведений», в предисловии дополнено: «при подготовке к письменным экзаменам для поступления в различные классы учебных заведений, при занятиях в городских училищах, одновременно с несколькими группами учащихся»⁴. Также и учебное пособие по синтаксису⁵ рассчитано и на самостоятельное изучение пунктуационных норм русского языка, и на закрепление грамматического разбора, и на развитие речевых навыков: «Учащиеся, пользуясь подобным сборником как материалом для грамматического разбора, в одно и то же время имеют у себя под руками последовательную и полную программу по синтаксису, которая постепенно развертывается перед ними в примерах... отрывки из произведений наших лучших

¹ Злобин А. Немые диктанты (без диктующего) : полный и систематический сборник по русскому правописанию для СРУ в классе и дома... Томск : Тип. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1886. 113 с.

² Там же. С. 14.

³ Там же. Тит. л.

⁴ Там же. С. 1.

⁵ Злобин А. 850 примеров для синтаксического разбора по русской речи. Томск : Тип. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1885. 57 с.

писателей, имея целью дать учащимся, хотя отрывочно, но образцовое построение нашей речи»¹.

Разнообразному целевому использованию учебных пособий А. Злобина служат дидактический материал, методические приемы, предлагаемые автором, но главное – состав книг. В качестве приложения они включают в себя хрестоматии, куда помещены отрывки из произведений «образцовых писателей»: И. Никитина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и др. Помимо обучающей функции (материал предполагал отработку учебных навыков), эти тексты в единстве выполняли воспитательные задачи: побуждали интерес учащихся к чтению и прививали морально-нравственные нормы. Их тематический отбор явно ориентирован на интересы ребенка (природа, растительный и животный мир, описание внешности, описание помещения) и на особенности детского восприятия. Из взрослых произведений выбраны такие отрывки, которые создают конкретные представления, они иллюстративны, динамичны, а потому понятны и интересны ребенку. Например, в Немой хрестоматии² из баллады Жуковского приводится сцена гадания, где сильно повествовательное начало, выражена предметность, отрывок из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос», представляющий антропоморфичное описание Мороза-воеводы и пр.

Все вместе отрывки работают на создание обобщенной картины русской жизни с пафосом ее мощи и величия. В помещенных в хрестоматию пейзажных отрывках воссоздан годовой календарный цикл («Настала **осень**. Скучен город» И. Никитина, «Уж небо **осенью** дышало» А. Пушкина, «**Мороз**, Красный нос» Н. Некрасова, летний пейзаж «Знаете ли вы украинскую ночь?» из повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница»). Величавым русским пейзажам соответствуют великие русские люди. Неслучайно рядом с пейзажной лирикой расположен отрывок из третьей главы поэмы М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича...», представляющий собой описание Москвы, ее красоты и мощи, рядом – отрывок из первой главы

¹ Злобин А. 850 примеров для синтаксического разбора... Предисловие. С. 2.

² Злобин А. Немые диктанты...

поэмы Некрасова «Русские женщины», в котором приводится подвиг героя-отца, прославившего род. Общему идейно-эмоциональному тону соответствуют отрывки, в которых акцентируется единство русских людей, человека и природы (из поэм Пушкина «Цыганы», Никитина «Моление о чаше», повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» и др.). Усваивая один за другим тексты художественных произведений из отдела хрестоматии, ученик укреплял чувства патриотизма, гражданственности, соборности, что в целом соответствовало воспитательным задачам педагогики того времени.

Концептуальность авторской задумки и редакционно-издательской подготовки, соединение научных знаний с их практическим применением, широкая адресность и сфера применения, интеграция учебных и воспитательных задач – все это определило новаторство данного учебного пособия и его актуальность в репертуаре учебной книги.

Неслучайно этот проект найдет свое продолжение, и в 1911 г. в печатне С.П. Яковлева выйдет учебник М. Покровского «Сам себя учу»¹. Как и в учебных пособиях Злобина, здесь представлена авторская система самообучения (но не русскому языку, а чтению) с ориентацией на многоцелевое использование.

Помимо учебной книги, местный книгоиздательский репертуар формировался за счет литературно-художественной, научно-популярной, досуговой книги для детей. Собранный нами библиография может быть представлена следующим списком.

***Томские издания для детей конца XIX – начала XX в.:
по алфавиту авторов и названий***

1. Азбука для обучения грамоте алтайских инородческих детей. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1896. 32 с.
2. Азбука для обучения грамоте алтайских инородческих детей. Томск : Тип. Дома трудолюбия, 1910. 31 с.
3. Благовестов М.Ф. (М. Ф. Б.) К песням томских школ. Томск : Тип. Н.И. Орловой, 1907. 20 с.

¹ Покровский М. Сам себя учу. Томск : Печатня С.П. Яковлева, 1911. 128 с.

4. Благовестов М.Ф. (М. Ф. Б.) Наши песни: жизнь в поэзии, в играх, в песнях томских школ. Томск : Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1910. 156 с.
5. Букварь для детей крещеных киргизов. Томск, 1897.
6. Дети-великаны: Наташа и Женя Фомины : краткий биографический очерк. Томск : Тип. Н.И. Орловой, 1908. 8 с.
7. Древинг А. Кот в сапогах : волшебная сказка в стихах. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1892. 44 с.
8. Древинг А. Принц-кисточка : волшебная сказка в стихах. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1893. 24 с.
9. Древинг А. Спящая красавица, или Царевна-Шиповник : волшебная поэма-сказка в стихах. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1893. 54 с.
10. Древинг А. Мальчик с пальчик : волшебная сказка в стихах. Томск : тип. П.И. Макушина, 1894. 43 с.
11. Злобин А. 850 примеров для синтаксического разбора по русской речи. Томск : Тип. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1885. 57 с.
12. Злобин А. Немые диктанты (без диктующего) : к курсу правописания (курс гимназический). 3-е изд., испр. Томск : Тип. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1895.
13. Злобин А. Немые диктанты (без диктующего) : курс средне-учебных заведений. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1886.
14. Злобин А. Немые диктанты (без диктующего) : полный и систематический сборник по русскому правописанию для СРУ в классе и дома... Томск : Тип. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1886. 113 с.
15. Злобин А. Немые диктанты (без диктующего). 2-е изд., испр. Томск, 1887. Ч. 1: Звуки и буквы (курс гимназии).
16. Злобин А. Немые диктанты (без диктующего). Томск : Паровая типолит. П.И. Макушина, 1900.
17. Злобин А. Немые диктанты (без диктующего). Томск : Паровая типолит. П.И. Макушина, 1902. 140 с.
18. Злобин А.И. Полный курс синтаксиса в систематических приложениях и образцах для грамматического разбора : 850 примеров. 2-е изд., доп. Томск, 1887. 78 с.

19. Злобин А.И. Таблицы грамматического разбора для 1 класса. Томск, 1888.

20. Злобин А.И. Таблицы грамматического разбора для 2 класса. Томск, 1888.

21. Злобин А.И. Таблицы грамматического разбора для 3 класса. Томск, 1888.

22. Злобин А.И. Таблицы грамматического разбора для 4 класса. Томск, 1888.

23. Злобин А.И. Таблицы полного грамматического разбора. Томск : Типогр. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1886. Вып. 1. 4 с.; Вып. 2. 5 с.

24. Кащенко Н.Ф. Надо подружиться с природой: о детских майских союзах. Томск : Тип. губерн. упр., 1910. 21 с.

25. Пальчикова Н.В. Три гномика и горбатый Дик : сказка для детей. Томск : Тип. М.Я. Беляева, 1898. 128 с.

26. Покровский М. Сам себя учу. Томск : Печатня С.П. Яковлева, 1911. 128 с.

27. Самович Н. Досуг школы : сб. дет. пьес, сценок и рассказов. Томск : Тип. сиб. Т-ва печ. дела, 1915. 128 с.

28. Учебник начальных занятий по арифметике. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1894. 2, 54 с.

29. Федосеев Б. Волшебная скрипка : сказка для всех. Томск : Тип. Сиб. Т-ва печ. дела, 1911. 2, 5 с.

30. Шукин Н.С. Клад : сказка. Томск : Тип. «Сибирский вестник», 1886.

Этот список наглядно демонстрирует, как регион встраивается в общероссийские процессы по созданию детской и юношеской литературы и формированию устойчивой читательской группы.

Глава 5. ТОМСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

5.1. Литературно-художественный сборник как форма актуализации читательских интересов

Неуклонно развивающийся читательский интерес к формирующейся сибирской литературе на рубеже XIX–XX вв. со стороны как общероссийской, так и региональной аудитории проявляется прежде всего в разнообразных документальных источниках, воспоминаниях современников, периодических изданиях, авторских и коллективных сборниках. В связи с этим крайне важным для заявленной проблематики видится вычленение категории читателя, так как любое произведение представляет своего рода коммуникативное событие, являющее нерасторжимую триаду – автора, героя и читателя.

Современные литературоведы, обобщая опыт предшествующих исследований, прежде всего работ М.М. Бахтина, подчеркивают пристальное внимание ко всему, что способно воздействовать на читателя. В качестве направляющих данного процесса указываются говорящее название, эпиграф, специальные авторские примечания, вступление, первая фраза, место и время действия. Не менее важны «непосредственное обращение автора к читателю, предвосхищение читательских ожиданий, реакций, воспроизведение и отражение слова читателя, жанровое обозначение текста, эпиграфы, первый абзац и т.п., предполагающие сотворчество автора и читателя»¹. Наиболее показательным это проявляется в литературных сборниках, таких как

¹ Гетманская Е.В., Шевченко О.А. Читатель как категория литературоведения // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск : СибАК, 2015. № 11 (54). С. 194.

периодические журналы, альманахи, антологии, хрестоматии, серии / библиотеки и пр.

Исходя из этого, определяется сам выбор представленного нами материала, связанный с подобного рода типами и видами изданий. Анализ сибирских сборников альманашного вида предопределил и методику исследования, следуя которой прослеживаются не просто содержательные и эстетические особенности контента интересующих нас изданий, но и соотношение текста и паратекста, выявляющее динамику отношений между авторским текстом и читателем.

Начальный период развития сибирской литературы и формирования авторского корпуса связан с периодом старшего областничества и постановкой проблемы «сибирская литература» и «литература о Сибири». Необходимо помнить, что к этому времени провинциальная печать уже становится инструментом формирования самосознания региона и важнейшей составляющей общероссийского литературного процесса. В связи с этим с середины 1870-х гг. разворачивается полемика вокруг проблем местной печати, за которой внимательно следят и в столичной прессе. Ее итогом станет важный прорыв в смене оппозиции «столичное – провинциальное» на оппозицию «регион – Центр».

Идея Сибири становится главной парадигмой творческого наследия областников. В связи с этим начинает формироваться и собственно сибирская литература, вырабатывающая, при явном осознании «идеи места», свой тип художника. Наиболее значимыми исследованиями на этот период, определяющими общий концептуальный подход к понятиям «местная литература» – «региональный писатель» – «региональный читатель», становятся статьи лидеров сибирского областничества Г.Н. Потанина («Роман и рассказ в Сибири», 1875) и Н.М. Ядринцева («Сибирь перед судом русской литературы», 1865; «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири», 1885).

В издательской же отрасли проблема Сибири большей частью заключалась в том, что начинающие литераторы, разбросанные по крупным сибирским городам, удаленным один от другого на сотни и тысячи километров, не имели на данный период единого литератур-

ного центра – своего журнала или хотя бы какого-то общего периодического печатного органа. В связи с этим создание коллективных сборников и альманахов приобретало особое значение, так как они не только объединяли, но и выявляли и открывали новые имена писателей, поэтов и критиков, а также служили делу развития издательских практик и стратегий.

Характерным явлением для региональных изданий 1870–1880-х гг. было то, что, подготовленные на местах, они в основном издавались в столицах. Это было связано не только со слабой полиграфической базой в регионе, но и с тем, что сама идея областничества во многом была сформирована в столичной, в частности петербургской, среде, где за годы обучения и проживания Ядринцева и Потанина сформировалась своя особая сибирская диаспора, в связи с чем достаточно велик был и читательский спрос на такого рода литературную продукцию.

В этом плане характерен научно-литературный «Сборник газеты “Сибирь”», изданный в Петербурге в 1876 г. В содержательной его части числятся имена как местных авторов, так и известных общероссийских публицистов, этнографов, историков. В разделе «Материалы к истории Сибири» даются большая подборка сведений о первом сибирском историке-летописце П.А. Словцове, материалы для истории киргизской степи, архивный подраздел «Из бумаг о Сибирякове и Мыльникове» и т.п. Сборник отличают следы научной правки, продуманность структуры и композиции, универсальность в концептуальном и содержательном плане. Он находится в нескольких экземплярах в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета и секторе редкой книги Томской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина (ТОУНБ).

Для определения методики подхода в описании сборников уточним, что нас интересует анализ разнообразных примет времени и следов читательской рецепции, отраженных на страницах сборников: различных штампов, штемпелей и экслибрисов, автографов, надписей, библиотечных наклеек, помет карандашом и пр. Все это дает возможность детально восстановить историю бытования многих книг,

а также реконструировать как «реального», так и «воображаемого» или «подразумеваемого» читателя, которого можно смоделировать по указанным данным и различным обращениям к нему, прежде всего на уровне маркированного начального текста – предисловия / обращения редактора.

К примеру, на первой нумерованной странице указанного сборника читаем: «В редакции газеты “Сибирь” в течение полугода накопилось значительное количество такого материала, который не мог уложиться в газетные рамки. Не желая оставить этот материал под спудом, редакция решила издать его в виде особого Сборника. Появятся ли за этим “первым” томом следующие, – будет зависеть от того, как читатели примут настоящий опыт»¹. Как известно, второй том сборника так и не вышел, но нам интересно сравнение разных экземпляров первого тома, хранящихся в фондах Научной библиотеки ТГУ и Томской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина (ТОУНБ).

На всех экземплярах стоят штампы библиотеки, но разного периода и названия: «Библиотека Томского Императорского университета», «“Из книг” библиотеки Томского университета», «Библиотека Томского университета», «Научная библиотека Томского госуниверситета им. Куйбышева» и др. Тем не менее среди этих привычных штампов есть ряд репрезентативных, которые помогают смоделировать образ читателя определенного типа.

К такому типу принадлежат образы читателей-библиофилов, в деятельность которых, по мысли известного книговеда А.А. Сидорова, неизбежно входит не только собирательство, но и забота о книге: ее переплет, хранение, устройство библиотеки, систематизация, описание, экслибрис как знак, запечатлевающий и увенчивающий любовь к книге и образ библиотеки. К примеру, на титульном листе одного из экземпляров анализируемого сборника, хранящегося в фонде Отдела редких книг и рукописей НБ ТГУ, стоит овальная печать, в центре которой –

¹ Сборник газеты «Сибирь». СПб. : Изд. ред. газеты «Сибирь», 1876. Т. 1. 484 с. Далее в тексте все цитаты и надписи на сборниках приводятся курсивом.

два иероглифа, а вокруг надпись: «А.А. *Belogolovy*». Это имя известного иркутского купца А.А. Белоголового, библиотека которого поступила в фонды университетской библиотеки по его завещанию в 1895 г. В свое время он являл собой нарождающийся в Сибири тип купца-культуртрегера, испытавшего на себе огромное влияние иркутского круга ссыльных декабристов. Современники оценивали его как «купца-интеллигента», резко выделявшегося своим высоким образованием и гуманным отношением к соприкасавшимся с ним лицам. Несомненно, указанный сборник должен был находиться в круге его чтения.

На другом экземпляре данного сборника, тоже из фондов ОРКП, стоит штамп «Из б-ки Тюменцева». Имя известного сибирского краеведа, метеоролога, педагога, директора Томского Алексеевского училища Гавриила Константиновича Тюменцева значимо для нас в плане формирования читательских интересов сибирской разночинной интеллигенции. В период с 1917 по 1925 г. он передал библиотеке Томского университета свое книжное собрание, которое библиофилы называют «наиболее полным собранием дореволюционной книги г. Томска» и которое формировалось им на протяжении шестидесяти лет. Общей же объединяющей его темой стала Сибирь и прилегающие к ней страны.

Еще один экземпляр «Сборника газеты “Сибирь”» поступил в Научную библиотеку гораздо позже, так как на переплетном и титульном листах стоит круглая синяя печать «Библ-ка служащих на Сибирской ж.д.», а эта библиотека образовалась в нашем регионе в 1898 г. Фонды ее были переданы в Научную библиотеку университета уже после революции. В книге «Город Томск» она названа самой богатой из всех общественных и публичных библиотек¹. Ею заведовал Константин Николаевич Васьков, достаточно высокообразованный и культурный человек из чиновников, а подписчиками были штатные и внештатные служащие Сибирской железной дороги, которые делились на четыре разряда, что отразилось в различном начислении раз-

¹ Город Томск. Томск : Изд. Сибирского Товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 73–74.

меров их подписной платы. Дифференциация читателей-подписчиков зависела также от того, к какой библиотеке они были приписаны – центральной или передвижной, от чего зависели и пополняемый книжный репертуар, и специфика читательских запросов. Как сообщалось в февральском номере газеты «Сибирская жизнь» за 1903 г., «вагоны-библиотеки на юго-западной ж.д. существуют уже 5 лет; каждый из них курсирует по два раза в месяц в предназначенном районе, следуя от станции до станции, обыкновенно с товарными поездами. В состав библиотеки одного вагона входит до 1 500 названий, преимущественно беллетристических произведений русских и иностранных писателей, как классических, так и второстепенных. Можно также найти здесь и научно-философские произведения. Довольно обширен отдел книг религиозно-нравственного содержания, предназначенных для низших служащих. Ежегодно управление дорог пополняет библиотеки эти выпиской новых книг и толстых журналов. Имеются “Вестник Европы”, “Мир Божий”, “Русское богатство”, “Русская мысль” и т.п., иллюстрированные журналы выписываются почти все».

Издания из фонда этой библиотеки несут ряд характерных признаков: практически все они имеют картонные переплеты, на форзацах наклеены ярлычки из красной бумаги с указанием: «Библиотека Сибирской ж.д. №... Время поступления в библиотеку... Цена...» Внизу сделана наклейка на зеленой бумаге, представляющая памятку «К читателям!» с характерным текстом: «Обращайтесь с книгами аккуратно, они служат не одному, а многим...», и далее идет подробная инструкция по хранению и пользованию книги с подписью «Б-ка Сиб. ж.д.».

В просмотренных нами каталогах этой библиотеки, составленных Васьковым, в разделе «Словесность» представлена литература самого разного содержания, но большей частью русская классика, массовая литература и праздничная словесность, переводные издания и т.п. Издания же сибирских авторов встречаются крайне фрагментарно и не концептуально.

На обороте обложки «Сборника газеты “Сибирь”» из фонда сектора редкой книги ТОУНБ присутствует прежде всего штамп Том-

ской городской Публичной библиотеки, которая стала главным источником фондов нынешней Областной библиотеки им. А.С. Пушкина. Привлекает внимание штамп Томской окружной Центральной Опорной б-ки, в центре которого впечатан девиз «Знание – путь к коммунизму, в книге – знание. Берегите книгу!» Приметами советского времени становятся и штампы «1-я Советская Томская Городская Районная Б-ка», «Томская областная б-ка».

Сборник стихотворений «Сибирские мотивы»¹ считается первой сибирской литературной хрестоматией, изданной известным деятелем и меценатом И.М. Сибиряковым, личность которого очень показательна, так как основной его деятельностью была благотворительность, а самой широкой ее сферой – поддержка просвещения в Сибири. Сборник напечатан в Санкт-Петербурге большим тиражом, в пять тысяч экземпляров, и представляет собой вариант крайне продуманной издательской стратегии, рассчитанной как на столичного, так и на местного читателя. Это выразилось в том, что в книгу вошли на равных правах стихи сибирских поэтов (Бальдауфа, Ядринцева, Оммулевского) и известных европейских авторов (Пушкина, Некрасова, А. Толстого, Рыльева). В предисловии «От редакции» на первых страницах сборника излагается его концепция, акцентируется установка на свою читательскую аудиторию и выражается желание дать столичным жителям общее представление о «тоне поэзии», посвященной Сибири: «Мы собрали стихотворения, раскиданные в разных изданиях, чтобы дать понятие об общем представлении и господствующем тоне поэзии, посвящавшейся Сибири. В самом выборе стихотворений мы не могли быть очень строги, располагая весьма ограниченным материалом. Может быть, эти песни воскресят и навеют в тесном кругу земляков и лиц, близких этому краю, добрые чувства и воспоминания».

Основная тема включенных в сборник произведений – Сибирь, ее природа, люди, значимые события и история сибирского края. В нем также ощутимы общие тенденции развивающегося книгоиздания далекого региона, связанные с сочетанием беллетристической и научно-

¹ Сибирские мотивы : сб. стихотворений : издание И.М. Сибирякова. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1886. 144 с.

краеведческой составляющих, так как одной из ключевых становится тема историческая. Не осталось без внимания и такое важное для края событие, как подготовка к открытию Томского Императорского университета.

Принципиально, что данное издание несет в себе и черты нарождающегося вида благотворительного сборника, доход от которого шел в пользу авторов либо членов их семей или в распоряжение какого-либо благотворительного общества. К примеру, в данный сборник большим блоком включены стихотворения сибирского поэта, писателя и переводчика И.В. Федорова-Омулевского, умершего в декабре 1883 г. в крайней бедности и не оставившего после себя ничего, кроме литературного наследия. В память о нем и была издана эта книга, инициированная Сибиряковым. В итоге сборник был тепло встречен критиками и читателями как столицы, так и сибирского региона.

Этот сборник также представлен несколькими экземплярами в фондах редких книг и рукописей Научной библиотеки университета. На одном из них стоит владельческий штамп неустановленного нами лица – *«Константин Николаевич Гребневъ»*, на другом находим на обороте нижней обложки характерный штамп в виде книги с надписью: «Все книги и ноты можно выписывать через “Сибирский” книжный магазин Михайлова и Макушина в Томске. Каталоги высылаются бесплатно». Это значит, что издания, рассчитанные на столичного жителя, продавались и покупались в Томске, в магазине Макушина, не только такими библиофилами, как Тюменцев, но и простыми людьми.

Кроме того, необходимо помнить, что сибирская интеллигенция, в отличие от столичной, была мощно подпитана целой когортой русских «европейцев», добровольно либо вынужденно оказавшихся здесь – религиозными и политическими ссыльными, миссионерами, переселенцами, приезжей профессурой и т.д., что, несомненно, делало крайне разнообразной как авторскую, так и читательскую среду.

В этом плане характерен феномен политического ссыльного Феликса Волховского, автора публицистических фельетонов и театральных рецензий (под псевдонимом «Иван Брут»), очень скоро после своего прибытия в Томск ставшего негласным редактором «Сибирской газеты».

В 1889 г. в Томске, в издании Ю.П. Матвеевой, под редакцией Волховского выходит вторая сибирская поэтическая хрестоматия «Отголоски Сибири», в предисловии к которой он дает понять, что эти «отголоски» не просто связаны с зарождающейся сибирской литературой, но они должны отозваться и в диалоге с читателем: «...выбирая в этих пределах то или иное стихотворение, тот или другой отрывок, мы заботились прежде всего о наличии истинного чувства, одушевления, о политическом мирозерцании, о возможном изяществе формы и об отсутствии квасной или барабанной подкладки в патриотизме. Если это удалось нам выполнить, то книжечка наша должна найти себе отголосок в душе каждого, искренно полюбившего светлые стороны Сибири и болящего о ее темных сторонах»¹.

Сборник составлен по тому же принципу, что и «Сибирские мотивы». В него вошли стихотворения как общероссийских, так и сибирских поэтов: К. Рылеева, А. Одоевского, Н. Некрасова, В. Кюхельбекера, Ф. Бальдауфа, И. Сурикова, И. Оммулевского, П. Шумахера и самого Волховского. Его изначально заданная диалогичность, связанная с русско-европейским и региональным сознанием, определяет и тематику крайне разнообразных стихотворений, но все их объединяет одно – тема Сибири, что служит целостности и самого жанра сборника. В итоге любой читатель мог найти в нем то, что было близко ему по духу и соответствовало его интересам. Поэтому он может служить своеобразной иллюстрацией к уже упомянутой нами статье Н.М. Ядринцева «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты в Сибири», в которой отмечена общность и в установке, и в отборе материала по отношению к нарождающейся сибирской литературе и типу читателя.

В фондах Научной библиотеки ТГУ этот сборник представлен в нескольких экземплярах, с различными приметами времени, что позволяет смоделировать и его читателя. На одном из них на титульном листе простым карандашом оставлен автограф «*Н.В. Здобнова*», из-

¹ Отголоски Сибири : сб. стихотворений разных авторов : издание Ю.П. Матвеевой / под ред. Ивана Брута. Томск : Тип. Михайлова и Макушина, 1889. Л. VIII.

вестного советского библиографа, уральского и сибирского краеведа. Другой экземпляр сборника вшит в один из владельческих конволютов Г.К. Тюменцева «Сборники статей о Сибири и прилежащих к ней странах», которые он создавал на протяжении многих лет и в которые вошли документы по местной проблематике самых разных жанров – от книжных до журнальных, листовых, буклетных и пр. На экземпляре сборника из фондов Отдела редких книг и рукописей на титульном листе стоит владельческий штамп «*Гавриил Константинович Тюменцевъ*», а также штамп: «*Из личного фонда А.М. Зайцева*», известного профессора Томского университета. Имеется несколько экземпляров данного сборника и в фондах сектора редкой книги ТОУНБ, на обложках, форзацах и титульных листах которых представлено разнообразие библиотечных штампов, позволяющих проследить судьбу издания и его читателя: «*Томская центральная б-ка*», «*Томская областная б-ка*», «*Б-ка Совета Профсоюзов г. Томска*» и др.

Указания на проанализированные сборники находим и в «Каталоге книг Томской Городской Публичной библиотеки» за 1901 г., отпечатанном в типографии купчихи Н.И. Орловой, в которой печатались также инструкции, отчеты, своды постановлений Томской городской Думы. Но числятся эти издания уже не в общепринятом Отделе словесности, а во вновь образованном, уточнение к которому дается в предисловии составителя: «Будучи расширенным и дополненным, каталог этот в общем сохранил ту же систему распределения книжного материала, как и сокращенный; изменения касаются главным образом отдела, носящего название “Местный и общесибирский”, причем в него включены все произведения, касающиеся так или иначе Сибири, а равно и сочинения, принадлежащие перу местных авторов». В предисловии выявляются и важные имена дарителей, жертвователей книг в фонды библиотеки и ее хранителей: «В группе периодических изданий особенный интерес представляет довольно полный подбор местных изданий, пожертвованных А. Дикгоф¹, согласно желанию которого местные газеты за прежние годы, ввиду почти полной

¹ Аркадий Александрович Дикгоф – известный томский библиофил, подаривший свое собрание Томску в городскую Публичную библиотеку.

невозможности достать их, не должны быть выдаваемы на дом... и могут быть предоставлены исключительно в читальне Библиотеки... Считаю долгом упомянуть, что при составлении настоящего каталога главное участие принимал муж мой, Помощник Библиотекаря Имп. Томского университета А.И. Милютин, не только советами и указаниями, но и личным трудом (систематизация и правка корректуры). Всего в настоящем каталоге заключается книг 2 091 название в 4 350 томах. 15 марта 1901 г. Библиотекарь Ю. Милютина¹.

В конце XIX – начале XX в. центром сибирской книжности становится Томск, потеснивший устойчивые позиции таких «культурных гнезд», как Тобольск, Красноярск и Иркутск. Начало XX в. в книжной культуре города ознаменовано целым рядом сборников литературного содержания, связанных с местной проблематикой. Интересным представляется сборник этого периода «На сибирские темы» с характерным подзаголовком – «Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома» под редакцией профессора Томского Императорского университета М.Н. Соболева, к этому времени главного редактора газеты «Сибирская жизнь». О его издании был дан анонс в газете.

По общей концепции и структуре он являет собой уже тип формирующегося сборника краеведческого типа, в котором представлен достаточно подробный справочный аппарат: вступительная статья, сноски, комментарии. По адресно-целевой характеристике – это уже типичный для столиц, но еще не внедренный в региональную книжную среду вариант благотворительного сборника (в данном случае связанного с именем Ядринцева), о чем уточняется в предисловии редактора: «От лица томских воскресных школ мы позволяем себе выразить горячую признательность всем лицам, которые отозвались на приглашение к участию и дали возможность осуществить литературное предприятие в далеком Томске. Мы хотели бы надеяться, что Сборник встретит среди публики такое же сочувствие, какое он

¹ Каталог книг Томской Городской Публичной библиотеки. Томск : Тип. К.А. Орлова, 1901. Л. 197.

нашел в литературном мире, и внесет свой скромный вклад в дело развития и процветания общественных воскресных школ в Томске. Томск, 12 января, 1905 г.»¹.

На одном из экземпляров сборника из фондов Научной библиотеки на титульном листе стоит прямоугольный штамп «Библиотека Сибирских Высших Женских курсов», что дает основание выявить еще один интересный тип местного читателя, связанный с образом сибирской женщины. Показательно, что эти курсы в Томске были единственным в Сибири специальным высшим учебным заведением для женщин. Силами преподавателей томских вузов оно было учреждено в 1910 г. в составе естественного отделения физико-математического факультета Томского университета. По этой причине и его библиотека комплектовалась в основном за счет пожертвований, поэтому в ней преобладали работы ученых Томского университета и Технологического института, а также издания по сибирской тематике. Штамп указанной библиотеки стоит на многих сибирских и томских изданиях начала XX в. После закрытия этого заведения в 1920 г. его библиотечные фонды были переданы в Музей библиотековедения (1919–1921), а затем уже в библиотеку Томского университета.

В секторе редкой книги ТОУНБ находится несколько экземпляров этого сборника, но особенно интересен тот, в который вложен отдельный листок: «Книга из личной б-ки В.Я. Шишкова». Очевидно, эта книга была подарена писателем вместе с остальными Томской городской Публичной библиотеке. Показательно и то, что это издание находится и в личной библиотеке известного томского краеведа и библиофила Владимира Павловича Домаевского, поступившей сюда в 2012 г. после смерти собирателя. В его коллекцию входят рукописи, фотографии, открытки, письма. Но главной ценностью является его сибиреведческая библиотека, в которой находятся книги с автографами и дарственными надписями. Такие книги, несо-

¹ На сибирские темы : сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома / под ред. М.Н. Соболева. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. Л. VI–VII.

мненно, уникальны, так как «позволяют проникнуть в сущность эпохи, в которой жили и трудились те, для кого книга была и творческой лабораторией, и средством общения, и предметом коллекционирования»¹.

Если же говорить о полноценном общесибирском сборнике в формате литературного альманаха, адресованного именно местному читателю, то таковым стал «Первый литературный сборник сибиряков», изданный в Томске в 1906 г.² Его главным участником и составителем был Ефим Афанасьевич Бахарев, местный поэт-самоучка.

Структура сборника достаточно традиционна: проза, стихи, исключение составляет очерк А.М. Серебренникова о Щапове. В книгу вошли произведения как малоизвестных, так и уже заявивших о себе на страницах местной прессы литераторов Омска, Томска и Иркутска. Тем не менее сами сибирские темы и интересы, так же как и «сибирский колорит», представлены в нем еще в очень малой степени. По тематике тексты больше сближаются с общероссийскими, если учесть, что сборник вышел в самый разгар революции 1905 г., чем определялось и его идейно-тематическое направление. В итоге он оказался крайне актуальным, быстро разошелся и, судя по различным рецензиям в столичной и региональной прессе, имел большой успех среди читателей.

Этот сборник есть в библиотеке Тюменцева, о чем сигнализирует штамп «*Гавриил Константинович Тюменцевъ*» на экземпляре из фондов Отдела редких книг и рукописей НБ ТГУ. На титульном листе экземпляра сборника из сектора редкой книги ТОУНБ сделан автограф красными чернилами – «*Вл. Бахметьев*» – известного сибирского прозаика, публициста и литературного критика, соратника Вяч. Шишкова. После революции он редактировал томскую партийную газету «Сибирский рабочий», был также комиссаром по народному просвещению Западной Сибири.

¹ Кельнер В.Е. Автографы и книжные собрания: (новый проект РНБ) // Библиотекословение. 2001. № 3. С. 64–65.

² Первый литературный сборник сибиряков. Рассказы и стихотворения. Томск : Товарищеское изд., 1906. 194 с.

«Второй литературный сборник сибиряков» был напечатан уже в Петербурге в 1908 г.¹ и также оказался довольно далек от сибирских тем и интересов. Но у него была и более трудная издательская судьба. В газете «Сибирская жизнь» за 24 июня 1907 г. находим следующее объявление: «2-й литературный сборник Сибиряков, предполагавшийся к изданию, как нам сообщают, не может выйти в свет по недостатку материала. Заведующий изданием г. Бахарев озабочен привлечением сотрудников».

В сообщении «Из литературного мира» за 29 августа проходит уже более конкретная информация: «В настоящее время готовится к печати новый товарищеский сборник литераторов-сибиряков, сотрудников томских, иркутских и др. изданий. В сборник войдут беллетристические произведения преимущественно на сибирские темы С. Синегуба, М.А. Цейнера, Г.А. Вяткина, Е. и А. Бахаревых, А. Леоновой и др. Сборник будет издан в Петербурге и выйдет в свет в октябре текущего года».

Принципиально, что по сравнению с первым выпуском расширился круг авторов сборника. Помимо томских, иркутских и омских литераторов, в нем приняли участие поэты и писатели Забайкалья, Дальнего Востока, а также начинающие поэты Читы и Барнаула. Такая литературная география, несомненно, расширяла и круг читателей, тем более что темы в сборнике звучали самые актуальные. Если учесть, что книга вышла в самый разгар политической реакции, то в ней выразились главные проблемы времени: тюрьмы, казни, ссылки, первых еврейских погромов, отражающих общее душевное состояние человека в ситуации революционных потрясений.

Тем не менее, несмотря на оптимистические издательские прогнозы, согласно которым второй сборник должен был стать успешнее первого, тем более что отпечатан он был в столице, судьба его оказалась более печальной. Именно то, что он вышел в такое трагическое, постреволюционное время, и сказалось на ситуации его читательской востребованности, что стало, кстати, общей тенденцией в этот пе-

¹ Второй литературный сборник сибиряков : рассказы и стихи : товарищеское издание. СПб. : Тип. «Север», 1908. 99 с.

риод политического кризиса, когда, по статистическим данным, резко снизилась общая читательская активность в российских, и в частности в томских, библиотеках. Более, того, как выяснилось по данным местной прессы, в Петербурге сборник был арестован, но уже в декабре 1907 г. в «Сибирской жизни» появилось важное сообщение: «В настоящее время типография “Севера” извещает, что арест с этой книжки сибиряков снят».

В итоге в Томск сборник поступил из Петербурга только через год после напечатания, но и здесь не нашел своего читателя, пролежав на книжных складах долгое время. Нами он тоже был обнаружен случайно, так как в библиотечном каталоге НБ ТГУ нигде не числится по причине того, что книжка в свое время была вшита в блок с текстом Вяч. Шишкова «Подножие башни».

Таким образом, несмотря на то что в этих сборниках не оказалось каких-либо особо выдающихся литературных произведений, они все-таки стали значительным идейным и культурным документом своей эпохи. Связано это было, прежде всего, с тем, что в самом творчестве молодых сибирских авторов явно обнаружились новые особенности литературы реализма рубежа веков, а также попытка преодолеть областнические сепаратистские тенденции и влиться в общероссийский литературный поток. Именно в этих изданиях начали прослеживаться принципы зарождения нового направления, получившего название «Молодая Сибирь», в котором выявились с иной акцентировкой социальные симпатии и эстетические принципы писателей-сибиряков начала XX в.

Значимым этапом в литературной жизни Томска станет выход ряда изданий, связанных с именем Георгия Гребенщикова. Первым еженедельным литературно-художественным, критическим, общественным и сатирическим журналом, созданным под его руководством и продолжающим традиции «Молодой Сибири», стал журнал «Сибирская новь», редактором которого он был с первых номеров, а уже с пятого – писатель и издатель Г.Я. Кренин.

Закономерно, что у каждого авторитетного журнала или газеты был свой отдел критики. Томский исследователь книги А.В. Яковенко

справедливо подчеркивает, что формирование образа Сибири, а также образа регионального литератора и читателя во многом формировалось в журналистской среде рецензентов и критиков местных изданий. В связи с этим крайне актуальной представляется мысль исследователя о том, что «влияние сибирских рецензентов на формирование круга чтения сибиряков, умонастроений в сибирском обществе, на проявление интереса к нуждам своего края пока изучено слабо. В читателеведении рецензенты редко рассматриваются как особый тип читателя, тем более профессионального. Пока, к сожалению, не существует полного списка лиц, занимавшихся рецензированием в Сибири, как разновидности журналистской деятельности. Нет пока свода рецензий, опубликованных в сибирской периодике. Это задача ближайшего будущего»¹. Действительно, такая постановка вопроса видится перспективной, так как изучение корпуса рецензентов местной периодики позволит выявить читательские предпочтения не только рядовых читателей, но и ярких представителей интеллигентных сил Сибири, которые могли дать профессиональную, компетентную оценку книге.

Интересной в этом плане представляется статья рецензента А. Лаптева в февральском номере газеты «Сибирская жизнь» за 1914 г. «Альманах или журнал», в которой продолжились обсуждение проблемы издания местного типа и дискуссия по поводу предпочтения жанра альманаха газете или журналу. Ее итогом и своего рода ответом вызовам времени стал «Алтайский альманах» под редакцией Георгия Гребенщикова, подготовленный на родине писателя, в Барнауле, но отпечатанный в Санкт-Петербурге в издательстве газеты «Жизнь Алтая» в 1914 г. Он и стал, по сути, первым полноценным сибирским альманахом как по единству концепции, так и по общности коллектива авторов, что уже подчеркивалось в начальной маркированной статье «От редактора»: «Приступая, при содействии

¹ Яковенко А.В. Рецензии на местные издания в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (вопросы типологии) // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. С. 155.

Вас.М. Вершинина, к первому опыту издания местного художественно-литературного сборника, мы желали: во-первых, дать нашим читателям и всем, кто заинтересуется “Алтайским альманахом”, живое представление о малоизвестном Алтайском крае по возможности в художественных образах, и, во-вторых, – объединить местные литературные и художественные силы в форме книги, являющейся, по нашему мнению, наиболее прочным и ответственным выражением нашей внутренней связи. Мы желали также дать материал для оценки местной молодой литературы за пределами ее газетной деятельности и надеемся на снисходительное отношение к нашему первому и неуверенному шагу»¹.

В фондах Научной библиотеки ТГУ этот сборник хранится в нескольких экземплярах. Особо ценным представляется вариант из фонда Отдела редких книг и рукописей, в верхнем левом углу которого на поздней суперобложке зеленого цвета стоит надпись – «*Потан.*», указывающая на то, что эта книга из библиотеки Г.Н. Потанина. На титульном листе стоит штамп «*Институт исследования Сибири. Библиотека*» вместе с пометой чернилами «*Пт.*» Известно, что после смерти Потанина в 1920 г. его библиотека вместе с архивом была закуплена в этот институт. Сохранились его инвентарные книги, что значительно облегчает и упрощает ее восстановление в полном объеме. Уже почти через десять лет она целиком была передана в фонды НБ ТГУ вместе с имеющейся в ней библиотекой Потанина, о чем сигнализирует другой штамп – «“*Для книг*” б-ки при Томском госуниверситете». В целом, как уточняют исследователи, она представляет собой классическую рабочую библиотеку ученого и общественного деятеля, вышедшего из разночинцев. Значительным источником формирования библиотеки являются дары как от ученых и писателей, так и от различных, прежде всего сибирских, обществ. По уточнению специалиста, «среди этой части библиотеки обнаруживается большое количество книг с автографами, которые помогают проследить харак-

¹ Алтайский альманах / под ред. Г.Д. Гребенщикова. СПб. : Изд. газ. «Жизнь Алтая» ; Тип. Б.М. Вольфа, 1914. Л. VII.

тер взаимоотношений, деловых и дружеских связей Г.Н. Потанина с представителями сибирской интеллигенции»¹.

Потанина и хотел видеть Гребенщиков одним из ведущих авторов своего сборника, что по разным причинам не получилось, о чем свидетельствует их переписка. На титульном листе анализируемого нами экземпляра «Алтайского альманаха», сразу под названием, присутствует инскрипт Г. Гребенщикова, исполненный черными чернилами: *«Дорогому и любимому Григорию Николаевичу Потанину на благосклонный суд о молодости, объединенных этой книгой, сибиряках. 15 декабря 1913 г. Томск»*.

Как уже было подчеркнуто, альманах был составлен и отредактирован в Барнауле, но отпечатан в Санкт-Петербурге. Об этом Гребенщиков «предупреждает» Потанина в письме от 31 октября 1913 г.: «Вы, конечно, вправе пожурить нас за печатание Сибирской (sic!) книги в Петербурге, но я все-таки считаю, что при технических и иных условиях, какие существуют в провинции, нам многое пришлось бы преодолевать и все-таки не выпустить хорошей (по внешности) книги. Но здесь я много слышу ценных указаний, и не только в смысле внешности»². Сборник, изданный в Петербурге в типографии Б.М. Вольфа, действительно был издан крайне качественно. Он отпечатан на хорошей бумаге, с прекрасно выполненными рисунками, мотивами для которых послужили ландшафты и виды Алтая. Все художественное оформление – обложка, заставки, концовки – было сделано известными алтайскими художниками Г. Гуркиным и И. Вандакуровым.

Таким образом, благодаря письмам и имеющемуся экземпляру с автографом Гребенщикова, можно проследить ту характерную ситуацию, когда из первого предполагаемого и самого почетного автора

¹ Васенькин Н.В. К вопросу о восстановлении библиотеки Григория Николаевича Потанина // Восьмые Макушинские чтения : материалы науч. конф. (13–15 мая 2009 г., г. Красноярск). Новосибирск, 2009. С. 147.

² Цит. по: Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений : (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., автор вступ. статьи Т.Г. Черняева. Барнаул, 2008. С. 69.

данного издания Потанин становится, по сути, первым его читателем. А если учесть, что сборник вышел в январе 1914 г., то автограф, датированный 15 декабря 1913 г. выявляет то, что Потанину составителем сборника был подарен, вероятно, один первых его сигнальных экземпляров.

Очень скоро на него появились и отзывы в сибирской и столичной прессе.

В январском номере газеты «Сибирская жизнь» за 1914 г. рецензент А. Лаптев отмечает: «Перед нами лежит опрятно изданная, с красивой обложкой работы художника Гуркина книга “Алтайский альманах”, который начинается историко-этнографическим очерком, принадлежащим перу редактора сборника Г. Гребенщикова...». После краткого его обзора критиком сделан важный вывод: «Общее впечатление от сборника получается хорошее, светлое. Хочется пожелать, чтобы дело не ограничилось одним сборником и чтобы нашлись подражатели».

Еще более важным представляется отзыв столичного критика В. Бруснынина в октябрьском номере журнала «Современный мир» за 1914 г.: «... В настоящее время большинство сборников, издающихся в столицах и провинции, уже не пытаются конкурировать с толстыми журналами... Издаются иногда и такие сборники, участники которых пытаются отразить в своих работах отголоски местных интересов далеких окраин, и сборники этого рода заслуживают наибольшего внимания. Особенно интересен в этом роде сборник сибирский, под названием “Алтайский Альманах”... Приветствуя его появление, пожелаем редактору и участникам его дальнейших успехов в выпуске новых, таких же интересных сборников. Мы, европейские россияне, плохо знаем обширную Сибирь, а пора бы узнать и эту таинственную житницу новых народных сил...»

На еще одном экземпляре сборника стоят, помимо университетских, печати библиотек «Томское Общество П-ей “Деятель”», «Музей библиотековедения», «Б-ка Губартосовшколы». Что касается первой печати, то она расшифровывается как Общество потребителей «Деятель», которое открылось в 1913 г. в Томске с целью экономии

средств при покупке товаров первой необходимости. По уточнению Т.П. Карташовой, «среди книг, имеющих печать “Библиотека Томского О-ва П-лей «Деятель»», в фондах НБ ТГУ пока обнаружены лишь произведения художественной литературы начала XX в. Это печатная продукция книгоиздательства “Парус”, комплект литературно-художественных альманахов издательства “Шиповник” и др.»¹ Добавим, что к таким «другим» по просмотренным нами каталогам библиотек относятся и сибирские альманахи указанного периода.

Прямоугольный штамп «Музей библиотековедения» связан с функционированием с 1919 по 1921 г. в Томске такого рода библиотечного заведения, которое должно было наглядно знакомить посетителей с историей, теорией и практикой библиотечного дела, способствовать повышению квалификации библиотекарей. По замыслу основателя музея Дмитрия Андреевича Балики, в музее экспонировались материалы по трем крупным блокам: книгопроизводство, книгораспространение и книгоописание.

Среди томских изданий штампы Музея библиотековедения стоят на просмотренных нами по фондам Научной библиотеки сборниках стихов Всеволода Сибирского (В.А. Долгорукова), Михаила Цейнера и других произведений сибирской литературы, в том числе и на «Алтайском альманахе». Но исследование репертуара этой библиотеки требует, конечно, специального фронтального просмотра ее фондов и более глубокого исследования.

Период Первой мировой войны и революционных потрясений в Сибири характеризуется бурным развитием сибирской журналистики и литературы, соответственно, и резким увеличением количества периодических изданий, а также сборников различного типа, нередко создававшихся в результате частных инициатив. Молодая сибирская литература теперь отличается, по отношению к предыдущей, сформированной на идеях областничества и несущей явную этнографическую и публицистическую нагрузку, большей суверенностью жанров

¹ Карташова Т.П. Штемпели и печати томских книжных магазинов и библиотек: по материалам фонда Научной библиотеки ТГУ (в печати).

собственно художественной прозы. В книжном пространстве Сибири с определенной регулярностью продолжают издаваться и распространяться различные коллективные сборники, в том числе и альманахи, бурное развитие которых особенно отчетливо наблюдается в первые переломные десятилетия XX в., что становится характерной чертой для общероссийской ситуации в целом и дает основание говорить о новой волне «альманашного бума» в России.

Вместе с этим неуклонно развивается и читательский интерес к формирующейся сибирской литературе, которая публикуется в разнообразных периодических изданиях, воплощается в авторских и коллективных сборниках. О разнообразии ее интересов тех лет свидетельствуют регулярно печатаемые в прессе обзоры «Что выписывает и читает г. Томск». Среди его читателей, помимо образованного купечества, творческой интеллигенции и университетской профессуры, начинает явно лидировать местное студенчество, нередко проявлявшее творческую инициативу при создании частных издательских проектов.

Ярким явлением этого периода, стала деятельность издательства «Факел», о котором речь пойдет ниже. Изначально он представлял типичный студенческий проект, так как его создатели – В.П. Микулин и М.Б. Барахович – познакомились в Томске во время учебы в Первом Сибирском среднем политехническом училище.

Интересным представляется омский сборник «Жертвам войны»¹, изданный в самый разгар Первой мировой войны сотрудницей омского журнала «Ленские волны» М. Шавыкиной. Книга представляет собой типичный альманах благотворительного вида, о чем уточняется на его титуле: *«Составлен исключительно из произведений писателей-сибиряков. Весь доход предназначается на нужды раненых и больных воинов»*. В предисловии редакции адресно-целевое назначение издания проявляется еще отчетливей: *«Издавая сборник, редакция надеется, что общество не откажет в поддержке начинания писателей-сибиряков, поместивших в сборник, предназначенным*

¹ Жертвам войны : первый Омский литературный сборник : издание М. Шавыкиной. Омск : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1915. 229 с.

в пользу больных и раненых воинов, свои произведения – эту лучшую жертву ума и сердца. Настоящий сборник – один из ряда намеченных к выходу в свет»¹.

Но не только этот аспект станет главным в определении концепции данного сборника. Издателей волновал и процесс формирования местных литературных сил, а также издательских, полиграфических возможностей, о чем сообщается далее: *«Благотворительная цель издания не должна затушевывать содержание книги. При расположении материала редакция руководствовалась временем поступления рукописей... Путем издания таких сборников сибирский литератор имеет возможность выступить перед судом серьезной критики, и пусть критик подходит к нему не со снисходительной улыбкой, а со всей строгостью и беспристрастностью своего авторитета».*

В итоге сборник получился разнообразным как в жанровом, так и в тематическом плане. Главной его ценностью стало то, что, в отличие от многих местных изданий, он был уже крайне насыщен сибирским материалом. В него вошли стихи, очерки, рассказы, фольклорные стилизации и прозаические этюды наиболее ярких омских литераторов – А. Новоселова, А. Сорокина, Г. Вяткина. Среди других авторов – В.Д. Митрич (Соколов), А. Цвиркне, С. Байкалов, Г. Новоселова, А. Ершов, М. Плотников. Оформление издания также отличалось явной концептуальностью и качеством исполнения. На обложке и титуле книги, оформленных киевским художником-графиком Владимиром Эттелем, проживавшим в это время в Омске, название набрано крупным кеглем и обведено контуром, изображающим колючую проволоку. В итоге выход в свет этого сборника действительно свидетельствовал об оживлении литературно-издательской жизни Омска в предреволюционную эпоху и стал серьезной творческой заявкой на будущее.

В фондах Научной библиотеки обнаружено три экземпляра данного сборника с явными приметами времени и следами читательского присутствия. На одном из них на внутренней стороне верхней облож-

¹ Жертвам войны...

ки вверху слева сделана наклейка из красной бумаги со штампом «Б-ка Томской ж.д.», внизу на зеленом ярлычке призыв к читателю о бережном отношении к книге. Также присутствуют печати «Главная б-ка Томского государственного ун-та РСФСР», «Научная б-ка ТГУ». На титульном листе сделана надпись чернилами о времени поступления сборника: «№ 25062. 19 18/V 15 г. Ц. 2 р. Отд. IX». На другом экземпляре обнаружен пока еще не расшифрованный автограф «Б.Т.У.», вероятно, из чьей-то личной библиотеки, о чем свидетельствует и надпись на титульном листе под названием, сделанная простым карандашом: «Ист.-филол. фак. Сч. В. Похвалинского 21.II.1920. Зор.»

Еще один экземпляр сборника представлен в оригинальном издательском твердом переплете с золотым тиснением. В верхнем левом углу вытеснен рисунок женщины в цветке, простирающей руку. На форзаце присутствует автограф карандашом: «АЕвзеров (нрзб.) № 45», что, вероятно, тоже связано с фактом дарения книги из личной библиотеки.

На экземпляре сборника «Жертвам войны» из личной библиотеки В. Домаевского, хранящемся в фондах ТОУНБ, стоят штампы и печати следующих библиотек: Томской городской Публичной и Областной, 1-й Советской и городской Районной библиотеки. Числится этот сборник, среди других сибирских, и в Прибавлении к каталогу книг Публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске за 1916 г.

В итоге проанализированные нами сборники как по контенту, так и по наличию на их страницах значимых примет времени – штампов, экслибрисов, автографов и пр. – выявляют показательную картину в плане читательской рецепции. Упомянутые имена сибирских собирателей-библиофилов, купцов-меценатов, политических ссыльных интеллигентов-разночинцев, библиотекарей, жертвователей, представителей студенческой молодежи и томской профессуры, первых слушательниц Высших женских курсов, рецензентов и критиков местной прессы помогают реконструировать образ сибирского читателя рубежа веков во всем его многообразии и специфике читательских предпочтений.

Дальнейший фронтальный просмотр местной прессы, книжных каталогов различных томских библиотек и обществ, архивных источников, воспоминаний современников означенного периода, надеемся, даст основание и возможность расширить представление о формировании местного репертуара чтения, читательских компетенций и читательских групп жителей региона.

5.2. «Дуновение декаданса», или томская литературная критика начала XX в. о новейших литературных течениях

В начале XX в. Томск, по мнению многих исследователей, становится литературной столицей Сибири¹. Как и множество других российских городов, Томск переживает интенсивное культурное развитие. Здесь появляется все больше учебных заведений, в том числе высших, все более заметную роль в жизни города играет интеллигенция, привычными формами досуга становятся чтение, посещение театральных представлений, симфонических и оперных концертов. Появляются не ссыльные и не навозные, а возвращенные в местных условиях молодые литераторы-сибиряки, активно публикующие свои произведения в местных и столичных периодических изданиях, альманахах и сборниках².

В Томске формируется «культурное гнездо» со своим лицом, местными темами, героями, «здоровым сибирским реализмом». Появляются собственные лирика и проза, свое миропонимание и способы отражения картины мира. Помимо изображения местного быта, природы, культуры, в Сибири и Томске существовало и особое восприятие столичной культуры, новых литературных направлений. Были свои кумиры среди общерусских писателей и собственный репертуар чтения.

¹ Казаркин А.П. Вехи литературной жизни Томска. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/607/> (дата обращения: 30.09.2017); Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 569.

² Литературная история Сибири / Н.В. Серебренников, А.П. Казаркин // Сибиреведение. Томск, 2008. С. 230–243.

Как и в Европейской части России, в Томске большой популярностью пользовались произведения современных модных писателей и поэтов рубежной эпохи, часто обозначаемой термином «Серебряный век», которую также называли эпохой модерна, или эпохой декаданса¹. Молодежь зачитывалась рассказами Л. Андреева и М. Арцыбашева², их пьесы становились предметом страстных дискуссий (суд над «Анфисой», диспут о «Екатерине Ивановне» Л. Андреева, суд над Арцыбашевым «Ревность»)³. На различных площадках проводились вечера декадентского искусства.

О модернизме и декадансе в начале века в Томске было прочитано невиданное количество лекций и рефератов как местными, так и столичными лекторами, а в 1916 г. Томск посетили сами мэтры символизма: К. Бальмонт и Ф. Сологуб⁴.

Большой резонанс в прессе получили доклады одного из инициаторов и создателей Сибирского социал-демократического союза, редактора томской газеты «Утро Сибири» В.Е. Воложанина: «Модернизм и сибирские поэты», «О сибирских поэтах» и «Футуризм в литературе». Тексты его выступлений и отзывы печатались в газетах «Утро Сибири», «Сибирская газета» и «Жизнь Алтая».

На основе «программных» статей В.Е. Воложанина в «Очерках русской литературы Сибири» был написан целый раздел «Мотивы декаданса в литературе Сибири»⁵, где утверждалось, что в Сибири модернизма не было, а местные литераторы и критики прилагали не-

¹ Воскресенская М.А. Феномен Серебряного века: проблемное поле культурно-исторического осмысления // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 21.

² Очерки русской литературы Сибири... С. 557.

³ Суд над «Анфисой» // Сибирская жизнь. 1911. № 20, 26 янв.; Диспут о «Екатерине Ивановне» Л. Андреева // Сибирская жизнь. 1913. № 86, 20 апр.; Литературный суд над Арцыбашевым. «Ревность» // Сибирская жизнь. 1914. № 13, 17 янв.

⁴ Вечер поэзии К.Д. Бальмонта // Сибирская жизнь. 1916. № 64, 20 марта; Лекция Соллогуба // Сибирская жизнь. 1916. № 220, 12 окт.

⁵ Очерки русской литературы Сибири... С. 556–567.

малые усилия в борьбе с декадентской литературой. Декадентами и модернистами считались те, кто писал о «слезах», «розах» и «грезях», с одной стороны, и те, кто предавался тоске и отчаянию, т.е. декадентским настроениям, в чьем творчестве утверждалось торжество порока, изначальность и непреодолимость зла, бессцельность социальной борьбы и мотивы безысходности, – с другой.

«К чести сибиряков, – писал В.Е. Воложанин, – модернизм не встретил широкого сочувствия», а единственным поэтом-символистом был томский литератор Иосиф Иванов. Лирика И. Иванова «выглядела провинциальным вариантом буржуазного модернизма», который был охарактеризован как «болезненная накипь русской литературы»¹.

И. Иванов активно печатался в томской периодике. Необычные по форме стихи И. Иванова привлекали внимание пародистов. Так, после появления в журнале «Сибирская новь» его стихотворения «Двое»² в «Сибирской жизни» в разделе «Шаржи и пародии» вскоре появилась смешная пародия «Прикорчив двух...», подписанная псевдонимом «Гном»³.

И. Иванов:

«Мой дух сквозит, как в мае зори:
Он с самопрялки рано снят;
Во мне, пытливом небозоре,
Круговозвратный скрытый яд.

Гном:

Мой ум слизист, как в осень грязи,
Он недотыкомкой помят;
В котле рокочущем, как в вазе,
Неразбериха, чушь и чад.

Особое внимание и многочисленные отклики привлек доклад В.Е. Воложанина в томском литературно-музыкально-драматическом

¹ Очерки русской литературы Сибири... С. 560.

² Иванов И. Двое // Сибирская новь. 1910. № 2. С. 45–46.

³ Гном. Прикорчив двух... // Сибирская жизнь. 1910. № 30, 7 февр.

обществе «О сибирских поэтах», в котором сравнивались поэты старой Сибири (Омулевский и Михеев) и новые поэты, поэты-интеллигенты, внесшие в поэзию новые песни грусти, тоски, меланхолии. Их творчество окрашено интеллигентским душевным разладом.

Вот краткие характеристики молодых поэтов: Хейсин – поэт изменчивости, неустойчивости, поэт, колеблющийся между верой и отчаянием... Шебеков – это поэт без веры. Он видит во всем только тихую печальную грусть... Надломленность, двойственность, тоска и грусть – все это наблюдается и у Вяткина; наряду с этим Воложанин отмечает трафаретность формы и подражательность Надсону и другим поэтам. От этого развала Васильева-Потанина уходит в мир грез и сказки. Ее песни – это жалоба женщины, обойденной личным счастьем, в ее стихах звучат раны души... Особое место среди сибирских поэтов занимает Гребенщиков. Все предыдущие поэты – это поэты города, а Гребенщиков – поэт умирающего быта сибирской деревни¹.

Послушав доклад В.Е. Воложанина, «большевик» В. Бахметьев сделал следующий комментарий: «Нет сомнения, тема, затронутая Воложаниным, интересна и мало разработана. Но подходить к вопросу о сибирской поэзии с тем багажом, с которым подошел г. Воложанин, более чем рискованно. Доклад г. Воложанина – это сплошные общие места, не подкрепленные доказательствами. Перечень сибирских поэтов далеко не полон. Самые произведения поэтов остались не разобранными ни по существу, ни со стороны формы»².

С такой же «непримиримостью» боролся Воложанин и против футуризма: «Рожденный в период разложения общественности, литературного распутия, дифференциации направлений, русский футуризм реакционен», – говорил Воложанин и призывал к беспощадной борьбе с ним. Но на одинокий призыв к борьбе никто из томской общественности не откликнулся. В защиту футуризма выступил известный в Томске статистик В.Я. Нагнибеда. Указав на трудности оценки ли-

¹ Савченко И. О сибирских поэтах // Жизнь Алтая. 1913. 22 дек.

² В. Б-в. «О сибирских поэтах». Доклад В.Е. Воложанина // Сибирская жизнь. 1913. № 277, 17 дек.

тературных школ и направлений, он определил футуризм как «стремление обнять все стороны жизни, претворить явления искусством, революционизировать его, дать на все ответы»¹.

Если читательский интерес, особенно среди молодежи, и можно отчасти объяснить модой и интересом к ранее запретным темам, то молодые томские писатели и поэты осознавали всю «бессильность традиционного реализма справиться с задачами постижения все усложняющегося мира»². Выход они видели в основательном усвоении художественной практики символистов. Поиски символистами новых художественных средств были близки многим томским литераторам.

Известную дань модернистским веяниям отдал молодой Исаак Гольдберг. Вслед за В. Розановым и М. Арцыбашевым, И. Гольдберг посвятил свои ранние рассказы и повести «Исповедь» и «Тёмное» «проблеме пола». Прозаик реалистического направления В. Шишков учился основам мастерства у А. Ремизова. Его первая книга «Сибирский сказ», вышедшая в 1916 г., говорит о влиянии его манеры.

Однако более отчетливо декадентские мотивы проявились не в прозе писателей-сибиряков, а в творчестве сибирских поэтов – П. Драверта, Г. Вяткина, И. Тачалова, И. Иванова, И. Хейсина, Д. Олерона, В. Пруссака и др.³

Сибирские писатели испытывали на себе влияние уже признанных авторитетов и подражали им. У многих из них увлечение модернизмом шло параллельно с поисками собственных путей в литературе.

Обратившись к оригинальным текстам произведений томских литераторов и томских критиков, помещенным на страницах томских периодических изданий («Сибирская жизнь», «Сибирский наблюда-

¹ К-в. Футуризм в литературе // Сибирская жизнь. 1914. № 67, 29 марта.

² Чмыхало Б.А. Критика «новейших течений» в сибирских изданиях начала XX в.» // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск : Наука, 1989. С. 75.

³ Очерки русской литературы Сибири... С. 557–559.

тель», «Сибирская новь», «Утро Сибири» и др.), мы видим, что новейшие литературные течения оказали огромное влияние на томскую творческую элиту. Наиболее адекватное восприятие модернистской литературы и объективную оценку этому явлению находим в литературно-критическом творчестве одного из ярчайших представителей молодой сибирской литературной школы – Г.А. Вяткина¹. Его перу принадлежит наибольшее количество рецензий и литературных обзоров, посвященных новейшим литературным течениям. Переводчик, автор поэтических сборников, очерков и рассказов, критических и литературоведческих статей, театральных рецензий, Г.А. Вяткин начал свою профессиональную карьеру литературного критика на рубеже веков в журнале «Сибирский наблюдатель»². Так, еще в 1905 г. в обзоре литературных новинок Г. Вяткин достаточно резко высказался против появления новых стихотворений К. Бальмонта и З. Гиппиус, назвав их «резким проявлением ультра-декадентства». «Сплошная вычурность, крикливая, нарядная; бред – не больной души, что еще допустимо в поэзии, – это бред извращенной души, извращенного разума... Обидно за талант г. Бальмонта, бывшего когда-то чистым и ясным, а теперь – затуманенный и загрязненный»³.

По мнению Г.А. Вяткина, декаданс был явлением заимствованным, искусственно привнесенным из европейской культуры. Причем заимствованы были лишь самые негативные черты. «Декадентство в его чистом виде в лице Верлена и его ближайших коллег

¹ Жилияков А.С., Жилиякова Н.В. Критика модернизма в сибирской журналистике начала XX века (по материалам газеты «Сибирская жизнь») // Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию Иркутского государственного университета и факультета филологии и журналистики (Иркутск, 27–30 июня 2013 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. С. 227–236.

² Яковенко А.В. Г.А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX века и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Омского университета. 2007. № 2. С. 87.

³ Вяткин Г.А. Новинки литературы // Сибирский наблюдатель. 1905. № 1-2. С. 193.

по перу нельзя назвать отрицательным явлением», – пишет он в 1907 г. в статье «О декадентах»¹. Оно призвано «внести свежую струю в беллетристику и поэзию, создать будирующее настроение, изобразить ощущение и настроение, до сих пор никем не изображенные». Однако основные принципы, которые провозгласили символисты, – индивидуализм в литературе, свободу в искусстве, полное отрицание старых форм и неуклонное стремление ко всему, что ново, странно и необычно, – переросли на русской почве в полное забвение политических и общественных интересов, в культ распущенного тела, в культ похоти и болезненно повышенной животности. «До боли обидно, – пишет далее Г.А. Вяткин, – что в этой гнусной вакханалии, оскверняющей храм русской литературы, принимают близкое участие такие крупные таланты, как Бальмонт».

К творчеству К. Бальмонта Г.А. Вяткин особенно равнодушен. На страницах «Сибирской жизни» в разделе «Библиография» появляются его рецензии на новые сборники поэта. Вот как характеризует он новую книгу Бальмонта «Белые зарницы»: «Странная и вместе с тем вдохновенная книга, написанная красивой, образной прозой, чередующейся с еще более красивыми и образными стихами, переходящими порой в трудно понимаемый, прихотливый модернизм, без которого, впрочем, Бальмонт – уже не Бальмонт»².

По мнению критика, за последние 5–8 лет русская поэзия значительно выросла и расцвела как в качественном, так и в количественном отношении. За это время определились два ярких таланта, два короля современной русской поэзии, представители враждующих направлений реализма и модернизма: П.Ф. Якубович и К.Д. Бальмонт. П. Якубович – талантливый представитель общественно-гражданской поэзии, а К. Бальмонт – еще более талантливый представитель чистой поэзии, поэзии символической. Сборники стихов того и другого вы-

¹ Вяткин Г.А. О декадентах // Сибирская жизнь. 1907. № 92, 14 авг.

² Вяткин. Г.А. Библиография. Бальмонт. Белые зарницы. 1908 г. // Сибирская жизнь. 1908. № 25, 30 янв.

держали по целому ряду изданий, разошлись в десятках тысяч экземпляров, приобрели огромную популярность. Как литературные короли каждый имел свою свиту, своих последователей и подражателей. Чем больше была толпа подражателей, тем больше крайних и негативных проявлений выплескивалось наружу, вызывая в литературе настоящую смуту.

По мнению Г.А. Вяткина, на противоположных концах реализма и модернизма процветают две крайности: тенденциозно-гражданская литература и утонченно-порнографическая. Служение общественно-политическим интересам, безусловно, прекрасная задача для литературы, «но горе, – пишет Г. Вяткин, – когда художественная сторона поглотится тенденцией. Такая литература уже лишена своих живых соков она уже превращается в протокольную запись политической действительности, в граммофонную пластинку, агитирующую за Маркса и Бебеля». Обе крайности одинаково неприемлемы и вредны для развития литературы. Однако если гражданская тенденциозность литературы не приносит существенной пользы искусству, но не причиняет ему и вреда, то идеализация и проповедь утонченного разврата, по мнению Вяткина, «заслуживает самого сурового, самого безапелляционного отрицания и смертного приговора»¹.

Однако следует заметить, что критические обзоры Вяткина, помимо выявления негативных сторон, практически всегда содержат положительные примеры. Например, талант Куприна свежий, глубокий и яркий. Куприн «реалист, но не грубый, не тенденциозный, а тонко чувствующий, образно мыслящий, красиво и тепло передающий». Г.А. Вяткин считает, что такой реализм граничит с здоровым символизмом, и в этой грани и есть выход из литературного тупика, «в этой золотой середине прочный залог пышного расцвета русского художественного слова»². В стихах И Бунина и А.М. Федорова совсем нет

¹ Вяткин Г.А. Литература и жизнь. Ч. 4 // Сибирская жизнь. 1908. № 52, 14 марта.

² Вяткин Г.А. Литература и жизнь. О реалистах и модернистах // Сибирская жизнь. 1908. № 46, 7 марта.

истерических нот и болезненных настроений, которыми так неприятно изобилует вся новейшая русская поэзия. Их стихи – продукт здорового, твердого, не надломленного творчества, развивающегося из здоровых и цельных переживаний. Ну и, конечно же, в стороне от всех королей современной русской поэзии и их свиты одиноко стоит «последний из могикан» художественного творчества XIX в. – граф Л.Н. Толстой.

Поиски золотой середины, выхода из литературной смуты Г.А. Вяткин видит в появлении нового самобытного поэта: «Да, такой поэт должен явиться. Не от худосочного, болезненного, хотя порой и очень красивого декадентства должна ожидать русская поэзия своего возрождения и пышного расцвета... А ведь не может быть, чтобы Россия не дала миру своего нового Пушкина – самобытного (не в узком смысле, а в самом широком значении этого слова), крепко связанного с народной жизнью и вышедшего из ее глубины»¹.

Рецензии и литературные обзоры и критические статьи – далеко не весь используемый арсенал критика. Яркие и запоминающиеся пародии, фельетоны, иногда злые и язвительные, но очень смешные, надолго остаются в памяти читателей. Особенно достается от Вяткина-фельетониста футуристам за их склонность к саморекламе и самолюбованию, а также за коверканье русского языка.

В газете «Сибирская жизнь» от 7 мая 1911 г. в разделе «Фельетон» появилась заметка под названием «“Электрическая” литература», в которой высмеивалась новая книга Игоря Северянина, присланная в редакцию для отзыва. Вскрыв бандероль, секретарь редакции побледнел и отскочил в сторону, на обложке было написано: Игорь Северянин. «Электрические стихи». Далее читаем следующий диалог:

«– Хорошо еще, если электричества в книге немного, – тревожно произнес он, – а что, если каждое стихотворение заряжено пятью-

¹ Вяткин Г.А. Литература и жизнь. Ч. 4 // Сибирская жизнь. 1908. № 52, 14 марта.

стами вольт. Ведь стоит только прикоснуться – и будешь убит наповал.

Судебный репортер предложил:

– Нужно немедленно разрядить книгу, сделать ее безопасной и потом уже читать.

– Ну и трусы же вы, господа! – улыбаясь, воскликнул литературный критик, – книга совершенно безопасна, уверяю вас! Если автор назвал свои стихи электрическими, то это просто лишь для того, чтобы пустить читателю пыль в глаза. Ведь чем только не дарят читателей современные поэты и беллетристы! И стоит ли удивляться тому, что после литературы модернистской и сексуальной – появилась литература электрическая...

Они устыдились, однако за книжкой никто не потянулся, кроме критика. Без тени смущения он взял “Электрические стихи” и, оставшись жив и невредим, начал вслух читать:

“Элегантная коляска, в электрическом биенье
Эластично шелестела по шоссеиному песку...”

Далее на с. 21:

“Сирень весны моей!
Моей весны сирень грузила
в грезы разум,
... Пила мои глаза, вплетала
в брови сны
И, мозг испепелив, офлерила
экстазом
Сирень моей весны”.

Тут все едва не лопнули от смеха, критик тоже не выдержал, швырнул книгу на стол и раздраженно заговорил: “Я сейчас же сяду писать ругательную статью... не об Игоре Северянине, несчастном авторе “Электрических стихов”, а вообще о таких, как он, которые коверкают язык, грязнят и уродуют литературу, плодят таких же сумасшедших как они сами”. Критик, однако статьи не написал. Сотрудники сообща решили, что писать о книге не стоит, а нужно лишь

послать автору извещение о том, что в местной психиатрической лечебнице прием больных продолжается»¹.

Фельетон имел совершенно локальный конкретно-исторический контекст. В 1908 г. в г. Томске была открыта первая в Сибири психиатрическая лечебница. Именно туда и приглашались господа футуристы.

Неуважение футуристов к читателю и к литературе особенно задевает Вяткина-литератора. «Едва опали и отхлынули волны порнографии и пинкертоновщины, широко заливавшие наш книжный рынок... как отвратительной угрозой встает новая беда: нашествие литературных варваров, именующих себя футуристами. Наглые и бездарные самозванцы, их книги выходят одна за другой, у них находятся и поклонники, и меценаты». Вяткину-поэту обидно за лучшие «толстые» журналы, которые едва сводят концы с концами из-за читательского равнодушия. А для футуристов находятся и деньги, и внимание, и полная свобода слова.

Говоря о читательском равнодушии, Вяткин не оставляет без внимания и другую немаловажную проблему – просвещение читателей. По его мнению, просвещением читателей должны заниматься не только отдельные литераторы и критики, но и литературные общества. Видя крайне обостренный интерес к новейшей литературе, Л.Н. Толстой как-то сказал, что молодежь ищет смысла жизни у Горького и Андреева, забыв о тысячелетних усилиях человеческой мысли над разрешением проклятых вопросов и об огромных результатах работы этой мысли. Неоспоримый голос статистики говорит, что средние классы, т.е. массовый читатель, упиваются романами Гейнце и Пазухина, Конан-Дойля и Вербицкой, «Огоньками», «Синими журналами», «Всемирными панорамами». Массового читателя привлекает то, что внешне любопытно, занято, страшно и смешно. Высокое культурное и общественное значение серьезной литературы ему чужды и не понятны. Приобщение к вечным миро-

¹ Вяткин Г.А. Электрическая литература // Сибирская жизнь. 1911. № 101, 7 мая.

вым источникам человеческой мудрости, к лучшим художественным выразителям нашего национального гения – первая и основная задача, которую должны решать местные литературные общества. А второй задачей должна стать популяризация произведений таких писателей, как Толстой и Достоевский, Гаршин и Чехов, Тургенев и Успенский, Белинский и Михайловский и др. Литературные общества должны обратить внимание на это, должны постараться приобщить массового читателя к радости знакомства с корифеями родного слова, воспитать в нем любовь и уважение к серьезной литературе, дать ему настоящую пищу вместо того суррогата, которым он засоряет свой ум¹.

Чтобы избежать тенденциозности и морализаторства, Г.А. Вяткин обращается к различным литературно-публицистическим жанрам. Особенно удачно у него получались литературные интервью, в которых слово предоставлялось какой-нибудь новомодной знаменитости. Так, в марте 1911 г. было опубликовано развернутое интервью с двумя популярными молодыми писателями: М. Арцыбашевым и Б. Зайцевым². Авторы были выбраны не случайно, они были почти диаметрально противоположны друг другу: один – грубый реалист, другой – нежный романтик, один – апологет тела, другой – апологет духа, один – художественно утверждает смерть, другой – художественно утверждает жизнь. Хотя Вяткин «решительно не сочувствует крайне индивидуалистическому мирозерцанию М. Арцыбашева», но, беспристрастия ради, пытается передать его мысли, не искажая их, не смягчая и не подчеркивая. Вяткин не дает собственных оценок и комментариев, только слова самих интервьюированных.

Интервью начинается с описания бытовой обстановки, в которой проходила беседа. Она также построена на контрасте. Если у М. Арцыбашева «хороший номер одной из лучших московских гостиниц», то у Б. Зайцева «скромный и уютный кабинет». «Если говорить о се-

¹ Вяткин Г.А. Мысли вслух // Сибирская жизнь. 1911. № 197, 6 сент.

² Вяткин Г.А. Литературное интервью // Сибирская жизнь. 1911. № 61, 17 марта.

бе – начинает Михаил Петрович... Рассуждаю так: жизнь не имеет объективного смысла, и человек создан для самоутверждения, для борьбы за свое “я”. “Я” – выше всего, и никаких законов, кроме “хочу” быть не должно... Если мое “хочу” столкнется с противоположным “хочу” другого человека – пусть завяжется борьба, кто сильнее – тот победит... В прошлом нашей литературы было много хорошего... А теперь нет ничего: Короленко, Андреев, Куприн – хорошие стилисты и только... да и все другие современные беллетристы – люди с куриной душой». Далее идет интервью с Б. Зайцевым. «Борис Константинович, с обычной светлой и мягкой улыбкой, говорит: “Собираюсь писать статью о Тургеневе... Тургенев – мой любимый из русских авторов... Вообще, не согласен с теми, кто заявляет, что в нашей литературе наступил период упадка. Если хотите, это период брожения, хаоса, из которого должно родиться нечто новое, период исканий, ошибок, может быть, частичных падений, но не упадка. Писатель должен быть прежде всего художником, артистом, а разве Андреев и Бунин и другие – не художники, не тонкие артисты...”»

Слова Б. Зайцева созвучны мыслям самого Г.А. Вяткина. Из текста видно, что симпатии критика именно на его стороне, ему претит индивидуализм Арцыбашева. Прямая речь лишь еще больше заостряет, усиливает, обращает внимание на самые главные качества писателей.

Индивидуализм и неуважение к читателю станут темой еще одной статьи Г.А. Вяткина, которая больше напоминает литературную новеллу. Она называется «В кружке писателей»¹. Исполняя поручения редакции газеты «Сибирская жизнь», Вяткин совершал многочисленные поездки по стране, посещал столичные премьеры, заседания литературных кружков и обществ, о которых рассказывал в рубрике «От нашего московского корреспондента». На одном из таких заседаний в московском литературно-художественном кружке писатель М.П. Арцыбашев читал свой новый рассказ «Деревянный чурбан».

¹ Вяткин Г.А. В кружке писателей. (От нашего московского корреспондента) // Сибирская жизнь. 1912. № 52, 4 марта.

Присутствовало немало известных лиц из литературного и художественного мира. Автор рассказа чувствовал себя не вполне здоровым, поэтому чтение было поручено артисту народного дома А.Н. Бибикову, а Арцыбашев, в «своей неизменной темной бархатной блузе, сидел рядом и изредка, заглядывая в рукопись, поправлял чтеца».

Действие рассказа происходит в Сибири. Драматическая коллизия разворачивается на фоне глухого сибирского леса. Бывший революционер, ссыльный студент Веригин бродит в лесу с ружьем и неожиданно наталкивается на шамана, молящегося деревянному идолу – чурбану. Он пугает шамана ружьем, смеется над его богом и стреляет в идола. Потрясенный и оскорбленный шаман в ужасе скрывается в чаще. Веригин возвращается домой и рассказывает о происшествии в лесу своему товарищу по ссылке. Присутствующий при этом старый сектант мужик Федор Иванович резко осуждает его поступок. Он убежден, что нельзя обижать и глумиться над чужой верой. На следующий день, когда Веригин снова пошел к идолу, свершается месть за поруганную святыню. Бурят убивает его из ружья.

После чтения рассказа разгораются бурные прения, которые затягиваются до второго часа ночи. Как и в случае с интервью, Вяткин не вмешивается в обсуждение, не дает своих оценок, не делает комментариев, а предоставляет слово авторитетам из литературного, художественного и научного мира. Первым выступает бывший редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов: «С географической и этнографической стороны рассказ не выдерживает критики. Хорошо зная Сибирь и быт бурят, я должен сказать, что многое в рассказе совершенно не отвечает условиям действительности: дубов в Сибири нет, идолов таких, какой здесь описан, тоже нет, фигура шамана также неправдоподобна...». Полное незнание сибирской флоры и фауны отметили и другие выступающие. У Арцыбашева в тайге пахнет медом и растут большие корявые дубы. Н.Д. Телешов, присоединяясь к мнению Попова, прибавляет, что буряты никогда так не мстят, автор это выдумал неудачно. И с психологической стороны произведение фальшивое и надуманное.

В.Я. Брюсов во время обсуждения поднимает один из вечных вопросов литературного творчества: должен ли писатель в своих произведениях точно следовать фактам, этнографическим и географическим деталям, ведь многие несообразности проходят для читателей совершенно незамеченными.

На его слова профессор А.А. Кизеветтер вспомнил, как Л.Н. Толстой критиковал этюд В.Г. Короленко «Старый звонарь». Его поразила мелочь, неправильное положение луны, но он говорил, что эта лживая, неудачно выдуманная мелочь мешает ему принять и целое художественное рассказа. «Авторитет Толстого здесь вполне достаточен, – говорит далее Кизеветтер. – Я же всегда говорил, что писатель, художник не должен относиться к знанию холодно, не должен опасаться, что точным знанием сушится вдохновение. Нет, знание должно быть в неразрывном союзе с вдохновением, чем поэт больше знает, тем он будет сильнее как поэт. Арцыбашев делает ошибки в географии и этнографии потому, что он не знает природы, а не знает потому, что не любит ее; он не перечувствовал описываемых им пейзажей: ни глазами, ни сердцем он не постарался вникнуть в природу глубже и серьезнее и легкомысленно наклеветал на нее, а может быть, не только на нее, но и на людей».

В прениях попыталась участвовать и «какая-то эффектная дама из среды гостей». Громко, с жаром, она заявила, что не понимает придирчивости оппонентов к Арцыбашеву, «огромный талант которого общепризнан и каждая строчка которого вызывает наслаждение и трепет...»

Показателен конец литературной статьи: «Арцыбашев ничего не отвечал ни критикам, ни защитникам, равнодушно помешивая ложечкой в стакане чая и изредка со скептической улыбкой поглядывая из-под пенсэ на оппонентов».

Начало и концовка обрамляют очерк, создавая и завершая образ знаменитого индивидуалиста, равнодушного к людям и всему окружающему.

Профессионализм Г.А. Вяткина как литературного критика значительно вырос за годы сотрудничества с крупнейшей в Сибири газетой

«Сибирская жизнь». Взаимодействие публицистического и художественного стилей в прозе писателя, сближение новеллы и очерка делают его заметки и статьи яркими, экспрессивными и запоминающимися. В совершенно новом ключе подается характерный для сибирских писателей «этнографизм» как проникновение в глубину и правду жизни.

Изучение литературно-критического наследия Г.А. Вяткина свидетельствует о том, что, помимо появления новой плеяды молодых сибирских литераторов, в Томске появляется и качественная литературная критика, общий тон которой был гораздо более лояльный к новейшим течениям русской литературы.

Местный литературный процесс не ограничивался рамками какого-то одного направления, был восприимчив ко всему новому, не замыкался только на реализме. Попытки представить отдельные критические заметки и высказывания (пусть иногда и злые) на некоторые негативные стороны «модных» направлений и их крайние проявления в виде «борьбы» за реализм вряд ли соответствуют действительности. Критика была направлена на крайние и отдельные проявления декаданса, конкретных писателей-эпигонов и некоторые их произведения.

Не было в Томске в начале XX в. и борьбы между реализмом и модернизмом. Никаких литературных сражений между литературными направлениями и группами в Томске не могло быть, так как бороться особо было некому и не с кем. «Молодая литература Сибири», или «сибирская литературная школа», стала нарождаться лишь в последнее предоктябрьское десятилетие. Были лишь отдельные выступления и лекции в литературных кружках и дискуссии на страницах периодики.

В отношении сибиряков к модным течениям не было единства. Как и новая сибирская литература, критика была многоплановой и разной, не было одинаковости и единообразия во взглядах и мнениях.

5.3. Самодеятельные школьные журналы

Школьным самодеятельным журналам начала XX в. в последнее время уделяется много внимания¹. Выходили такие журналы и в Томске². Как справедливо отмечали исследователи, «ученические журналы являются отдельным типологическим отрядом, не примыкающим к общественно-политическим, или сатирическим, или студенческим, или литературно-художественным журналам. Поэтому у исследователей томской периодики не было острой необходимости обращаться

¹ Крайнева Н.И. Рукописные журналы и газеты учебных заведений дореволюционной России // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (малоисследованные проблемы и источники). М., 1980. С. 222–239; Паликова А.К. Рукописные журналы Сибири 900-х годов. Улан-Удэ, 1974; Рукописная книга. Нелегальные издания // Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. Т. 1. С. 197–203; Балашова Ю.Б. Школьная журналистика серебряного века. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. 114 с.; Рушанин В.Я. Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 гг. Челябинск : Челябинская гос. академия культуры и искусств, 2011. 164 с.; Халиуллина М.С. История развития и условия функционирования детско-юношеских самодеятельных изданий Оренбургского края (1878–2011 гг.) // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2012. С. 199–205; Бондаренко М.А. Кадетские и юнкерские журналы начала XX в.: педагогическая составляющая // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 96–100; Еремин А.И. Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. История России. 2013. № 10 (111). С. 18–42; Лярский А.Б. «Мы сами создали себе свой мир...»: школьные рукописные газеты и журналы начала XX века как фактор социализации // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 179–196; Возилов В.В. Проблема интеллигенции на страницах рукописных журналов начала XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 2. С. 101–113 и др.

² Жиликова Н.В., Шевцов В.В. Журнал «Товарищ» (1911/12): опыт разработки типологической модели издания для учащейся молодежи в журналистике Томска начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 139–153; Есипова В.А., Шевцов В.В. Томские самодеятельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодежи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 147–160.

к вышеуказанным журналам при описании других типов изданий»¹. Таким образом, оказалось, что эта весьма интересная страница истории томской периодики начинает исследоваться только сейчас. На настоящий момент можно говорить о целом ряде школьных журналов, выпускавшихся в Томске.

Из томской периодической печати известно, что уже в 1903 г. в Томском Алексеевском реальном училище выходило два журнала: «Первые опыты» выпускали ученики 5-го класса, а учащиеся 4-го класса издавали журнал «Юный друг»² под цензурой инспектора реального училища И.В. Богомолова. К сожалению, на сегодняшний день это вся информация о творчестве томских реалистов начала XX в., а сами журналы пока обнаружить не удалось.

Более подробные сведения имеются о школьных журналах «Товарищ» (1911–1912), «Мысли учащихся средней школы» (1916–1917), «Родная Сибирь» (1918–1919). Установлено, что эти журналы довольно сильно отличались друг от друга по содержанию, тематике, объему, периодичности выпуска и форме воспроизведения. Так, журнал «Товарищ», выходивший в Томске в 1911–1912 гг., являлся ученическим журналом, выпускавшимся учащимися Первого Сибирского коммерческого училища. Это был литературный журнал, включавший литературно-художественные произведения, заметки, рефераты, развлекательные материалы; он отражал как учебную, так и внеучебную жизнь учащихся. Техникой воспроизведения была литография с оригинала, напечатанного на пишущей машинке. К литературно-научным журналам можно отнести и журнал «Мысли учащихся средней школы», который издавался типографским способом в типографии губернского правления³. Наконец, «Родная Сибирь» являлась

¹ Жиликова Н.В., Шевцов В.В. Журнал «Товарищ»... С. 142.

² Сибирская жизнь. 1903. 20 ноября. № 252.

³ Сердечная благодарность Н.В. Жиликовой, предоставившей возможность ознакомиться с копией журнала. Жиликова Н.В., Карташова Т.П. «Зеленые победы будущего»: история развития школьной журналистики и ее оценка на страницах дореволюционной периодической печати (на примере газеты «Сибирская жизнь», 1917 год) (в печати).

органом кружка учащихся, занимавшихся изучением Сибири. Это издание можно отнести к литературным журналам краеведческого (областнического) направления. «Родная Сибирь» публиковалась разными способами: часть номеров вышла в рукописном виде, один был тиражирован на гектографе, один литографирован.

Еще один из самодеятельных школьных журналов хранится в фондах ОРКП НБ ТГУ¹; это журнал «Лес». На настоящий момент обнаружен один номер (№ 2 за 1917 г.). Строго говоря, нельзя утверждать, что журнал выходил именно в Томске, так как данные о месте издания отсутствуют. Однако в силу ограниченного тиража гектографированных изданий (не более 100 ед.), а также очевидно малого круга потенциальных читателей предположение о томском происхождении журнала можно признать весьма вероятным.

На титульном листе журнала обозначены его название и номер, указано, что это «Еженедельный журнал для юношества», а также что 1917 г. является первым годом издания журнала. Здесь же упомянут редактор-издатель, отрекомендовавшийся псевдонимом «Черный Ястреб»; о сотрудниках сказано: «Эфиоп, один человек». Кроме того, на титуле размещен рисунок пером, изображающий лес, выполненный довольно профессионально.

В номере журнала 8 листов (16 страниц). Нумерация начинается со с. 29 (лист, следующий за титулом), а заканчивается на с. 44 (оборот заключительного листа). Как видно, предполагалась сквозная нумерация листов. Поскольку перед нами второй номер, то можно заключить, что первый номер был обширнее и включал в себя с. 1–28 (т.е. 14 листов).

Небольшой по объему журнал можно назвать исключительно литературным: 1) рассказ (возможно, роман) «Путешествие на Марс»; 2) заметка-зарисовка, близкая к новелле, под названием «Новый год»; 3) стихотворение «Наступление весны»; 4) сказка «Приключения лисы-разумницы»; 5) заключительная страница «Потешный уголок».

¹ ОРКП НБ ТГУ. В-5513. Лес. Журнал. 1917. № 2. [Б.м.]. 8 л.

Рассмотрим содержание журнала более подробно. Второй номер «Леса» открывается второй главой романа «Путешествие на Марс» (л. 1–3). Автором произведения указан редактор-издатель «Черный Ястреб». Глава называется «Новый телескоп», а на нижнем поле указано, что начало романа было опубликовано в первом номере. В главе рассказывается о том, как астроном-любитель Сергей Петрович Гребнев решает построить новый телескоп, в который будет видно марсиан. Он изготавливает чертеж телескопа и подсчитывает, какие средства необходимы на его создание. Однако у него не хватает денег на телескоп, поэтому он обращается к знакомому, Борису Алексеевичу Волкову, с тем чтобы занять у него необходимую сумму. Знакомый охотно предоставляет деньги, Гребнев пишет ему расписку и отправляется к мастеру, живущему неподалеку, чтобы сделать заказ. На этом глава заканчивается, в конце текста следует пометка о том, что продолжение следует.

Уже само название произведения и деление его на отдельно публикуемые главы указывает на то, что автор замахнулся на нечто эпическое, фантастическое и объемное в духе Ж. Верна. Подражание романам Ж. Верна чувствуется в излишне подробном описании проектирования телескопа: какого он должен быть размера, из какого материала его нужно сделать, сколько стекол и каких необходимо изготовить, а также тщательно подсчитана необходимая на его изготовление сумма денег. Автор рассказа (романа?) явно был знаком и с черчением, и с материаловедением, и с началами астрономии. Но большую часть текста все же занимают вопросы организационные, денежные, собственно фантастики здесь еще нет. Вероятно, она должна была начаться в следующих номерах, когда телескоп будет изготовлен и в него можно будет увидеть настоящих марсиан.

Следующим произведением является заметка «Новый год» (л. 3 об.–4), жанр которой можно определить как мини-новелла. В ней автор (укрывшийся за псевдонимом «Эфиоп») описывает свои ожидания по поводу встречи нового 1917 года, омраченные отсутствием дома отца, который был «взят на военную службу» и находился «на позициях». Однако за несколько минут до Нового года, когда семья

была в сборе и ожидала боя часов, раздался стук в дверь. Как оказалось, это приехал отец автора, взявший на Новый год отпуск.

Текст этой небольшой зарисовки-новеллы построен на противопоставлении грустного начала: «Встреча нового 1917 г. ожидалась скучной...» и оптимистичной концовки: «Новый год принес с собой новые радости. Встреча этого года осталась в памяти у меня навсегда». Оказывается, самый радостный и веселый детский праздник может быть скучным, если рядом нет родного и близкого человека, а его появление любое событие делает незабываемым.

Имеется в журнале и одно стихотворение, которое называется «Наступление весны» и подписано псевдонимом «Приемыш» (л. 4). Стихотворение невелико, оно состоит всего из двух четверостиший. По содержанию это лирическая зарисовка, описывающая ожидание весны:

Скоро луг зазеленеет
И оденутся поля.
Светом, радостью повеет
И заблещут небеса.
Птички с юга возвратятся
В гнезда теплые свои,
Будут трелью рассыпаться
В темной роще соловьи.

Самым обширным текстом в номере является сказка «Приключения лисы-разумницы» (л. 4 об.–8), автором которой оказался все тот же «Эфиоп». Перед нами своеобразный «микс» из разных русских народных сказок о животных, где главной героиней является хитрая лиса. В ней описывается, как лиса, обманывая всех зверей в лесу, получала власть (лев назначал ее судьей над птицами) и добывала пропитание. В целом она производит впечатление не разумницы, а хитрой и беспринципной интриганки, ищущей во всем свою выгоду; остальные же звери чрезмерно доверчивы и раз за разом соглашаются на сотрудничество с лисой, хотя она обманывает всех, с кем имеет дело. Особенно «туповатым» выглядит хозяин леса лев; его лисица обманывает неоднократно.

По мере развития сюжета «приключения» лисы становятся все более зловещими. Лиса из «разумницы» становится еще более хитрой,

кровожадной и прожорливой, весь лес перед ней трепещет. На протяжении всей сказки идет нагнетание ужаса через перечисление содеянных ею злодеяний. Сначала она передушила множество птиц, затем до смерти напугала с трудом вырвавшуюся из ее когтей мышку, потрепала и искусала посланного за ней ворона, у спасшего ее от возмездия орла съела всех птенцов («На земле, под гнездом я нашел кости своих детей»). Приполз уж и стал жаловаться, что лисица «съела у него яйца и самого немного потрепала». Крупным и сильным животным лиса смогла лишь напакостить. Несмотря на значительную переработку текстов народных сказок, в этих эпизодах хорошо узнаваемы известные сказочные сюжеты. Волку лиса посоветовала опустить в «пролубь» хвост, чтобы наловить рыбы. Медведя вместо меда угостила горчицей. Потом медведь угодил по милости лисицы в капкан – «вот почему у медведей теперь нет хвостов».

Своей кровожадностью лисица вселила настоящий ужас во всех бегущих, летающих и ползающих обитателей леса. Пострадали от лисы и домашние животные: лошадь, осел, корова, овцы, собаки, бараны. Хозяева перестали выпускать их в поле.

В сказке по закону жанра всякая неправда требует наказания, а добро должно победить зло. Была наказана и лиса-злодейка. Однако наказание по сравнению с ее виной было слишком мягким. Лису изгнали из леса. Конец сказки внушает надежду, что больше подобного не повторится: «Она несколько раз хотела проникнуть в этот лес, но ее каждый раз не пускали. И теперь лиса не имеет туда доступа». Хотя зло и наказано, но чувства облегчения и удовлетворения не возникает, так как слишком большой урон был нанесен всему живому.

Если бы перед нами был первый номер журнала, то эта сказка о лесе и его обитателях могла бы пролить свет и объяснить столь необычное название всего журнала.

На последней странице номера располагается «Потешный уголок» (л. 8 об.): здесь представлен ребус, в котором зашифрована поговорка «Семь раз отмерь, один отрежь» и «Задача линий», в которой предлагается передвинуть спички в сложенной определенным образом фигуре, чтобы получить необходимое число квадратов.

Таким образом, в целом журнал можно охарактеризовать как литературно-развлекательный. В номере отсутствуют вступительная статья от редакции, «Письма в редакцию», следовательно, нет и редакционной корзины, из которой составляются следующие номера. Судя по псевдонимам, в исследуемом номере участвовали три автора: редактор Черный Ястреб, пишущий фантастику, некто Эфиоп, специализировавшийся на сказках и лирических зарисовках в прозе, и, наконец, поэт, подписавшийся как Подкидыш. Не исключен при этом случай, что под псевдонимами скрывались не три, а два человека, и даже один. Перед нами частное творчество юных писателей, и совершенно не чувствуется присутствие взрослого наставника. Разделы журнала «Лес» повторяют, скорее, структуру известных детских журналов, рассчитанных на детей и написанных взрослыми специально для детей.

Поскольку в журнале отсутствует редакционная статья, а авторы (они же – и издатели) скрылись за псевдонимами, на настоящий момент нет возможности установить, представители каких именно учебных заведений выпускали журнал «Лес». Однако можно с уверенностью говорить о том, что состав редколлегии был невелик; весьма вероятно, что выпуск журнала в данном случае являлся инициативой группы авторов. Небольшой объем номера, снижение его объема по сравнению с предыдущим и заявленная периодичность могут свидетельствовать о том, что издатели не имели большого опыта в выпуске собственного журнала; очевидно, что такими ограниченными силами было практически невозможно обеспечить выход еженедельного издания. Косвенным свидетельством, подтверждающим этот вывод, служит отсутствие информации о более поздних номерах журнала; однако здесь, конечно, необходимы дальнейшие разыскания.

Структура и тематика журнала указывают на юный возраст авторов и издателей «Леса». В отличие от журналов старшеклассников, в которых имелись такие разделы, как хроника школьной жизни, научный отдел, публицистика, критика, письма в редакцию, в журнале «Лес» не обсуждаются вопросы, связанные со школьной жизнью,

учебным процессом и межличностными взаимоотношениями учеников, педагогов и родителей, тем более нет проблем общественно-политических. Однако было бы неверным рассматривать ученический журнал как простое подражание и пробу пера. Кроме пробы пера и проявления самодетельности, самовыражения, литературное творчество помогает юным авторам найти позитивное начало при соприкосновении с действительностью военных лет. Осмысление страшных реалий военного времени происходит через эмоциональное переживание. Ребенок интерпретирует мир через призму своих эмоций, навыков, знаний, через игру, знакомые сказки, известные книги.

Стилистика текстов выдает их очевидно вторичный характер, однако о жанрах представленных в номере произведений необходимо сказать отдельно. Если лирические зарисовки в стихах и прозе, сказки, развлекательные ребусы и загадки встречаются во многих школьных журналах, в том числе и томских, то фантастика – а тем более роман – в них не представлена.

Место фантастики в русской дореволюционной литературе уже изучалось¹; общий вывод исследователей заключается в том, что отдельные произведения в этом жанре встречаются в отечественной литературе с XVIII в., однако текстов уровня Ж. Верна и Г. Уэллса в период до 1917 г. создано не было. В начале XX в. публиковались – в том числе и в провинциальных издательствах – сочинения ряда авторов, посвященные, в числе прочего, и космическим путешествиям². Первое фантастическое произведение К.Э. Циолковского «На Луне» было написано в 1887 г., а опубликовано в 1893 г. в приложении

¹ Ревич В.А. Не быть, но и не выдумка: фантастика в русской дореволюционной литературе. М. : Знание, 1979. 4 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. литература. 1979. № 6); Бугров В.И., Халымбаджа И.Г. Фантастика в дореволюционной русской литературе: опыт библиографии // Поиск–83. Свердловск, 1983. С. 328–352.

² Инфантьев П. На другой планете : повесть из жизни обитателей Марса. Новгород, 1901. 142 с.; Богданов А.А. Красная звезда. СПб., 1908. 156 с.; Красногорский Б. По волнам эфира : астрономический роман. СПб., 1913. 256 с.

к журналу «Вокруг света»¹. Массовые тиражи, широкое распространение романов Ж. Верна, его огромная популярность у детей и взрослых подтверждаются наличием как отдельных изданий, так и полных собраний сочинений фантаста во всех крупных ведомственных, публичных и других общедоступных библиотеках г. Томска.

«К началу XX в. также относится выход в свет на русском языке фантастических романов Герберта Уэллса «Машина времени» (1900) и «Первые люди на Луне» (1901). В общедоступной библиотеке «Дома науки им. П.И. Макушина», открытой в г. Томске 1912 г., зафиксировано несколько изданий романов Г. Уэллса², а в 1911 г. его роман «Битва миров» был заказан для Усть-Чарышской Пристанской народной бесплатной библиотеки³. Произведения писателей-фантастов были известны и доступны не только в губернском центре, но и в селах Томской губернии. Автор романа «Путешествие на Марс» вполне мог быть знаком хотя бы с некоторыми из перечисленных произведений.

Следует принимать во внимание и окружавший автора повседневный технический, культурный и образовательный контекст. В 1900 г. в Томске был открыт первый в Сибири Технологический институт; в 1901 г. – Томское коммерческое училище, преобразованное в 1912 г. в Первое Сибирское среднее политехническое училище; именно при нем выпускался журнал «Мысли учащихся средней школы»⁴. Таким образом, в начале XX в. в Томске уже довольно широка была группа профессиональных инженеров и студентов-технологов, которые, очевидно, проявляли интерес ко всем новинкам техники. Томская про-

¹ Циолковский К.Э. На Луне : фантастическая повесть : с оригинальными рисунками художника А. Гофмана. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1893. 48 с. (Бесплат. прил. к ж-лу «Вокруг света» за 1893 г.).

² ТОКМ. 10992/428. Хронологический каталог Дома науки имени П.И. Макушина. Т. 1 [рукопись].

³ Карташова Т.П. П.И. Макушин. Новые документы // Десятые Макушинские чтения : материалы науч. конф. (Томск, 12–14 мая 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 15.

⁴ Жиликова Н.В., Карташова Т.П. «Зеленые побеги будущего»: история развития школьной журналистики и ее оценка на страницах дореволюционной периодической печати (на примере газеты «Сибирская жизнь», 1917 год) (в печати).

фессура также интересовалась развитием технологий; например, первый в Сибири радиоприемник появился менее чем через год после испытания экспериментального экземпляра. Он использовался в экспедиции Ф. Капустина в устье Енисея, предпринятой в 1895 г. Такое быстрое получение технической новинки может быть объяснено тем фактом, что супруга профессора Федора Капустина Августина являлась сестрой Александра Попова, изобретателя радио. В 1911 г. в Томске появился первый аэроплан и был выставлен для обозрения публики в театре сада «Буфф»¹. В 1909 г. в Томск переехал Б.П. Вейнберг, известный российский физик, открывший в 1910 г. первый в Сибири аэротехнический кружок. В 1913 г. на кафедре физики Технологического института вместе с кружковцами он создал действующую модель дороги на магнитной подушке, опередив более чем на полвека соответствующие исследования ученых США и Японии. В Томск приезжали специалисты со всего мира, чтобы ознакомиться с изобретением, а в 1914 г. американскими кинематографистами был снят фильм «Сибирское чудо». Очевидно, что общая атмосфера внимания к движению прогресса не могла не сказываться на интересах томских учащихся – студентов и школьников.

Особое внимание следует обратить не только на содержание, но и на оформление журнала, которое оказывается не совсем обычным, особенно в сочетании с текстом.

В оформлении исследуемого номера использованы как шрифтовые средства, так и собственно иллюстрации. Что касается первых, крупный шрифт с тенями использован на обложке и на л. 1, в заглавии «Путешествие на Марс». Заглавия на л. 3 об. и 4 об. написаны крупным шрифтом, имитирующим печатный, а на л. 4 – курсивом, с подчеркиванием волнистой линией. Заглавие последнего раздела «Потешный уголок» (л. 8 об.) также написано крупным шрифтом, имитирующим печатный, и обрамлено рамкой из прямой и волнистой линий. В отдельных случаях встречаются геометрические украшения, например концовка на л. 4. Имя художника не указано, однако на л. 1

¹ Сибирская жизнь. 1911. № 82, 15 апр.

на нижнем крае заставки и на л. 8 рядом с концовкой после сказки о лисе-разумнице читаются инициалы «Ч.Я.». Можно предположить, что автором иллюстраций являлся все тот же Черный Ястреб (он же редактор-издатель).

Техника воспроизведения – гектограф. Известно, что гектографическим способом также тиражирован один из номеров журнала «Родная Сибирь», т.е., журнал «Лес» в этом плане не был уникален. Оригинал для гектографа изготавливался в основном рукописным способом; отметим, что почерк оригинала в случае «Родной Сибири» и «Леса» серьезно отличается: их переписывали разные люди. Псевдоним переписчика «Леса» указан – это единственный сотрудник редакции Эфиоп.

В качестве иллюстративного материала использованы заставки, концовки, а также иллюстрации в тексте. Это преимущественно сюжетные рисунки. Так, вторую главу «Путешествия на Марс» предваряет заставка с изображением деревенского дома на берегу реки (л. 1); в тексте второй главы содержится рисунок с изображением расписки в получении денег (л. 3) и т.д.

На л. 5 об. при описании деяний лисы-разумницы совершенно не к месту помещен рисунок сказочной принцессы или феи в длинном платье с высокой прической, а в конце сказки про лесных обитателей (л. 8) нарисован младенец с мячиком.

Внутренние противоречия текстов и несоответствия текстов и названий произведений еще больше видны при сопоставлении текстов с иллюстрациями. На наш взгляд, подобная дисгармония объясняется не только юным возрастом авторов, но и конкретно-историческими условиями военного времени, когда разрушается единство семьи (отца отправили на фронт), ставятся под сомнение усвоенные в семье и школе нормы и общечеловеческие ценности. Они разбиваются об ужасы войны, которые не описаны прямо, но проявляются опосредованно (описания злодеяний лисы). Пытаясь обрести в душе гармонию и единство, авторы выплескивают на бумагу накопившееся внутри напряжение и ожидание беды. Пытаясь справиться с внутренним конфликтом, юные авторы ищут любви, ста-

бильности, защищенности в понятных для них вещах: семейных праздниках (Новый год), забавных играх, литературном творчестве, рисунках. Рисунки, как и тексты, говорят о родном, близком и понятном, об общечеловеческих ценностях: дом, лес, принцесса, мячик, малыш.

Таким образом, можно сказать, что выявленные на настоящий момент томские самодельные школьные журналы были довольно разнообразными по составу, тематике, объему, оформлению и периодичности выхода. Хотя преобладающим типом можно назвать литературный журнал, однако во всех исследованных на сегодняшний день случаях к литературным опытам добавляются либо развлекательные элементы (как в случае «Леса» или «Товарища»), либо информационные заметки о школьной жизни («Товарищ»). Несколько особняком стоит в этом плане «Родная Сибирь», имевшая собственную четко сформулированную программу с областническим оттенком, однако по типам текстов это также в основном журнал литературный.

Коллективы авторов имели разные технические возможности для тиражирования журналов, однако наиболее распространено было использование средств малой полиграфии (литография и гектограф): к ним прибегли редколлегии трех из известных четырех журналов. Помимо относительной дешевизны, эти методы обладали и еще одним достоинством: изготовить оригинал для тиражирования было довольно просто, можно было это сделать буквально на собственном рабочем столе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в начале XX в. томские учащиеся имели довольно широкие возможности для творческого самовыражения и, что важно, активно ими пользовались. Первые шаги по изучению томских школьных самодельных журналов позволили показать, что ниша эта была весьма многообразной. Представляется, что необходимы дальнейшие исследования, которые позволят не только расширить наши представления о томской периодике начала XX в., но также дадут новый материал для реконструкции интересов и чаяний томской молодежи.

Помимо историко-культурной и краеведческой информации, ученические журналы могут стать незаменимым источником для литературоведческих и лингвистических исследований словесной культуры молодого поколения. Они дают уникальный материал, позволяющий не только представить словарный запас молодых сибиряков и их представления об определенных литературных жанрах, но также охарактеризовать уровень владения литературным словом и творческий потенциал. Изучение ученических журналов Томска и Сибири представляется весьма перспективным.

5.4. Своеобразие сибирского «ученического сборника»

Вид сибирского ученического сборника берет свое начало в первой трети XIX в. и по формату связан прежде всего с рукописной традицией, закономерно развивающейся в среде сибирской учащейся молодежи, гимназистов и семинаристов. Как подчеркивает исследователь сибирской книги В.Н. Волкова, «рукописные газеты и журналы первой трети XIX в. самими их создателями (прежде всего чиновной интеллигенцией и образованным купечеством) еще нередко воспринимались как творческая игра, способ интеллектуального проведения досуга»¹.

В биобиблиографическом словаре Е.Д. Петряева уточняется, что в Иркутске преподавателем гимназии Н.И. Виноградским издавался рукописный журнал «Домашний собеседник» (1830–1834), носивший во многом досуговый характер и отражавший развивающуюся литературу пушкинского периода. Характерным станет и журнал иркутских гимназистов «Вечера досуга» (1838), по материалам которого можно было составить представление о вкусах местной молодежи с ее явной склонностью к эстетике сентиментализма².

¹ Волкова В.Н. Светская рукописная книга Сибири XIX – начала XX в. как отражение духовных потребностей времени // Вестник Омского университета. 2001. № 4. С. 56.

² Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья : материалы для биобиблиографического словаря. Иркутск ; Чита, 1965. Ч. 1: Дореволюционный период.

Таким образом, «ученический сборник» изначально нес в себе не только черты любительской издательской продукции, но явно тяготел к изданию досугового типа. Современный исследователь делает важный акцент на том, что «развлекательной литературой можно назвать литературные произведения (или документы), ставящие целью: предоставить общедоступные сведения по разным вопросам; способствовать интересному и полезному отдыху, проведению досуга в игровой форме; вызвать положительные эмоции»¹. Более того, подобный вид изданий связан не только с развлекательно-гедонистической, но и с информационной, просветительской функцией, поэтому по адресно-целевой характеристике во многом соотносим с изданиями массового типа, которые стали формироваться в русской литературе еще с начала XIX в.

Общая типологическая особенность первых сибирских рукописных ученических сборников и журналов – тот факт, что издателями и редакторами большей частью были педагоги и чиновники, а авторами и переводчиками – учащиеся и ссыльные, в частности декабристы. В связи с этим формировался и достаточно широкий круг авторов. Столь же широка была и читательская аудитория, в нее входили ссыльная и местная интеллигенция, преподаватели, учащиеся, которые одновременно являлись авторами, создателями и распространителями такого рода рукописных изданий.

Ярким примером законченного издательского проекта, отражающего общие тенденции формирующегося вида печатного ученического сборника, стали «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Поликсеньева». Сборник, созданный в Иркутске в 1836 г., был отпечатан в типографии Санкт-Петербургской Академии наук весьма внушительным тиражом – в тысячу экземпляров.

Старейшая в Сибири Иркутская гимназия была открыта в 1805 г. Показательно, что с 1815 по 1821 г. место директора иркутских училищ и директора Иркутской гимназии занимал один из первых отече-

¹ Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги : учеб. пособие. М. ; Киев, 2009. С. 396.

ственных исследователей Сибири П.А. Словцов. Неслучайно в начальном разделе «Вместо эпитафии» приведена большая цитата из его исторического сочинения «*Письма из Сибири*» (1826), выявляющая просветительскую суть подобных опытов: «...*Образованные люди, недавно исправлявшие звание учителей, и небольшое племя молодых людей, учившихся в Губернских Гимназиях, очевидно способны к правильности и ясности гражданского письмоводства, украшая при том свои связи небывалыми познаниями <...> Между тем, в залог Просвещения, не перестает расти скромное семейство наставников, почитающих за честь своего звания посвящать досуги наукам*»¹.

Уже в самой концепции и структуре этого издания намечается формирующаяся типология вида ученического сборника, где в качестве ответственного за издание выступает руководитель организации либо преподаватель, а его жанровая ориентация явно соотносится с «взрослой» журналистикой, в данном случае – с формой коллективного сборника альманашного вида. Но, в отличие от альманаха, ученические издания имели комплексный характер, так как, помимо литературного, в них был представлен богатый материал собственно социокультурного характера: описания школьной жизни, экскурсий, воспоминания выпускников, биографии учителей и т.п.

Ю.Б. Балашова предлагает рассматривать специфику самодеятельного литературного творчества учащихся в аспекте инкультурации, отражающей «формирование в ученической среде принципов эстетического отношения к действительности и овладения навыками художественного творчества»². Метод нашего исследования также видится комплексным, позволяющим не проводить грани между эстетическим, публицистическим и собственно социокультурным контентом издания.

¹ Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Поликсеньева : сб. ученических работ. СПб. : В типографии Императорской Академии наук, 1836. Л. 1. Далее все цитаты из сборников выделены курсивом.

² Балашова Ю.Б. Школьная журналистика начала XX века как форма социально-культурной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. С. 7.

Вариант Предисловия в «Прозаических сочинениях...» представлен в *«Предуведомлении»*, подписанном не именем редактора или составителя, но общим коллективным автором, именующим себя *«Разбиратели»*. В нем продолжает акцентироваться мысль Словцова о том, что в содружестве учеников и преподавателей необходимо сбалансированное сочетание эстетического и просветительского аспектов для общего развития читателя. Если учитывать специфику социально-культурной основы ученического сборника, то закономерно, что «он оказывается своеобразным досуговым откликом на учебную программу»¹. Так, в первой его части идут разборы и переводы учащимися басен Крылова, во второй – тексты самих учеников, затем так называемые *«Рассуждения»* религиозно-дидактического характера. Последние разделы – повести и письма в стиле Карамзина, а также описания путешествий по родным местам, имеющих уже явно краеведческую установку.

На последних страницах издания, за подписью Василия Шабашникова, размещена рубрика *«Известия»*, где дается описание торжественного открытия училища для детей канцелярских служащих в Иркутске. В подрубике *«Приложения»* перечислены *«Имена особ, благоволивших подписаться на книгу»* в различных сибирских городах: Иркутске, Кяхте, Нерчинске, Омске, Якутске и пр. Среди подписчиков – госслужащие, ректоры и профессора семинарий, местные купцы и мещане, штаб-лекари, пансионеры и др., что выявляет широту и разнообразие самой читательской аудитории.

В итоге этот сборник занял особое место в литературной жизни края, при этом ярко выявив и жанровую специфику изданий такого рода. С одной стороны, «статьи и сочинения в нем еще нельзя назвать литературным фактом, они находятся на грани литературы, с другой – наблюдается характерное для 30-х гг. и для будущих сибирских сборников слияние краеведческой и художественной традиции»². В то же время издание несет в себе и черты альманаха, если помнить, что по

¹ Балашова Ю.Б. Школьная журналистика начала XX века... С. 20.

² Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. С. 294–295.

жанровой специфике – это сборник литературных произведений, объединенных по определенному признаку и созданный группой единомышленников.

В целом же ученические сборники первой половины XIX в. представляют ряд достаточно репрезентативных, но пока еще случайных и незначительных явлений в литературе – недостаточных для того, чтобы говорить об их промежуточном характере по отношению к нарождающимся сборникам классического типа. По формату это типичные коллективные сборники, отражающие некую единую концепцию, выраженную не только на уровне текста, но и на уровне паратекста: общих тем и мотивов, предисловий, комментариев, приложений, указателей и пр., что достаточно показательно выявляет интертекстуальные предпочтения их составителей.

Новая волна активности в формировании и создании такого рода книжной продукции закономерно приходится на начало XX в., с которым связывается понятие «ученического Серебряного века» (по терминологии Балашовой). Время во многом соотносится с пушкинской эпохой, когда такие категории, как «товарищество», «братство», «кружок», становятся определяющими в нарождающемся литературном процессе. Особенностью и своеобразием развития педагогической мысли в России этого периода становится тот факт, что мощное развитие науки о человеке выдвигает в центр внимания изучение личности ребенка, его потребностей и возможностей.

Подобную тенденцию выявляет и исследователь сибирской книги А.Л. Посадсков, подчеркивая, что именно 1910-е гг. стали временем первых опытов так называемого «гимназического» книгоиздания в России. По его словам, «сегодня, когда чуть ли не каждая городская школа выпускает на компьютерах свои газеты, журналы, альманахи, а то и серии поэтических сборников своих воспитанников, школьным издательством никого не удивишь. Тогда же попытки издания книг гимназического творчества воспринимались как свидетельство общественного прогресса, интеллектуального роста нового поколения страны. Редакторами и организаторами школьных альманахов и журналов часто выступали педагоги-словесники, но немало было

примеров инициативной работы и самих лицеистов, гимназистов, семинаристов. Место “отцов-основателей” литературного очага стали нередко занимать “юнцы-основатели”¹. Закономерно и возрастание оппозиционности сибирских ученических журналов, их демократических ожиданий в период войн и революционных потрясений.

Наиболее показательным в этом плане является сборник литературных произведений учеников Иркутской мужской гимназии «Первый подснежник», отпечатанный в губернской типографии и являющийся характерное продолжение вида ученического сборника, но уже в формате гимназического. Он просмотрен нами в секторе редкой книги Томской областной библиотеки им. А.С. Пушкина в фондах личной библиотеки местного краеведа Владимира Домаевского и представляет вид благотворительного издания, о чем сообщается на задней обложке: *«Продается в пользу недостаточных учеников»*². Жанр благотворительного сборника, как известно, являет собой по историко-типологической модели уже специализированную разновидность альманаха.

По структуре в нем проявляется достаточно сложившаяся типология вида ученического коллективного сборника, где Предисловие пишется не автором или редактором, но подписано группой составителей, именующих себя достаточно общо – *«Иркутская мужская гимназия»*. Здесь акцентируется важная роль издания, появившегося в такое суровое время: *«Как ранний подснежник, появляющийся после долгого, холодного зимнего покрова, служит предвестником наступающей весны и расцвета природы, так и наш сборник среди серой и томительно-однообразной жизни гимназиста является предвестником свободного расцвета молодых сил, пробуждением мысли и первых проблесков литературного творчества. И наш “подснежник” – первый подснежник, ибо в нашей родной холодной Сибири он*

¹ Посадсков А.Л. Издательство «Факел» и его сотрудники: страница из истории российской печати XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2013. С. 14.

² Первый подснежник : сб. литературных произведений учеников Иркутской мужской гимназии. Иркутск : Губернская тип., 1914. Вып. 3. 208 с.

является первым гимназическим сборником литературных произведений»¹.

В содержательном плане сборник привлекает, конечно, не уровнем литературного мастерства, но разнообразием жанров. Например, в первом беллетристическом разделе стихи перемежаются прозой художественно-публицистического характера, представленной рассказом, легендой, наброском, сказкой. В последнем разделе помещена статья Бельского «Певец Сибири», посвященная творчеству сибирского писателя И.В. Омулевского, кумира сибирской молодежи, чей роман «Шаг за шагом» по популярности был соотносим в свое время с романом Чернышевского «Что делать?».

В 1916 г. в Москве силами иркутских литераторов был издан еще один значимый общесибирский литературно-публицистический сборник «Северные зори», задуманный и осуществленный на общественных началах, который также преследовал благотворительные цели, о чем указано на обложке: «Доход с издания поступает в фонд на постройку Учительского Дома в Иркутске»². Его уже определенно можно отнести к виду учительского сборника, закономерно вычленившегося из формата ученического.

По своей содержательной части сборник получился подчеркнуто сибирским. Судя по литературному разделу, очевидно стремление его составителей объединить основные сибирские силы, что было отмечено и столичной критикой. Альманах вышел в самый разгар Первой мировой войны и тесно связан с ней и тематически, и идеологически. Но если литературный раздел представлен стихами и прозой уже достаточно известных в Сибири поэтов и писателей – К. Дубровского, Вяч. Шишкова, Г. Вяткина, Ис. Гольдберга, П. Второва, Вл. Бахметьева, К. Журавского, Г. Гребенщикова, Е. Бахарева, – то совсем по-другому, контрастно выглядит публицистический раздел. Большую его часть занимают публицистические статьи и материалы, посвя-

¹ Первый подснежник... Л. 3.

² Северные зори : литературно-публицистический сб. М. (Иркутск) : Тип. Т-ва И.Д. Сытина. 1916. 312 с.

ценные проблемам образования и просвещения отдаленных российских окраин вообще и Сибири в частности.

Откровенно просветительно-дидактический характер этих текстов наиболее отчетливо проявлен в статье Г.И. Поршнева «Знание и жизнь», с характерным подзаголовком – «Апология книги», в которой настойчиво проводится мысль о том, что «...народные учителя не только сами должны постичь искусство, что и как читать, но и своих учеников научить тому же. Их задача сделать книгу орудием просвещения не только в школе, но и среди всего народа, так жадно теперь устремившегося к печатному слову». Вследствие этого «...на месте закрывшихся кабаков нужно воздвигнуть народные дома, библиотеки, музеи, выставки, театры, которые бы вместо хмельного угара развивали в народе чувство общественности и приучали его к коллективности как в усвоении знаний, так и в использовании ими»¹.

Что касается нарождающегося вида студенческого сборника, то необходимо помнить, что история студенческой прессы берет начало в России еще со второй половины XIX в., когда в Санкт-Петербурге вышла газета «Студенческий мир». Кроме нее в XIX – начале XX в. выходили такие периодические издания, как «Русское студенчество», «Голос студенчества», «Студенческие годы» и другие, освещавшие студенческую жизнь.

Одним из таких изданий в Томске стал двухнедельный художественный журнал «Молодая Сибирь»². К сожалению, он существовал очень недолго (с октября по ноябрь 1909 г.) и перестал выходить в свет после 10-го выпуска, заканчивавшегося обращением редколлегии к читателям журнала с просьбой поддержать начинание томских литераторов. Но, несмотря на это, журнал пользовался большой читательской популярностью, а его появление приветствовала вся сибирская пресса. Каждая очередная книжка горячо обсуждалась

¹ Северные зори... С. 310.

² Молодая Сибирь : двухнедельный художественный журнал, посвященный литературе, общественной жизни, искусствам и науке / ред.-изд. Н.Н. Алексеев. Томск : Паровая тип. Н.И. Орловой, 1909. В подзаголовке издания дано важное уточнение: «*Причем нуждам Сибири будет уделено особое внимание*».

в литературной и культурной среде Томска, вызывала споры и дискуссии.

Важно и то, что редактором-издателем журнала стал студент 3-го курса Томского университета Н.Н. Алексеев, выдвинувший в программу издания такие принципиальные темы, как образование и просвещение Сибири, деятельность местных обществ, инородческий вопрос, проблемы этнографии, земства, права, сибирской ссылки, народного быта. В его журнале, в отличие от других сибирских, наблюдалось явное доминирование беллетристики. Основными авторами были уже достаточно известные сибирские поэты Г. Вяткин, И. Иванов, М. Васильева, В. Курицын, А. Петров, И. Тачалов, И. Хейсин. Прозаический раздел связан с именами Г. Гребенщикова, А. Замиралова, П. Казанского, С. Кареева, Н. Кобелева, А. Туркина, Вяч. Шишкова и др. Публицистический отдел возглавляли А. Адрианов и Г. Потанин.

Итогом бурной литературной жизни Томска первых десятилетий XX в. стало появление еще одного студенческого общественно-политического и литературного журнала «Сибирский студент», редактором-издателем которого стал сотрудник газеты «Сибирская жизнь» М.Б. Шатилов, вследствие чего и большая часть редколлегии журнала также была связана с нею¹. Журнал, изначально направленный по читательской адресации на студенческую аудиторию, тем не менее не стал «молодым» по составу авторов, но выполнял более важные функции – отражал специфику Томска как первого университетского города за Уралом и обнаруживал органичное сочетание «молодых сил» и «старшего поколения». В список авторов издания вошли имена Марии Бауэр, Г. Вяткина, М. Васильевой-Потаниной, Е. Ватмана, Г. Гребенщикова, К. Дубровского, А. Замиралова, В. Лоцилова, Ады Чумаченко, Вяч. Шишкова и др. В разделе публицистики печатались статьи А. Адрианова, Г. Потанина, В. Прейсмана. Критико-библиографический раздел возглавляли В. Бахметьев, Н. Тепикин, Н. Чужак.

¹ Сибирский студент : студенческое общественно-политическое и литературное издание : ежемесячный журнал. Томск : Пар. тип. П.И. Орловой, 1914–1916.

В итоге главным результатом первых десятилетий XX в. стал тот очевидный факт, что не только в Томске, но и по всей Сибири уже сложилась студенческая печать со своим кругом интересов и со своей особой спецификой.

Наиболее репрезентативным сибирским сборником в формате студенческого представляется, на наш взгляд, «Утро жизни», с уточняющим типовидовым подзаголовком – *«Студенческий литературный альманах»*¹. Изданный под редакцией В.И. Мясникова в Хабаровске, он отличается достаточно универсальным характером и отражает общие тенденции местной студенческой среды. На его титуле размещен эпиграф из стихотворения Н. Огарева «Друзьям»: *«Мы в жизнь вошли с прекрасным упованием, / Мы в жизнь вошли неробкою душой, / С желаньем истины, добра желаньем...»*². По структуре сборник, так же как и ученический, достаточно универсален, что выявляет интертекстуальные предпочтения его составителей. Он содержит разделы стихов, обзора студенческой прессы, рецензию на томский журнал «Сибирский студент», написанную самим редактором, и статью А. Бакшеева «Студенческие песни».

Бесподписная вступительная статья *«Думы о нашем студенчестве»* крайне концептуальна. Соотнося период революционных потрясений с «днями раздумий, тревог и сомнений», автор выявляет особую роль студенчества как класса целой серией риторических вопросов: *«Теперь о студенчестве заговорили буквально все. Всем хочется знать, какие идеалы, стремленья и думы у юной “надежды” России? К каким берегам жизни она держит свой тернистый, скорбный путь? Какие вожди, “властители дум” и кумиры у современного студенчества?»*³

Ярким явлением этого периода, как мы уже подчеркнули выше, стала деятельность издательства «Факел», зародившегося изначально в Петербурге, а затем прочно утвердившегося в Томске.

¹ Утро жизни : студенческий литературный альманах / под ред. В.И. Мясникова. Хабаровск : Электро-тип. Хабар. т-ва печ. дела, 1914. 88 с.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 3.

А.Л. Посадсков подчеркивает, что 1910-е гг. стали временем опытов так называемого «гимназического» книгоиздания в России: «Сегодня, когда чуть ли не каждая городская школа выпускает на компьютерах свои газеты, журналы, альманахи, а то и серии поэтических сборников своих воспитанников, школьным издательством никого не удивишь. Тогда же попытки издания книг гимназического творчества воспринимались как свидетельство общественного прогресса, интеллектуального роста нового поколения страны. Редакторами и организаторами школьных альманахов и журналов часто выступали педагоги-словесники, но немало было примеров инициативной работы и самих лицеистов, гимназистов... На фоне этих наблюдений можно лучше понять историю издательства «Факел», которое было основано училищной молодежью, потом стало студенческим, а в конце превратилось во вполне “взрослое” общественно-политическое (и даже резко политизированное) издательское предприятие»¹, что вело и к модификации образа читателя.

Днем появления издательства «Факел» можно считать 15 сентября 1913 г. Именно этот день указан на обложке первой его книги – литературно-художественного сборника «Зимние радуги»². Он являет, по сути, типично провинциальную любительскую продукцию альманашного типа крайне невысокого уровня.

По содержанию это брошюра смешанного содержания, в которой стихотворения перемежаются прозой и критическими статьями, но, по сути, это типично провинциальная любительская продукция альманашного типа крайне невысокого уровня. Из всех сочинений некоторую ценность представляют лишь стихи «Из мотивов “Тайаваты”» Михаила Плотникова – известного в дальнейшем сибирского этнографа, фольклориста и литератора. Прочие авторы, по предположению А.Л. Посадскова, скорее, являлись друзьями и одноклассниками В. Микулина. Но при всем этом сборник отражает явные тенденции эпохи модерна, в нем полемически манифестируются

¹ Посадсков А.Л. Издательство «Факел» и его сотрудники... С. 14.

² Зимние радуги : сборник. Томск : Факел, 1914. 36 стб.

основные направления времени, в частности связанные с эстетикой футуризма.

Тонкая книжечка сборника «Зимние радуги», отпечатанная скоропечатней «Энергия», сохранилась только в двух библиотеках – Российской национальной библиотеке (РНБ) и Научной библиотеке Томского государственного университета. На просмотренном нами экземпляре сборника из фондов Отдела редких книг и рукописей НБ ТГУ проставлены следующие штампы: «Музей библиотековедения», «Библиотека Губпартсов. школы» (функционировавшая, судя по названию, уже в советские годы в Томске) и «Библиотека Томского университета».

На последних листах сборника внизу привлекает внимание многообещающая заявка: «В феврале выйдет в свет второй сборник издательства “Факел”».

Выхода второго сборника читатели не дождались, но следующей книгой издательства стал литературный сборник-альманах под названием «Черные розы»¹ с интересным уточнением на титуле внизу – «Четвертое издание», что означает, что между указанными сборниками вышло еще два, хотя до сих пор они не выявлены исследователями. Несмотря на достаточно амбициозную заявку в предисловии редакции, содержание этого сборника, как и предыдущего, отнюдь не отвечало притязаниям его создателей: большинство помещенных стихов и прозаических произведений были откровенно посредственными и нехудожественными.

Тем не менее ценным по фактам времени, упомянутым именам и обращению к читателю видится материал в послесловии «От издательства», размещенном на последнем листе сборника: «Литературный материал, печатаемый в альманахе издательства “Факел”, составляет всецело собственность издательства (Закон 20 марта 1911 г.). Помимо привлеченных уже сотрудников, издательство просит своих читателей препровождать ему различный материал для помещения в альманах. Рукописи должны быть снабжены фамилией

¹ Черные розы : литературный альманах / под ред. В.П. Микулина. Томск : Факел, 1915. 32 стб.

и адресом автора: чужое хорошее и собственное плохое не принимаются. Рукописи не возвращаются и могут быть исправляемы и сокращаемы. Желаящие получить ответ прилагают марки. Всю корреспонденцию надлежит направлять: В.П. Микулину. Дворянская, 10. Томск». В рамке на нижней обложке дается важное типовидовое уточнение: «Весь доход от издания поступает в пользу Сибирского общества помощи раненым на учреждение Передового Лазарета имени Сибири».

Как видим, по жанру – это сборник благотворительного характера, являющий по своей историко-типологической модели уже специализированную разновидность альманаха. Он закономерно вписывается в те традиции сборников периода Первой мировой войны, когда объектом благотворительности оставались все группы нуждающихся, но на первый план выходило попечение о больных и раненых воинах, воинах-инвалидах и членах их семей.

Начиная с 1915 г. издательство «Факел» считалось столичным и изменило адрес редакции. Но вскоре его создатели уехали из революционного Петрограда обратно в Томск, привезя с собой незавершенные дела издательства, в частности рукопись третьего литературного альманаха под названием «Свирель», изданного уже в Томске¹. Он также просмотрен нами по каталогу библиотеки Вл. Домаевского. На первой странице издания в гектографической технике отпечатан инскрипт Куприна: «*Старости – мудрости, / Молодости – дерзайте*». Если в типовидовом плане первое издание было названо «сборник», а второе – «литературный альманах», то «Свирель» уже имеет уточняющий подзаголовок – «*третий альманах молодой поэзии*», проявляя явные черты серийности. Более четко выявляется в нем и адресно-целевая установка, направленная на молодежную аудиторию с определенными пристрастиями в области новых модернистских тенденций, достигших в Сибири своего расцвета и многообразия течений в предреволюционный период и первые годы советской власти.

¹ Свирель : третий альманах молодой поэзии. Петроград : Факел, 1917. 48 с.

К сходным явлениям может быть отнесен и сборник «Опыты литературно-научного кружка учащихся гор. Омска»¹, представляющий собой уже рассмотренный вариант ученического сборника, но явно кружкового характера. Это станет значимой приметой нового времени, когда различные партии, артели и секции поставят на поток книжную продукцию, что отразит их нацеленную культуросозидающую практику. Сам тип кружка предполагает выработку его устава, программы, определения целей и задач. Этому соответствует и структура сборника, который делится на часть официальную, куда входят протоколы, устав, доклады, научные статьи, список членов кружка, и неофициальную, представляющую собственно литературные «опыты».

Во вступительной статье от «Президиума», как именует себя редакционная коллегия, выясняется, что первый выпуск этого сборника был издан еще в 1916 г., но за два года, в связи с революцией, многое изменилось. По мнению составителей, это как раз явилось аспектом позитивным, так как помогло объединить и расширить кружок, при котором уже создаются отделы, секции, вспомогательные учреждения. *«Кроме всего, – читаем дальше, – кружок является и просветительской базой: он пробует устраивать публичные заседания и диспуты, лекции по вопросам литературы, философии и науки. К участию в последних уже привлечены многие из здешних ученых, общественных деятелей и педагогов. Задумано даже собственное книгоиздательство, но слишком неблагоприятные внешние условия мешают развернуться этому делу»*².

Показательно, какие издательские стратегии предлагаются для «дальнейшего процветания нашей организации» и какую читательскую аудиторию она видит вокруг себя. Итак, необходимы два условия: *«1) привлечение в него опытных руководителей и участников из среды местной интеллигенции и 2) достаточные средства. Первое возможно в том случае, если педагоги и родители проявят больше*

¹ Опыты литературно-научного кружка учащихся гор. Омска. Омск : Тип. Акмолинского областного правления, 1918. Вып. 2. 162 с.

² Там же. С. 1.

интереса к нашему кружку и не будут уклоняться от активного участия в нем. Деньги же для нужд Кружка должно дать общество. Нужно думать, что среди состоятельных омичей найдутся лица, которые, поняв всю важность такой культурной организации, окажут молодежи широкую материальную поддержку»¹.

Интересной представляется обзорная статья в последнем разделе сборника *«Среди ученических журналов»*, подписанная криптонимом А.А. Р-кь. В ней автор пытается выявить основные тенденции и закономерности подобного рода литературных изданий в новых социально-политических условиях, среди которых выделяет *«...обилие статей, посвященных различным вопросам политической и общественной жизни государства, без которых в настоящее время не обходится ни одно ученическое издание...»*. По предположению рецензента, *«боевые статьи по политическим моментам, как чисто модное явление, скоро отойдут на задний план <...>»*. Придерживаясь этого взгляда, он *«позволяет себе в своем обзоре обходить молчанием статьи подобного содержания и главное внимание обращать на произведения чисто литературного характера...»²*. Тем не менее, как покажет история, эпоха нарождающегося Пролеткульта пойдет как раз по пути усиления идеологической составляющей молодежных сборников в ущерб эстетической.

В период формирования соцреализма (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) наблюдается преобладающая роль РАППа с ее краевыми отделениями, что приводило к буквальному «орабочиванию» литературы, поставленной на поток. В это время альманах будет представлять уже, по сути, определенный нормативный тип, другими словами – абсолютную внелитературную норму, что станет результатом социального заказа. По верному наблюдению Марии Заламбани, «способность принятия социального заказа определяет также возможность производства искусства; лишь тот, кто принимает заказ, кто действует в унисон с классом, стоящим у власти, может осуществить художе-

¹ Опыты литературно-научного кружка... С. 1.

² Там же. С. 159.

ственную задачу: получается, что механизм действует чрезвычайно избирательно и из управления художественным рынком исключается значительная часть интеллигенции»¹. Вследствие этого главным читателем объявлен читатель-гегемон – рабочий и колхозник.

Неслучайно вид ученического сборника в этот период сменяют сборники студентов-рабфаковцев, в которых, при общей и явной эстетической ослабленности, резко возрастут идеологическая составляющая и пропаганда изданий коллективно-кланового, пролетарского характера. Одним из таких показательных изданий станет сборник произведений студентов рабфака Государственного Дальневосточного университета «Литературный альманах», изданный под редакцией профессора А. Георгиевского. Отпечатанный внушительным тиражом – 2 000 экз. – он предварен статьей «От редактора», в которой подчеркивается характерная тенденция времени в литературной сфере – рождение нового типа авторов и читателей: «...*Дети рабочих и крестьян вместе с детьми трудовой интеллигенции дали новых работников на данном поприще. Первые опыты художественного творчества – опыты по преимуществу ученические <...> Перед нами один из таких сборников – результат работы студенчества одного из самых молодых университетов – Дальневосточного...*»².

Характерным для студенческого сборника нового социалистического образца становится вступительное слово руководителя организации. В данном случае оно бесподписное и носит название «*Первые итоги*», проявляя иные установку и цель по сравнению с редакторскими, что очевидно не только на уровне контента, но и стиля, перенасыщенного стилистическими повторами, излишней гиперболизацией и патетикой: «*От станка и сохи, через трудные годы партизанщины и гражданской войны, на рабфак вошли те молодые кадры, у которых осталось неизгладимое воспоминание от борьбы, упорной*

¹ Заламбани М. Литература факта. От авангарда к соцреализму / пер. с итал. Н.В. Колесовой. СПб. : Академический проект, 2006. С. 94.

² Литературный альманах : сб. произведений студентов Рабфака и ГДУ. Владивосток : Изд. КУБУЧ, 1927. С. 3.

тяжелой борьбы за свое дело <...> Пусть этот сборник будет первым приветствием студенту – поэту и писателю»¹.

Но такие «занятия литературой» чаще всего выливались в банальный ликбез, и не только по причине дефицита кадров, но и по самой установочной концепции. Подобная тенденция очень точно мотивируется Евгением Добренко в его монографии «Формовка советского читателя»: «Выйти к функциям литературы значило выйти во внелитературное пространство, в пространство, измеряемое реальными социологическими категориями, а не только организованное по законам тотальной эстетической доктрины и политико-идеологической инженерии. Этот путь был в советских условиях заблокирован»².

В подобной же эстетике коллективного студенческого сборника, но уже юбилейного типа, выдержан омский сборник «Учеба и песни»³. С ним соотносим томский юбилейный сборник «Творчество»⁴, структурированный по уже четко сложившемуся стандарту: вступительное слово руководителя вуза, председателя студенческого научно-медицинского общества. Вслед за научным разделом идет литературно-художественный. Интересен раздел досугово-развлекательного характера: шахматы, кроссворды, ребусы, загадки. На последней странице издания представлен «Список врачей 54-го юбилейного выпуска». На фронтисписе – полосной портрет Сталина. Издание отличается крайним лаконизмом в оформлении, низким качеством как редакционного, так и полиграфического исполнения.

Таким образом, модификация вида ученического сборника, как было показано, происходила за счет расширения границ жанра – от

¹ Литературный альманах... С. 4.

² Добренко Е.А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб. : Академический проект, 1997. С. 9.

³ Учеба и песни : юбилейный сб. к десятилетию рабфаков. Омск : Омский рабфак, 1929. 59 с.

⁴ Творчество : юбилейный сб. научных и литературно-художественных студенческих произведений, 1888–1938 / Том. гос. мед. ин-т им. В.М. Молотова; [отв. ред. Н. П. Федотов]. Томск : Красное знамя, 1938. 94 с.

ученического, гимназического, учительского, к студенческому, рабфаковскому, юбилейному. Постепенно шло формирование и общей модели-схемы, характерной для подобного вида изданий. В связи со сменой историко-культурных этапов в них происходит все большее поглощение литературного материала внелитературным, с мощной установкой на публицистичность вульгарно-социологического характера, что станет общей приметой времени периода «первых пятилеток».

В дальнейшем этот вид издания получит свое стремительное развитие на рубеже 1950–1960-х гг., в годы «оттепели», формирования новых поэтических студий и дружеских кружков в среде сибирской учащейся молодежи, что проявит новые поведенческие модели авторской и читательской среды после сталинской эпохи и качественно иной подход к литературной реальности.

Заключение

История читателя, читательского поведения и читательских практик – одно из научных направлений, активно развивающихся в последние годы в России и за рубежом. О необходимости комплексного подхода к изучению книжной культуры, при котором рассмотрение всех ее компонентов – книгоиздания, библиотечного дела, книготорговли – было бы спроецировано на процессы восприятия и чтения, писали многие авторы работ по социологии чтения, начиная с классических трудов известного российского ученого, историка культуры А.И. Рейтблата. Лейтмотивом современных исследований истории чтения является тезис о том, что реакция читателей на тексты определяется не столько самими текстами, сколько социальными обстоятельствами, т.е. читательская реакция – это социальный феномен. В связи с этим фокус исследований смещается с количественных параметров определения читательской аудитории на изучение читательских практик, коллективного и индивидуального опыта чтения, рассматриваемых в контексте разнообразных культурных и социальных факторов.

Исследование читательских практик Томска и Томской губернии в конце XIX – начале XX в., в период, когда регион становится признанным книгоиздательским, книготорговым, образовательным центром Сибири, позволило выявить основные механизмы формирования региональной инфраструктуры чтения, общие и особенные черты взаимодействия книги и общества, читателей и авторов. Концепция проведенного исследования основывалась на идее, что рост грамотности, расширение доступности текстов и становление литературы как культурного института являются взаимосвязанными процессами. Читательские практики формируются при определенных предпосылках и в определенном социокультурном контексте, они опираются на име-

ющеся «предложение». Процесс формирования читательского спроса, читательской направленности и мотивации чтения жителей Томска и Томской губернии, в свою очередь, оказал непосредственное влияние на появление новых техник воспроизведения текстов и каналов их распространения, а также на становление местного авторского корпуса и характер регионального литературного процесса рубежа веков.

Одним из важнейших факторов, оказавших существенное влияние на читательские практики указанного периода, были законодательные материалы о печати, типографиях, СМИ, цензуре и другие акты, контролирующие распространение и получение информации и предусматривающие два аспекта регламентации чтения: запретительный, который реализовался в первую очередь через органы цензуры, и рекомендательный, осуществляемый посредством Министерства народного просвещения, прессы. Однако попытки выстраивания жесткой системы регламентации чтения сталкивались на местах с невозможностью контролировать всю деятельность увеличившегося количества массовых библиотек, книжных складов, народных чтений и стремлением читателя в обход системы ограничений получить доступ к интересующей его книге. Так возникли, например, нелегальные студенческие библиотеки, восполняющие недостаток читателей в литературе, которая была запрещена цензурой.

Проведенный историко-культурный анализ архивных материалов показал, что социально-экономические преобразования в Сибири на рубеже XIX–XX в. коренным образом трансформировали облик читательской аудитории этого периода: изменился не только количественный, но и качественный состав читателей, пополнившийся представителями средних слоев городского населения. В этот период выдвинулся массовый читатель, имеющий невысокий уровень грамотности, но ощутивший необходимость в приобщении к чтению.

Появление массовой читательской аудитории сопровождалось процессом социальной стратификации общества, дифференциации читательских интересов различных социально-профессиональных групп читателей и формированием разных типов читательских практик, характеризующихся своей направленностью, читательскими

предпочтениями и соответствующим читательским спросом. Среди них наиболее значимыми в томской читающей среде рассматриваемого периода были читательские практики сибирской интеллигенции, которые во многом определяли формы, репертуар обеспечения книгами других сословий. На примере частной библиотеки, принадлежащей библиофилу, краеведу и педагогу Г.К. Тюменцеву, были определены культурные запросы, читательские вкусы, сам тип книжного собрания типичных представителей томской интеллигенции.

Расширение среднего читательского слоя происходило за счет местного чиновничества. Изучение уникальной рукописи А.М. Горохова начала XIX в., содержащей наставления автора его детям, позволило реконструировать круг чтения образованного томского чиновника, его читательские предпочтения и методы работы с текстом. С конца 1850-х гг. книга стала неотъемлемой частью духовного развития и профессионального становления государственных служащих, чтение которых характеризовалось секуляризацией и прагматизмом; познавательные интересы читателей этой группы были также связаны с историей Сибири и этнографией ее народов, о чем свидетельствует творческая деятельность представителей томского чиновничества (Н.А. Костров, И.И. Тыжнов и др.)

Во второй половине XIX в. изменение читательской аудитории и ее потребностей в чтении было характерно для всей страны, но процесс формирования нового читателя обретал своеобразные черты в условиях различных регионов. В Томске это было связано прежде всего с ростом учебных заведений и появлением самой большой и активной читательской группы этого периода – учащейся молодежи (студентов университетов, училищ, гимназий, семинарий). «Ядро чтения» студенчества составляла не только учебная и научная, но и нелегальная социально-политическая литература, которую распространяли частные агенты. Разные формы читательской самоорганизации студенчества: создание нелегальных библиотек при студенческих землячествах, издание студенческих газет и журналов, – формировали особую субкультуру чтения с присущими ей читательскими потребностями и предпочтениями. Так, молодежные читательские практики

этого периода были связаны и с формами досуга, реализуя разнообразные познавательные и развлекательные цели. Молодежь зачитывалась романами М. Арцыбашева и А. Вербицкой, большой популярностью пользовались произведения поэтов модернизма, на различных площадках проводились вечера декадентского искусства. Формирующаяся на рубеже веков новая культурная парадигма массовой литературы, характеризующаяся эффектностью, фантастичностью и лубочной яркостью красок повествования, обусловила повальное увлечение томских читателей детективной литературой, «пинкертоновщиной». Несмотря на деморализующее влияние этой литературы на читательскую аудиторию, особенно на незрелые умы подрастающего поколения, она сыграла определенную роль в процессе привлечения массового читателя и формирования устойчивой привычки к чтению.

Рассмотрение на основе уникальных архивных материалов специфики бытования книги в сельской местности Томской губернии начала XX в. также показало трансформацию читательских практик в процессе модернизации сибирской деревни и крестьянского уклада. Наиболее стабильным каналом распространения книги и печати в деревне стало создание бесплатных народных библиотек при содействии таких просветительских организаций, как Общество содействия устройству сельских библиотек-читален Томской губернии, которые играли роль посредника между властными структурами и книгоиздательскими, книготорговыми фирмами, занимаясь составлением индивидуальных для каждой библиотеки каталогов, подбором литературы, подготовкой ответов на запросы читателей и рекомендаций библиотекарям. Рост читательской активности на селе сопровождался качественными изменениями: секуляризацией чтения и замещением традиционной лубочной литературы более качественными «изданиями для народа». Кроме того, изучение деятельности сельских библиотек выявило еще одну особенность формирования местного репертуара чтения: комплектование их томскими изданиями и создание при них отделов по сибирской тематике, что свидетельствовало о постепенном продвижении местной книги к своему читателю. На примере старообрядческих библиотек было изучено читательское поведение старообряд-

цев, охарактеризован репертуар книг, имевших хождение в старообрядческих общинах, что позволило расширить представление об отношении читателей к книге, которая, оставаясь явлением сакральным, органично вписывалась в бытовой, повседневный контекст жизни.

Вследствие активного роста учебных заведений, распространения образования и повышения его ценности в обществе, развития детской литературы и расцвета отечественной педагогики особую значимость обретали детские практики чтения, которые регулировались государственными институтами, учебно-образовательными учреждениями и библиотеками при них, а также семьей. Если в середине XIX в. в Томске книги для детей еще не издавались, их трудно было найти в библиотеках, то в последние десятилетия ситуация меняется: детскими изданиями стали комплектоваться библиотеки, с 1880-х гг. реализовывались издательские проекты детских книг местных авторов, формировались домашние библиотеки для семейного чтения. Эта тенденция носила не только просветительский характер, постепенно в обществе утверждалось представление о том, что воспитание юного читателя значимо в аспекте дальнейшего социокультурного развития региона.

Изучение механизма формирования читательских практик выявило значение общественной и частной инициативы и капитала в продвижении печатной продукции в Томской губернии. Особенно интересным и значимым в современных условиях представляется опыт П.И. Макушина по созданию бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, организации публичных библиотек в Томске на основе личных собраний, проведению народных чтений как наиболее доступной формы привлечения к чтению неграмотных и малограмотных слоев населения, реализации издательских проектов по публикации местных авторов, анонсированию книжной продукции через газеты. Такое же влияние на создание и продвижение местного репертуара оказывали и культурно-просветительские организации. Таким образом, благодаря частной и общественной инициативе фактически была создана долгосрочная программа адресной поддержки потребителей местной книги и периодики в городе и селе.

Характеризуя особенности читательских практик в Томске и Томской губернии на рубеже веков, необходимо отметить расширение сети библиотек (общественных, ведомственных и частных) и их ведущую роль в распространении книги среди читателей. Наряду с индивидуальным и семейным чтением большую популярность приобрели различные формы коллективного чтения и общественного использования книги, например, народные чтения, проводимые под руководством П.И. Макушина и Общества попечения о народном образовании. При этом чтение сочеталось с другими формами проведения досуга, привлекавшими массового читателя: показом «туманных картинок», литературными и музыкальными вечерами, театральными постановками. Такие формы способствовали популяризации чтения, установлению обратной связи между автором и читателями, расширили возможности приобщения к культуре разных слоев населения.

Проведенное исследование показало, что становление читательских практик постепенно становилось важнейшим фактором регионального литературного процесса. Цепочка создания текста (авторский этап) и бытования книги (читательский этап) не замыкалась, а породила новый виток «жизненного цикла» книги, эволюция читательских вкусов и предпочтений способствовала генерации новых текстов в регионе, формированию местного авторского корпуса.

Это подтверждается различными формами взаимодействия читательских практик и регионального литературного процесса конца XIX – начала XX в. Проведенное исследование установило, что многие тенденции такого взаимодействия имели общероссийский характер, но в региональном проявлении обрели свои характерные особенности. Например, бытование литературных текстов в газетно-журнальной форме. Распространение малой прессы в указанный период являлось важнейшим фактором, характеризующим специфику читательских практик, так как именно газета втягивала в сферу своего влияния все более широкие социальные слои, приобщая «низовую» читательскую аудиторию к регулярному чтению. Городская пресса характеризовалась «литературоцентризмом», наличием постоянного беллетристического раздела с публикациями фельетонов, рассказов, очерков и «сценок

с природы». Таким образом, городская газета не только формировала вокруг себя местный авторский корпус, но и способствовала развитию читательских потребностей, привлекая внимание читателей к томским авторам. Такую же функцию во многом выполняли и литературные сборники, имевшие в своем составе произведения не только местных авторов, но и известных общерусских поэтов и писателей. Рассмотрение эволюции данного вида издания в рамках указанного периода показало неуклонный рост интереса местных читателей к чтению и произведениям на сибирскую тематику.

Появившаяся в этот период региональная литературная критика, восприимчивая к новым течениям в искусстве, выполняла роль посредника между литературой и читательской аудиторией, обращала ее внимание на наиболее значимые явления в литературе, помогала отличить подлинное творчество от эпигонства, тем самым не только расширяя читательский горизонт, открывая новые имена, но и формируя эстетический вкус, культуру чтения томичей.

Важнейшей чертой, характеризующей специфику взаимодействия регионального литературного процесса и формирующихся в порубежный период читательских практик населения Томска и Томской губернии, была вовлеченность читателей в процесс самостоятельного участия в литературном и книгоиздательском процессах. Изучение самодеятельных школьных журналов «Лес» и «Родная Сибирь» позволило реконструировать круг чтения учащихся, их представления об определенных литературных жанрах, знакомство с классической и современной литературой. Рост читательской самодеятельности в этот период через деятельность нелегальных библиотек при студенческих землячествах, издание самодеятельных журналов и газет, организацию частных издательств подтверждает мысль о том, что читательская активность растет в тех случаях, когда читатели сами имеют возможность принимать участие в создании книги и формировании местного репертуара чтения.

Исследование взаимодействия регионального литературного процесса и читательских практик конца XIX – начала XX в. позволило сделать вывод о том, что в этот период Томск становится поистине

литературной столицей Сибири. Как множество других российских городов, регион в этот период переживал интенсивное культурное развитие: появлялось все больше учебных заведений, в том числе высших, все более заметную роль в общественной жизни играла интеллигенция, привычными формами досуга стали чтение, посещение театральных представлений, симфонических концертов, появились возвращенные в местных условиях молодые литераторы, активно публиковавшие свои произведения в местных и столичных периодических изданиях, альманахах и сборниках. Под воздействием чтения генерировались новые тексты. Так, рецепция изданных произведений стимулировала творческие устремления людей, профессионально не связанных с литературой, например председателя губернского статистического комитета князя Н.А. Кострова, занимавшегося переводами с греческого и писавшего очерки на сибирские темы; увлечение модернизмом подтолкнуло к поиску собственного творческого пути и созданию литературно-критических статей Г. Вяткина; следствием читательских практик стало и рождение уголовно-приключенческого романа конторщика управления Томских железных дорог В.В. Курицына «Томские труппы». Так, на рубеже веков в Томске формировалось «культурное гнездо» со своими героями, местными темами, «здоровым сибирским реализмом», своим миропониманием и способами отражения мира.

В современных социокультурных условиях, когда книга утрачивает свой статус в обществе, обращение к опыту чтения конца XIX – начала XX в. существенно расширяет представления о механизмах становления региональных (в частности, томских) читательских практик, о стратегии активного формирования читательской культуры жителей региона в порубежные периоды истории общества.

Научное издание

АЙЗИКОВА Ирина Александровна, ВОРОБЬЁВА Татьяна Леонидовна,
ЕСИПОВА Валерия Анатольевна, КАРТАШОВА Татьяна Петровна,
МАКАРОВА Елена Антониновна, ТУЛЯКОВА Елена Ивановна

**ЧИТАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ
ТОМСКА И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 23.07.2020 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 19,25. Усл. печ. л. 17,90.
Тираж 500 экз. Заказ № 4157.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-911-2

9 785946 219112